

очарование

Джудит Макнот

Благословение
небес

МУЛТАФИЛМ

Романтическая серия

Джудит Макнот

Благословение небес

«АСТ»

1990

Макнот Д.

Благословение небес / Д. Макнот — «АСТ»,
1990 — (Романтическая серия)

Точно сама судьба обрушилась на прекрасную аристократку Элизабет Кэмерон. Осмелившись, имея жениха, полюбить другого мужчину, она потеряла все: и возлюбленного, и уважение общества... Два года страданий, затем – недолгие месяцы счастливого замужества, а потом – снова предательство, одиночество и боль. Удастся ли Элизабет когда-нибудь вернуть любимого и заслужить благословение небес?

© Макнот Д., 1990

© АСТ, 1990

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	34
Глава 6	50
Глава 7	62
Глава 8	73
Глава 9	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Джудит Макнот

Благословение небес

Глава 1

Однажды на рассвете пятнадцать человек в синих с серебром ливреях вышли из ворот Хэвенхёрста и отправились в путь. Все они имели при себе совершенно одинаковые послания от мистера Джулиуса Кэмерона, дяди некой леди Элизабет Кэмерон, которые нужно было в срочном порядке доставить в пятнадцать домов Англии.

Получателей этих посланий объединяло только одно: все они имели несчастье просить руки его племянницы леди Элизабет и получили категорический отказ.

Лицо каждого из этих пятнадцати джентльменов по прочтении письма в первый момент выразило шок. Затем на их лицах можно было прочесть сомнение, насмешку и злорадное удовлетворение. Двенадцать из них тут же ответили отказом на выходящее за рамки всех приличий предложение Джулиуса Кэмерона и поспешили к приятелям, чтобы поделиться с ними этой восхитительной, ошеломляющей новостью.

И только трое из получателей отреагировали так, как это было желательно графу.

Лорд Джон Марчмэн только что вернулся с охоты, которой посвящал все свободное время, когда в дом вошел слуга из Хэвенхёрста, и лакей передал ему письмо. «Черт меня побери», – выдохнул Джон Марчмэн, закончив чтение. В письме черным по белому было написано, что мистер Джулиус Кэмерон хотел бы еще при жизни видеть пристроенной свою племянницу леди Элизабет Кэмерон, а потому собирается немедленно выдать ее замуж. Поэтому, писал мистер Кэмерон, он хотел бы пересмотреть ранее отвергнутое предложение руки и сердца лорда Марчмэна. Учитывая, что со времени, когда было сделано это предложение, прошло уже более полутора лет, мистер Джулиус Кэмерон предлагал направить к нему свою племянницу в гости (разумеется, не одну, а под присмотром какой-нибудь родственницы или компаньонки), дабы они могли «возобновить свое знакомство».

Не в состоянии поверить написанному, лорд Марчмэн походил по комнате и еще дважды перечитал послание целиком. «Черт меня побери», – проговорил он опять. Запустив пальцы в свои пшеничные волосы, он бессознательно оглядел стену напротив, увешанную его ценнейшими сокровищами – головами животных, убитых им в Европе и других частях света. Американский лось уставился на него остекленевшим взглядом; рядом с ним сердито заворчала голова дикого кабана. Подойдя поближе, Марчмэн с неуместной в данном случае нежностью почесал лося за рогами, выразив ему этим жестом свою признательность за тот чудный день охоты, ознаменовавшийся этим трофеем.

Видение прелестной, кружащейся в танце Элизабет Кэмерон всплыло у него перед глазами – ее невероятно красивое, словно выточенное на камне лицо; зеленые глаза и нежные, улыбающиеся губы. Когда он впервые увидел ее полтора года назад, то сразу подумал, что это самая красивая девушка, которую он встречал в своей жизни. После второй встречи его настолько покорили простота и непосредственность этого прелестного семнадцатилетнего создания, что он помчался к ее брату делать предложение. Брат холодно отказал ему.

Очевидно, дядя Элизабет, который теперь стал ее опекуном, оценил Джона по менее жестким стандартам.

А может быть, за этим решением стояла сама леди Элизабет; возможно, те две встречи в парке значили для нее так же много, как и для него.

Встряхнув головой, Джон подошел к третьей стене, на которой были вывешены различные виды багров для рыбной ловли, и задумчиво выбрал один из них. Сегодня должна клевать форель, подумал он, вспоминая медовые волосы Элизабет. Ее волосы блестели на солнце, напоминая ему блеск чешуи прекрасной форели, плещущейся в реке. Эта аналогия показалась ему такой удачной и поэтичной, что лорд Марчмэн на мгновение застыл, потрясенный этим удачным сравнением. Он решил, что, когда Элизабет придет к нему в следующем месяце, сделает ей комплимент в точности этими словами. Лорд Марчмэн был первым, кто послал положительный ответ ее дяде.

Сэр Фрэнсис Белховен, четырнадцатый адресат Джулиуса Кэмерона, прочитал его письмо, сидя в своей спальне, завернувшись в атласный халат. Его любовница лежала на кровати в противоположном конце комнаты и ждала, когда он закончит читать.

– Фрэнсис, дорогой, – проворковала она, поскребывая ногтями по атласным простыням, – что в этом письме такого важного, что ты сидишь там, вместо того, чтобы лежать рядом со мной?

Он поднял голову и передернулся от звука, который она производила ногтями.

– Не рви простыни, любовь моя, они стоят по тридцать фунтов за штуку.

– Если бы ты любил меня, – ответила она, стараясь говорить не слишком ноющим голосом, – ты бы не думал об их стоимости.

Фрэнсис Белховен был так прижимист, что временами Элоиза задумывалась, выгадает ли она что-нибудь, кроме одного-двух платьев в год, если выйдет за него замуж.

– А ты, если бы любила меня, больше пеклась бы о моем кошельке, – последовал незамедлительный ответ.

Как в пять, так и в сорок пять лет Фрэнсис Белховен не был женат, однако он никогда не страдал от недостатка женского общества и без памяти любил представительниц слабого пола – их тела, лица, и опять тела...

Однако в настоящий момент ему был нужен законный наследник, а для этого требовалась жена. Весь последний год он довольно много размышлял, определяя для себя, каким требованиям (надо сказать, довольно строгим) должна отвечать та любимица фортуны, которую он в конце концов изберет. Он хотел, чтобы его жена была и молода, и красива, и к тому же располагала солидными средствами, дабы предотвратить посягательство на его собственные.

Поверх письма Джулиуса он бросил жадный взгляд на грудь Элоизы и мысленно добавил новое требование к своей будущей жене: она должна понимать, что его чувственные аппетиты очень сильны и он нуждается в разнообразии сексуального меню. Она не должна кукушаться, как черносливина, только оттого, что он заведет тривиальную легкую интрижку или даже несколько. Он не намерен в сорок пять лет выслушивать от какой-нибудь девчонки ханжеские нотации о верности и морали.

Образ Элизабет Кэмерон еще больше выигрывал по сравнению с его обнаженной любовницей. Какой аппетитной маленькой штучкой она была два года назад, когда он делал ей предложение. Тонкая талия, пышная грудь, лицо... незабываемое. Ее капитал... адекватный. Однако после загадочного исчезновения ее брата пошли слухи, что она осталась почти без гроша; но из письма ее дяди явствовало, что она принесет мужу солидное приданое, а это означало, что слухи, как всегда, были только слухами.

– Фрэнсис!

Поднявшись, он прошел через комнату и сел возле Элоизы. Ласково положив руку ей на бедро, другой рукой он дотянулся до звонка.

– Секунду, дорогая, – сказал он, когда в спальню влетел слуга. – Проинструктируй моего секретаря, чтобы он отправил утвердительный ответ, – сказал Белховен, вручая ему письмо.

Последнее послание было переправлено из лондонского дома Яна Торнтон в его загородное поместье Монтмэйн. Там, среди горы деловой и светской корреспонденции, оно и оказалось, ожидая своего часа. Ян Торнтон вскрыл послание Джулиуса Кэмерона, не переставая быстро надиктовывать инструкции своему новому секретарю. Чтобы принять решение, ему вовсе не потребовалось так много времени, как лорду Джону Марчмэну или сэру Фрэнсису Белховену.

Он смотрел на письмо в полном недоумении, в то время как его секретарь Петерс, получивший эту работу всего две недели назад, бормотал про себя благодарственную молитву за перерыв, не переставая писать так бегло, как только мог, пытаясь угнаться за быстрой диктовкой своего работодателя.

– Либо это чья-то ошибка, либо какая-то злая шутка. В противном случае это невыносимо дурной вкус, – пробормотал Ян с окаменевшим лицом.

Воспоминание об Элизабет Кэмерон всколыхнулось в памяти Яна – маленькая, пустая, меркантильная кокетка с лицом и телом, которые, как наркотик, притупили его ум. Когда он встретил ее, она была помолвлена с виконтом. Видимо, она так и не вышла за своего виконта, – должно быть, бросила его ради кого-нибудь более высокого полета. Ему было хорошо известно, что представители английской знати вступали в брак только ради престижа и денег, после чего супруги искали выход своим нежным чувствам где-нибудь на стороне. Очевидно, родственники Элизабет Кэмерон снова вывели ее на брачный аукцион. Коли так, они, должно быть, чертовски жаждут сбыть ее с рук, если ради денег Яна готовы отказаться от титула... Это послание скорее всего чья-нибудь глупая шутка. Человек этот, без сомнения, не забыл слухи, которые ходили после того загородного уик-энда, и решил, что Ян найдет эту шутку забавной.

Отбросив мысли о шутнике и Элизабет Кэмерон, Ян перевел взгляд на своего замученного секретаря, который продолжал писать как сумасшедший. «Ответ не нужен», – сказал он и перебросил письмо через стол секретарю, но белый пергамент соскользнул с полированного дуба и плавно опустился на пол. Петерс неуклюже подпрыгнул, чтобы поймать его, и вся остальная корреспонденция упала на пол с его колен.

– Пп-простите, сэр, – забормотал секретарь, вскакивая и сбивая в кучу бумаги, рассыпавшиеся по ковру. – Я чрезвычайно извиняюсь, мистер Торнтон, – добавил он, хватая контракты, приглашения, письма и складывая их в беспорядочную кипу.

Хозяин, похоже, не слышал его. Он уже выдавал новые инструкции и переправлял через стол приглашения и письма.

– Отклоните первые три, примите четвертое, пятому откажите. На это пошлите мои соболезнования. На это объясните, что я собираюсь в Шотландию, и отправьте приглашение встретиться там; одновременно с этим пошлите распоряжение приготовить коттедж к моему приезду.

Петерс высунул голову из-за стопки бумаг, которые прижимал к груди.

– Да, мистер Торнтон, – сказал он, пытаясь придать своему голосу уверенность. Но когда стоишь на коленях, очень трудно сохранять уверенность в себе. Петерсу это было еще труднее, так как он не был точно уверен, что правильно запомнил, к каким письмам и приглашениям относились инструкции хозяина.

Весь остаток дня Ян Торнтон работал в своем кабинете с Петерсом, который совершенно обессилел от непрерывного писания под диктовку.

Вечер Ян провел с графом Мельбурном, своим будущим тестем, обсуждая условия брачного контракта. А Петерс весь вечер пытался выяснить у дворецкого, какие приглашения, по его мнению, хозяин должен был бы принять, а какие отклонить.

Глава 2

Лакей, выполнявший при необходимости обязанности конюха, помог ей спешиться. Надо заметить, что необходимость сочетать обе эти должности возникала постоянно. Леди Элизабет Кэмерон, графиня Хэвенхёрстская, прыгнула со своей кобылы, которую давно уже следовало отправить на заслуженный отдых. «Спасибо, Чарльз», – сказала она, признательно улыбнувшись старому слуге.

В эту минуту молодая графиня даже отдаленно не напоминала женщину, принадлежащую к дворянскому сословию; более того, ее вряд ли можно было назвать даже просто леди. Голова ее была повязана голубой косынкой; простое платье без какой бы то ни было отделки давно вышло из моды; на руке висела корзинка, которую она всегда брала с собой, когда отправлялась на рынок. Но ни блеклый наряд, ни древняя лошадь, ни корзинка, висевшая на руке, не смогли изменить внешность Элизабет Кэмерон настолько, чтобы ее можно было назвать обычной. Золотые волосы роскошной волной падали из-под косынки ей на спину; когда же она снимала косынку, которую повязывала только выходя в деревню, эти чудные волосы, редко заплетавшиеся в косу, лежали на плечах, обрамляя потрясающей, безупречной красоты лицо. У нее были прекрасно вылепленные высокие скулы, сливочного оттенка кожа дышала здоровьем, так же свежи и нежны были мягко очерченные губы. Но больше всего в ее внешности привлекали глаза – под разлетающимися бровями, окаймленные длинными загнутыми ресницами, они были поразительно яркого зеленого цвета. Не светло-карие и не голубые, как вода, а зеленые; замечательно выразительные глаза, которые сверкали, как изумруды, когда она была счастлива, и темнели, как река перед грозой, когда она грустила или задумывалась.

Лакей с надеждой впился глазами в содержимое корзинки, завернутое в бумагу, но Элизабет с сожаляющей улыбкой покачала головой.

– Там нет фруктовых пирожных, Чарльз. Они оказались слишком дорогими, и мистер Дженкинс никак не хотел проявить благоразумие. Я сказала ему, что куплю целую дюжину, но он не согласился сбросить цену больше, чем на пенни, поэтому я не купила ни одного – просто из принципа. Знаешь, – призналась она, засмеявшись, – на прошлой неделе, увидев, что я свернула к его магазину, он спрятал за дверь мешки с мукой!

– Он просто трус! – сказал Чарльз, усмехнувшись.

Всем торговцам и лавочникам в округе было известно, что Элизабет Кэмерон держалась за каждый шиллинг до последнего, и, когда она начинала сбивать цену, а делала она это неизменно, лишь немногие могли устоять под напором ее аргументов. В этой борьбе главным ее преимуществом была не красота, а интеллект; она не только умела мгновенно складывать и умножать в уме любые цифры, но, перечисляя причины, по которым, на ее взгляд, следовало бы сбросить цену, была так изобретательна, что либо доводила своих оппонентов до изнеможения, либо окончательно запутывала, вынуждая их нехотя с ней соглашаться.

Столь рачительное отношение к деньгам Элизабет распространяла не только на лавочников; в самом Хэвенхёрсте она придерживалась такой же тактики, экономя буквально на всем; и в конце концов это принесло свои плоды. В девятнадцать лет девушка осталась совсем одна, и волей-неволей ей пришлось взвалить на свои плечи все заботы о поместье, унаследованном ею от предков, и содержать восемнадцать слуг, оставшихся из тех девятина, что служили у них раньше. С помощью незначительной финансовой поддержки своего прижимистого дяди Элизабет удалось сделать почти невозможное: вот уже два года она спасала Хэвенхёрст от продажи с молотка, а также кормила и одевала слуг. Единственной «роскошью», которую позволила себе Элизабет, была мисс Люсинда Трокмортон-Джонс. Эта дама была ее дуэньей, а теперь еще и платной компаньонкой на сильно урезанном жалованье. И хотя Элизабет знала, что вполне

может жить в Хэвенхёрсте одна, она также понимала, что сделай она это, и то небольшое, что осталось от ее репутации, будет окончательно погублено.

Элизабет передала корзинку лакею и в утешение сказала:

– Вместо фруктовых пирожных я купила клубнику. Мистер Зергуд оказался более благоразумным, чем мистер Дженкинс. Он согласился с тем, что, когда человек покупает что-то в большом количестве, то само собой разумеется, за каждый предмет в отдельности он платит меньше.

Чарльз поскреб в голове, стараясь не показать, что ход ее мыслей для него слишком сложен, и изобразил полное понимание.

– Само собой, – сказал он, уводя лошадь, – любому дураку ясно.

– Вот и я говорю, – сказала Элизабет. Затем повернулась и легко взбежала по ступенькам крыльца, прикидывая в уме, какие записи нужно сделать в расходной книге. Бентнер распахнул перед ней дверь; на его полном немолодом лице было написано сильное волнение. Тонем человека, которого распирает от радости, но который слишком горд, чтобы показать это, он провозгласил:

– К вам посетитель, мисс Элизабет!

Вот уже полтора года у нее не было посетителей, поэтому неудивительно, что Элизабет вслед за смятением, охватившим ее в первый момент, почувствовала прилив ребяческой радости. Это не мог быть кредитор – она распродала почти всю мебель и очистила Хэвенхёрст от всего мало-мальски ценного, зато полностью расплатилась со всеми кредиторами.

– Кто это? – спросила Элизабет, входя в холл и развязывая косынку.

Сияющая улыбка расплылась по всему лицу Бентнера.

– Это Александра Лоуренс! Э-э, Таунсенд, – поправился он, вспомнив, что посетительница теперь уже замужем.

От радости и невозможности поверить в это Элизабет на мгновение застыла, а потом развернулась и помчалась по коридору с неподобающей для леди скоростью, срывая на ходу косынку. В дверях она внезапно остановилась, косынка повисла у нее в руках, и взгляд упал на красивую молодую брюнетку в элегантном красном дорожном костюме, стоявшую посреди комнаты. Брюнетка повернулась, девушки взглянули друг на друга, и в уголках их губ и в глубине глаз заиграли улыбки. Элизабет, переполненная восхищением, удивлением и радостью, наконец прошептала:

– Алекс? Это действительно ты?

Брюнетка улыбнулась, теперь уже открыто.

Они еще немного неуверенно постояли; каждая из них отмечала драматические перемены в другой, произошедшие за эти полтора года, и каждая испытывала легкую тревогу, когда обнаруживала, что перемена была слишком сильной. В безмолвной комнате воспоминания о детской дружбе и давней привязанности друг к другу быстро начали обступать их со всех сторон, затем подтолкнули вперед, заставив сделать один нерешительный шаг навстречу, после чего они побежали и обхватили друг друга руками, сжимая в неистовых объятиях, смеясь и плача от радости.

– О, Алекс, ты так замечательно выглядишь! Я так скучала по тебе! – засмеялась Элизабет, снова стиснув подругу. В светском обществе Алекс звалась Александрой, герцогиней Хостонской, но для Элизабет она была просто Алекс, ее старинной подругой, подругой, которая долгое время была в свадебном путешествии и вряд ли могла знать, в какую ужасную переделку попала Элизабет в ее отсутствие.

Потянув подругу к дивану и усадив, Элизабет обрушила на нее стремительный поток вопросов. «Когда ты вернулась из свадебного путешествия? Счастлива ли ты? Как ты оказалась здесь? Как долго у меня пробудешь?»

– Я тоже скучала по тебе, – сказала Алекс, радостно смеясь и отвечая на вопросы Элизабет в том же порядке, в каком они были заданы. – Я вернулась три недели назад. Я невероятно счастлива. Я здесь, чтобы повидать тебя, конечно же, и погощу несколько дней, если ты не возражаешь.

– Конечно, не возражаю! – весело сказала Элизабет. – У меня нет абсолютно никаких планов, за исключением сегодняшнего дня. Сегодня ко мне должен приехать дядя.

В действительности список светских развлечений Элизабет был абсолютно чист на все двенадцать месяцев в году, но визиты ее дяди были еще большим несчастьем, чем отсутствие визитов вообще. Но сейчас все это не имело значения. Элизабет была так счастлива снова видеть свою подругу, что беспрерывно улыбалась и ничего не могла с этим поделать.

Как когда-то в юности, они скинули обувь и, поджав под себя ноги, стали болтать обо всем сразу, как будто и не было этих полутора лет; они вспоминали свои детские годы, и их лица попеременно становились то счастливыми, то нежными и печальными.

– Ты сможешь когда-нибудь забыть, – смеясь спросила Элизабет двумя часами позже, – какие смешные турниры мы устраивали, когда нас приглашали к Мэри Эллен на день рождения?

– Никогда, – улыбнулась при этом воспоминании Алекс.

– На рыцарских поединках ты каждый раз сбрасывала меня с седла, – напомнила Элизабет.

– Да, зато ты всегда выигрывала в соревнованиях по стрельбе. Во всяком случае, до тех пор, пока об этом не узнали твои родители и не решили, что ты слишком взрослая – или слишком утонченная, – чтобы участвовать в этом. – Алекс вздохнула. – Нам не хватало тебя.

– Не так сильно, как мне вас. Я всегда точно знала, в какой день будет турнир, и изнывала от тоски, представляя, как вы там веселитесь. А потом мы с Робертом решили устраивать собственные турниры и уговорили участвовать в них всех слуг, – добавила она и засмеялась, вспомнив себя и своего сводного брата в те далекие дни.

В ту же секунду улыбка сошла с лица Алекс.

– А где Роберт? Ты ни разу о нем не упомянула.

– Он... – Элизабет заколебалась, понимая, что невозможно рассказать об исчезновении брата, умолчав обо всем, что этому предшествовало. С другой стороны, сочувствие, проскальзывавшее в глазах Александры, вызывало у Элизабет подозрение, что ее подруге уже известна вся история. Бесстрастным голосом она произнесла:

– Роберт исчез полтора года назад. Я думаю, это может быть связано с... в общем, с долгами. Давай сейчас не будем об этом, – торопливо добавила она.

– Очень хорошо, – согласилась Алекс, изображая беспечную улыбку. – Тогда о чем мы будем говорить?

– О тебе, – сразу нашлась Элизабет.

Алекс была старше Элизабет, но время потекло вспять, когда Александра стала рассказывать о своем муже, которого она явно обожала. Элизабет внимательно слушала описания удивительных мест, в которых они побывали. Муж специально повез ее в свадебное путешествие вокруг света, чтобы показать ей все те места, которые он уже видел и очень любил.

– А теперь расскажи мне о Лондоне, – сказала Элизабет, когда Алекс прервала свой рассказ о виденных ею городах.

– А что бы ты хотела знать? – очнувшись от воспоминаний, спросила Алекс.

Элизабет наклонилась вперед и уже было открыла рот, чтобы спросить о вещах, которые так много значили для нее, но гордость помешала ей задать эти вопросы.

– О... да ничего в особенности, – солгала она. «Я хочу знать, являюсь ли я предметом насмешек или осуждения моих подруг, или – что еще хуже – их жалости, – подумала Элиза-

бет. – Я хочу знать, распространились ли слухи о моей бедности. Но больше всего я хочу знать, почему никто из них ни разу не потрудился навестить меня или хотя бы прислать записку».

Полтора года назад, когда состоялся ее первый выход в свет, Элизабет имела сокрушительный успех, и количество предложений руки и сердца, которые она получила, исчислялось рекордными цифрами. И вот сейчас, в девятнадцать лет, она оказалась отторгнутой от того же самого общества, которое когда-то обласкивало и восхваляло ее и даже старалось ей подражать. Элизабет нарушила их правила и стала центральной фигурой скандала, слух о котором распространился в свете, как пожар.

Глядя на Александру с чувством неловкости, Элизабет спрашивала себя, знают ли в свете всю историю целиком или только о самом скандале и говорят ли еще об этом или наконец предали инцидент забвению. Алекс отправилась в продолжительное путешествие как раз перед тем, как этому случиться, и Элизабет гадала, успела она услышать об этом после возвращения или нет.

Эти вопросы стучали у нее в мозгу, но задавать их было слишком рискованно. Ее удерживали от этого две причины: во-первых, Элизабет боялась, что, услышав ответы Алекс, расплачется, а плакать она не собиралась. А во-вторых, чтобы задать Алекс вопросы, ответы на которые ей так хотелось получить, нужно было сначала рассказать подруге обо всем, что случилось. А простая правда заключалась в том, что Элизабет чувствовала себя слишком одиноко и сиротливо, чтобы так рисковать, – кто знает, может, узнав обо всем, и Алекс откажется от нее.

– Так что же конкретно тебе хотелось бы узнать? – повторила Алекс все с той же жизнерадостной улыбкой, которую она надела себе на лицо, улыбкой, за которой прятала от своей гордой подруги печаль и сострадание.

– Все! – мгновенно ответила Элизабет.

– Ну тогда, – сказала Алекс, мысленно выталкивая из комнаты облако невысказанных вопросов Элизабет, – лорд Дазенберри только что обручился с Сесилией Лакруа!

– Как хорошо, – ответила Элизабет, тихо и ласково улыбнувшись; в голосе ее звучала искренняя радость. – Он очень богат и из прекрасной семьи.

– Он неисправимый волокита и заведет себе любовницу не позже чем через месяц после того, как произнесет в церкви клятву верности, – высказалась Алекс со свойственной ей прямоотой, которая всегда шокировала и одновременно привлекала Элизабет.

– Надеюсь, что ты ошибаешься.

– Я не ошибаюсь. Но если ты так думаешь, может быть, заключим пари? – предложила Алекс, так обрадовавшись, что в глазах подруги снова заискрился смех, что не подумала о том, как бестактно ее предложение. – Скажем, фунтов на тридцать?

Внезапно Элизабет почувствовала, что больше не может выносить этой неизвестности. Ей надо было знать, привела к ней Алекс верность их дружбе, или она оказалась здесь, ошибочно полагая, что Элизабет все еще самая популярная женщина в Лондоне. Встретившись взглядом с голубыми глазами Алекс, Элизабет произнесла со спокойным достоинством:

– У меня нет тридцати фунтов, Алекс.

Алекс ответила ей таким же прямым взглядом, сморгнув навернувшиеся слезы жалости:

– Я знаю.

Элизабет научилась встречать невзгоды с высоко поднятой головой, загнав страх поглубже. Но теперь, столкнувшись с добротой и преданностью подруги, она чуть не расплакалась столь ненавистными ей слезами, которых никто не смог из нее выжать даже в то время, когда разразилась трагедия. Сдавлившие горло слезы мешали ей говорить, и Элизабет с трудом пробормотала:

– Спасибо.

– Тебе не за что меня благодарить. Мне пересказали всю эту грязную историю, и я не верю ни единому слову! Больше того, я хочу, чтобы ты приехала в Лондон на время сезона и

пожила у нас. – Наклонившись вперед, Алекс взяла ее за руку. – Ради твоей же собственной гордости ты должна поставить их всех на место. Я помогу тебе. Даже больше: я уговорю мать моего мужа воспользоваться для тебя своим влиянием. Верь мне, – закончила Алекс с любящей улыбкой, – никто не посмеет пройти мимо тебя, не раскланявшись, если за тобой будет стоять сама вдовствующая герцогиня Хостон.

– Пожалуйста, Алекс, перестань. Ты сама не знаешь, что говоришь. Даже если бы я захотела, а я этого не хочу, она никогда на это не согласится. Я не знаю ее, но уверена, что она знает обо мне все. Я имею в виду то, что обо мне говорят.

Алекс не смутила ее возражения.

– Ты права только в одном – она действительно слышала эти сплетни. Но после того как я поговорила с ней, она захотела встретиться с тобой и составить собственное мнение. Она полюбит тебя так же, как и я. А если это произойдет, она сдвинет горы, но заставит общество снова принять тебя.

Элизабет покачала головой, сглотнув комок в горле. Она была благодарна подруге, но страдала от унизости своего положения.

– Я очень признательна тебе, правда, но я просто не вынесу этого.

– Я уже приняла решение, – мягко предупредила ее Алекс. – Мой муж уважает мое мнение, поэтому я не сомневаюсь, что он тоже согласится. А что касается платьев, то у меня их множество, почти совсем новых. Я одолжу их тебе...

– Ни в коем случае! – вспыхнула Элизабет. – Пожалуйста, Алекс, – умоляюще сказала она, испугавшись, что может показаться неблагодарной. – Оставь мне хоть немного гордости. И кроме того, – добавила она с легкой улыбкой, – я вовсе не так уж несчастна, как ты, кажется, думаешь. У меня есть ты. И у меня есть Хэвенхёрст.

– Я знаю, – сказала Алекс. – Но я также знаю, что ты не можешь оставаться здесь всю свою жизнь. Когда ты приедешь ко мне в Лондон, тебе вовсе не обязательно будет куда-то выезжать, если ты этого не хочешь. Мы просто будем все время вместе. Я так соскучилась по тебе.

– Ты будешь слишком занята, чтобы уделять мне внимание, – сказала Элизабет, вспомнив круговорот развлечений, которым был отмечен ее первый сезон.

– Я не буду так уж занята, – сказала Алекс, и глаза ее загадочно заблестели. – Я жду ребенка.

Элизабет обняла подругу.

– Я приеду! – согласилась она прежде, чем успела как следует обдумать свое решение. – Но я ведь могу остановиться в доме своего дяди, если его в это время не будет в городе.

– У нас, – упрямо сказала Алекс.

– Посмотрим, – так же упрямо проговорила Элизабет и тут же восторженно рассмеялась. – Ребенок!

– Извините, мисс Алекс, – прервал их Бентнер, входя в гостиную, и повернулся к Элизабет. – Только что прибыл ваш дядя, – с огорчением в голосе доложил он. – Он хочет видеть вас немедленно в кабинете.

Алекс вопросительно посмотрела на дворецкого, затем на Элизабет.

– Мне показалось, Хэверхёрст сильно опустел. Сколько здесь сейчас слуг?

– Восемнадцать, – ответила Элизабет. – Пока не пропал Роберт, мы сократили их до сорока пяти, но мой дядя всех их уволил. Он сказал, что они не нужны нам; изучив состояние наших дел, он разъяснил мне, что мы не в состоянии платить слугам жалованье, и можем предоставить им только крышу над головой и пропитание. Тем не менее восемнадцать человек все же остались, – добавила она, улыбнувшись Бентнеру. – Они прожили в Хэвенхёрсте всю свою жизнь. Для них это такой же дом, как и для меня.

Встав на ноги, Элизабет подавила в себе всплеск страха, который был не более чем обычным рефлексом на дядю.

– Это не займет много времени. Дядя Джулиус не любит оставаться здесь дольше, чем того требует крайняя необходимость.

Бентнер задержался под предлогом того, что ему нужно захватить поднос с чайного столика, и дождался ухода Элизабет. Когда она удалилась на достаточное расстояние, чтобы не слышать их, он обратился к герцогине Хостон, которую помнил еще взъерошенной девочкой, носившейся по комнатам в мальчиковых бриджах.

– Прошу простить меня, ваша светлость, – он говорил официальным тоном, но на его добром старом лице была написана искренняя озабоченность, – но могу ли я сказать вам, как я рад, что вы здесь, особенно сейчас, когда сюда приехал мистер Кэмерон?

– Ну что вы, спасибо, Бентнер. Я тоже рада снова увидеть вас. А что, с мистером Кэмероном связано что-нибудь неприятное?

– Похоже, что на этот раз да. – Он замолчал, чтобы подойти к дверям и выглянуть украдкой в коридор, затем вернулся к Александре и доверительно сообщил: – Нам с Эроном – это наш кучер – что-то не понравилось, как он сегодня выглядит. И еще, – заявил он, взяв в руки чайный поднос, – никто из нас не остался здесь ради любви к Хэвенхёрсту. – На бледных щеках Бентнера выступила краска смущения, и голос стал хриплым от обуревавших его чувств. – Мы остались ради нашей молодой хозяйки. Понимаете, ведь мы – все, что у нее осталось.

Это изъяснение преданности вызвало на глазах Алекс слезы еще прежде, чем он добавил:

– Мы не должны позволить этому дяде испортить ей настроение, как он всегда делает.

– А вы знаете способ помешать ему? – спросила Алекс, через силу улыбаясь.

Бентнер выпрямился, кивнул и со значением и важностью сказал:

– Ну, я, например, предлагаю спихнуть его с лондонского моста. Эрон предпочитает яд.

В его словах звучали ярость и злость, но в них не чувствовалось по-настоящему злого умысла, поэтому Алекс с заговорщическим видом лукаво улыбнулась:

– Думаю, ваш способ лучше, Бентнер, – он как-то чище.

На шутивное замечание Александры Бентнер ответил официальным поклоном, но когда они снова взглянули друг на друга, то словно заключили негласный договор. Дворецкий дал ей понять, что, если когда-нибудь в будущем понадобится помощь людей, работающих в доме, герцогиня может рассчитывать на их полную, безоговорочную преданность. Реакция герцогини показала, что она несколько не возражает против его вмешательства в дела ее подруги и глубоко благодарна ему за предложенную помощь, которой она обязательно воспользуется, если в этом будет необходимость.

Глава 3

Джулиус Кэмерон увидел входящую в кабинет племянницу, и глаза его сузились от раздражения: даже теперь, когда она была не более чем обедневшей сиротой, ее осанка не утратила царственной грации, а маленький подбородок был по-прежнему упрямо вздернут вверх. Она была по уши в долгах, в которых запутывалась все сильнее с каждым месяцем, но она продолжала ходить с высоко поднятой головой, в точности как ее самонадеянный, пренебрегающий опасностями отец. В тридцать пять лет, катаясь на яхте, он вместе с матерью Элизабет утонул. К тому времени он уже проиграл значительную часть своего состояния и тайно заложил свои земли. Это не помешало ему, однако, расхаживать с высокомерным видом и до последнего дня жить на широкую ногу, как и полагается привилегированному аристократу.

Будучи младшим сыном графа Хэвенхёрстского, Джулиус не унаследовал ни титула, ни денег, ни земель, однако беспримерным трудом и постоянной умеренностью сумел сколотить себе значительное состояние. Он ушел из дома ни с чем, кроме самого необходимого, но неустанно трудился, чтобы улучшить долю, доставшуюся ему; он сторонился чар и соблазнов светской жизни не только из-за непомерных трат, но также из-за того, что не хотел находиться на задворках общества.

И несмотря на все эти жертвы, на то, что они с женой столько лет вели спартанский образ жизни, судьба не стала к нему благосклоннее и жена его оставалась бесплодной. Отсутствие наследника было вечной печалью Джулиуса, ему некому было оставить свое состояние и земли – разве что сыну Элизабет, которого она могла родить, выйдя замуж.

Сейчас, когда он смотрел, как она усаживается за стол напротив него, ирония ситуации с новой силой больно поразила его: нет, где же справедливость? Он всю свою жизнь работал, отказывая себе в самом необходимом... и все, что он накопил, достанется будущему внуку его беспутного брата. И вдобавок к этому он еще вынужден расхлебывать кашу, которую заварил сводный брат Элизабет Роберт перед тем, как исчезнуть почти два года назад. Все это так надоело ему, что Джулиус решил наконец выполнить изложенную в письменном виде волю отца Элизабет, которая заключалась в том, что он хотел выдать свою дочь замуж за человека по возможности знатного и богатого. Месяц назад, когда Джулиус взялся за поиски подходящего мужа для Элизабет, он рассчитывал, что эта задача будет легко выполнимой. Ведь в позапрошлом году, когда состоялся ее дебют в свете, красота, безупречное происхождение и мнимое богатство девушки покорили всего за четыре недели рекордное количество мужчин, и она получила пятнадцать предложений руки и сердца. Но, к удивлению Джулиуса, из этих пятнадцати всего трое ответили ему согласием, а несколько человек не потрудились даже прислать ответ. Конечно, теперь ни для кого не секрет, что она обеднела, но Джулиус предлагал за племянницей вполне достойное приданое, лишь бы сбыть ее с рук. Самому Джулиусу, который все рассматривал с позиции денег, казалось, что одного приданого достаточно для того, чтобы девушка считалась завидной невестой. О том скандале, которым было окружено ее имя, Джулиус знал очень мало, а беспокоился об этом еще меньше. Он вообще сторонился света, со всеми его сплетнями, легкомыслием и различными эксцессами.

Вопрос Элизабет заставил его очнуться от мрачной задумчивости:

– Что вы хотели обсудить со мной, дядя Джулиус?

Враждебность и негодование, прозвучавшие в голосе Элизабет, грозили обернуться взрывом с ее стороны, поэтому он постарался быть еще более кратким, чем всегда.

– Я приехал сюда сегодня, чтобы обсудить твое предстоящее замужество.

– Мое... мое... что? – ахнула Элизабет, настолько потрясенная, что крепкая стена ее невозмутимости рухнула, и на какую-то секунду она почувствовала себя ребенком – заброшенным, растерянным и загнанным в угол.

– Полагаю, ты меня слышала. – Откинувшись на стуле, Джулиус отрывисто заговорил: – Я сузил круг предполагаемых женихов до трех человек. Двое из них имеют титул, у третьего его нет. Поскольку для твоего отца титул имел первостепенное значение, я выберу человека самого высокого ранга из тех, что сделают тебе предложение, тем более что мне есть из кого выбирать.

– Как... – Элизабет пришлось сделать паузу, чтобы собраться с мыслями прежде чем она будет в состоянии заговорить, – ...каким образом вы отобрали этих людей?

– Я попросил Люсинду сообщить мне имена всех, кто после твоего дебюта приходил к Роберту просить твоей руки. Она дала мне эти имена, и я послал к каждому из них посыльного, чтобы поставить их в известность, что ты и я – как твой опекун – мы оба хотели бы пересмотреть их кандидатуры в качестве претендентов на твою руку.

Элизабет вцепилась руками в подлокотники, пытаясь сдержать ужас.

– Вы хотите сказать, – сказала она задыхающимся шепотом, – что вы как бы публично предложили мою руку любому, кто захочет ее принять?

– Да! – отрезал Джулиус, расвирепев от высказанного ею обвинения, что он вел себя неподобающим для своего и ее положения образом. – И более того, возможно, тебе будет полезно узнать, что твоя легендарная привлекательность для противоположного пола, судя по всему, осталась в прошлом. Только трое из пятнадцати выразили желание возобновить знакомство с тобой.

Осознав всю глубину своего унижения, Элизабет тупо смотрела на стену за его спиной.

– Я не могу поверить, что вы действительно сделали это.

Удар ладонью по столу прозвучал громовым раскатом.

– Я действовал в пределах своих прав, племянница, и в соответствии со специфическими указаниями твоего отца-расточителя. Позволь тебе напомнить, что, когда я умру, к твоему мужу и впоследствии к сыну перейдут мои деньги. Мои.

Впервые за много месяцев Элизабет попыталась понять своего дядю, и где-то в глубине своего сердца она постигла причину его горечи и даже смогла посочувствовать ей.

– Мне очень жаль, что Господь не подарил вам собственного сына, – произнесла она сдавленным голосом. – Но я в этом не виновата. Я не сделала вам никакого зла, не дала вам никакого повода ненавидеть меня настолько, чтобы так обойтись со мной... – У нее сорвался голос, когда она увидела, как при этих словах ожесточилось его лицо; дядя подумал, что она упрямится. Элизабет тут же вздернула подбородок и собрала остатки своей гордости. – Кто эти люди?

– Сэр Фрэнсис Белховен, – коротко сказал он.

Элизабет в изумлении взглянула на него и покачала головой:

– Я познакомилась с сотнями людей в тот сезон, но этого имени не помню.

– Второй претендент лорд Джон Марчмэн, граф Кэнфордский.

И снова Элизабет покачала головой:

– Имя кажется мне знакомым, но лица я не помню.

Явно разочарованный ее ответами, дядя раздраженно закончил:

– У тебя, похоже, слабая память. Если ты не в состоянии запомнить пэра и графа, – саркастически добавил он, – то сомневаюсь, что ты вспомнишь какого-то мистера.

Уязвленная его незаслуженным упреком, Элизабет холодно поинтересовалась:

– И кто же третий?

– Мистер Ян Торнтон. Он...

Это имя заставило Элизабет вскочить на ноги, в голове у нее зашумело, и ужас сковал все ее тело.

– Ян Торнтон! – вскрикнула она, ухватившись ладонями за стол, чтобы не упасть. – Ян Торнтон! – повторила она высоким голосом, в котором смешались ярость и истерический

смех. – Дядя, если Ян Торнтон и говорил когда-либо Роберту, что женится на мне, то только под дулом пистолета! Его интерес ко мне никогда не подразумевал женитьбу, и Роберт вызвал его из-за меня на дуэль! Фактически он стрелял в него!

Вместо того чтобы смягчиться или расстроиться, дядя встретил это известие с полным равнодушием.

– Вы не понимаете меня? – яростно спросила Элизабет.

– Я понимаю то, что он ответил на мое письмо утвердительно, в очень сердечной форме, – закипая, ответил он. – Возможно, он сожалеет о своем поведении в прошлом и теперь хотел бы загладить его.

– Загладить! – вскричала она. – Я понятия не имею, испытывает он ко мне ненависть или просто презрение, но, уверяю вас, он ни раньше, ни сейчас и в мыслях не имел жениться на мне! Это из-за него я не могу показаться в обществе!

– На мой взгляд, тебе только на пользу быть вдали от разлагающего влияния Лондона, но речь не о том. Он принял мои условия.

– Какие условия?

Уже по привычке к тревожным вскрикам Элизабет, Джулиус бесстрастно изложил, что ее ждет в дальнейшем:

– Каждый из трех претендентов согласился, чтобы ты приехала к нему с кратким визитом для того, чтобы выяснить, подходите ли вы друг другу. Люсинда поедет с тобой в качестве опекуны. Первым будет Белховен, потом – Марчмэн, потом – Торнтон.

Комната поплыла перед глазами Элизабет.

– Я просто не могу этому поверить! – выкрикнула она и в своем несчастье уцепилась за самую незначительную из проблем. – Люсинда отправилась в отпуск, это ее первый отпуск за все годы! Она в Девоне у своей сестры.

– Тогда возьми Берту, а Люсинда присоединится к тебе позже, когда ты будешь у Торнтон в Шотландии.

– Но Берта – моя горничная! Моя репутация будет разорвана в клочья, если я проведу неделю в одном доме с женщиной с одной только горничной в качестве компаньонки.

– Тогда не говори, что она горничная, – отрезал Джулиус. – Поскольку я уже указал в письмах, что твоей опекуней будет Люсинда Трокмортон-Джонс, ты скажешь, что Берта твоя тетя. И больше никаких возражений, мисс, – закончил он, – вопрос решен. Пока все. Можешь идти.

– Вопрос не решен! Говорю вам, это какая-то ужасная ошибка. Ян Торнтон никогда не захочет видеть меня, даже в большей степени, чем я хочу его увидеть!

– Никакой ошибки, – сказал Джулиус, завершая беседу. – Ян Торнтон получил мое письмо и принял наше предложение. Он даже послал указания в свое шотландское поместье, чтобы его приготовили к твоему приезду.

– Ваше предложение, – закричала Элизабет, – а не мое!

– Я не буду обсуждать с тобой эти подробности, Элизабет. Дискуссия закончена.

Глава 4

Элизабет медленно сошла в холл и завернула за угол, намереваясь вернуться к Александру, но у нее так сильно тряслись колени, что она была вынуждена остановиться и опереться рукой о стену, чтобы удержаться на ногах. Ян Торнтон... Пройдет сколько-то дней, и она предстанет перед ним.

От этих мыслей у нее закружилась голова, страх, ненависть и унижение душили ее. В конце концов она развернулась и пошла в маленькую гостиную, где упала на диван, уставившись пустым взглядом на кусок обоев, где когда-то висела картина Рубенса.

Ни на секунду Элизабет не поверила, что Ян Торнтон хочет жениться на ней, и не могла себе представить, что подтолкнуло его принять немислимое предложение ее дяди. Она была наивной, доверчивой дуручкой в той области, которая его интересовала.

Теперь, запрокинув голову и прикрыв глаза, Элизабет с трудом верила, что могла быть когда-то такой безрассудной – или беспечной, – какой она была на том уик-энде, где повстречала его. Она была так уверена в том, что ее будущее ясно, но тогда у нее и не было причин думать иначе.

Ей исполнилось всего одиннадцать лет, когда погибли ее родители. Это было ужасное время, но потом приехал Роберт, чтобы утешить и подбодрить ее, и пообещал, что вскоре все снова будет хорошо. Роберт был на восемь лет старше Элизабет, и, хотя он был всего лишь сводным братом – по матери, от ее первого брака, – она любила его, как родного, и полагалась на него всегда и во всем. Родители так часто оставляли ее одну, что она воспринимала их как приятных гостей, которые три-четыре раза в году прилетали домой, чтобы надарить ей подарков и снова упорхнуть, весело помахав рукой на прощание.

За исключением утраты родителей детство Элизабет было безоблачным. У нее был легкий, солнечный характер, и все слуги в доме любили ее до безумия. Повариха готовила ей лакомства, дворецкий обучил игре в шахматы, Эрон, главный кучер, научил играть в вист, а когда она выросла – стрелять из пистолета, чтобы в случае опасности она могла защитить себя.

Но из всех «друзей» в Хэвенхёрсте больше всего времени она проводила с Оливером, старшим садовником, который появился у них, когда ей было одиннадцать лет. Тихий, душевный человек с ласковым взглядом, Оливер занимался оранжереей и клумбами, нежно разговаривая со своими растениями и черенками.

– Растения нужно любить, – объяснил он, когда однажды она застала его беседующим с поникшей фиалкой и страшно этому удивилась, – им это нужно так же, как людям. Попробуй, – предложил он, кивнув в сторону фиалки, – скажи этой хорошенькой фиалке парочку добрых слов.

Элизабет чувствовала себя довольно глупо, однако последовала его совету, зная, что как садовнику Оливеру нет равных, – после его появления в Хэвенхёрсте их сад неузнаваемо изменился. Поэтому она склонилась над фиалкой и серьезно сказала:

– Надеюсь, что скоро ты совершенно поправишься и к тебе вернется прежняя красота!

Затем она отступила назад и стала ждать, когда пожелтевшие, увядшие листья начнут подниматься к солнцу.

– Я дал ей немного лекарства, которое готовлю сам, – сказал Оливер, заботливо переставляя горшок с цветком на лавку, где находились пациенты, требующие особого ухода. – Приходи через несколько дней, и ты увидишь, как старательно она будет показывать тебе, что поправляется.

Позже Элизабет узнала, что Оливер ко всем цветам обращается только в женском роде, а ко всем другим растениям – в мужском.

На следующий день Элизабет снова отправилась в оранжерею, но фиалка была такой же поникшей, как вчера. Пять дней спустя она совершенно забыла о ней и зашла в оранжерею просто для того, чтобы угостить Оливера пирожными.

– Ваша маленькая подружка уже зажала вас, мисс, – сказал он ей.

Элизабет подошла к столу с больными растениями и отыскала там фиалку. Ее нежные цветы крепко стояли на маленьких хрупких стебельках, зеленые листики тоже воспряли духом, расправились и оживились.

– Оливер! – радостно воскликнула она. – Как тебе удалось сделать это?

– Ваша доброта и отчасти мои лекарства, вот что вернуло ее к жизни, – сказал он и, то ли оттого, что в глазах Элизабет он прочитал искренний интерес, а может быть, просто потому, что хотел отвлечь недавно осиротевшую девочку от горестей, повел ее по оранжерее, называя растения и рассказывая, какие из них он собирается скрестить, чтобы получить новые сорта. Под конец он спросил, не хочется ли ей завести свой собственный садик, и, когда Элизабет согласно кивнула, они стали решать, какие цветы ей надо будет посадить, и выбрали рассаду.

Этот день положил начало любви Элизабет ко всему, что растет из земли. Работая бок о бок с Оливером, в фартуке, чтобы не запачкать платье, она узнала от него все о его «лекарствах» и мульчировании, научилась сама прививать растения.

А когда Оливер научил ее всему, что знал, Элизабет смогла кое-чему научить и его, так как имела перед ним явное преимущество – она умела читать и могла пользоваться библиотекой, которая была гордостью ее отца. Они сидели рядышком на садовой скамейке до тех пор, пока не становилось настолько темно, что было невозможно различить строк; и Элизабет читала ему о старых и современных методах выращивания сильных и стойких растений. Через пять лет «маленький садик» Элизабет включал в себя почти все главные клумбы. Где бы она ни появлялась со своей лопаткой, цветы, казалось, начинали тут же буйно цвести вокруг нее. «Они знают, что ты любишь их, – сказал ей однажды Оливер, когда она присела у яркой, веселой клумбы с анютиными глазками, и на лице его засветилась столь редкая для него улыбка, – они знают об этом и показывают, что тоже любят тебя, стараясь цвести как можно лучше».

Когда здоровье Оливера пошатнулось и ему пришлось переехать в места с более теплым климатом, Элизабет очень скучала по нему и уделяла своему саду еще больше времени, чем раньше. Теперь она смогла дать полную волю своей фантазии, выдумывая различные преобразования в садовом хозяйстве и приводя их в исполнение. Она привлекла к работе конюхов и лакеев, чтобы они разбили новые клумбы, которые тянулись теперь вдоль всей веранды с задней стороны дома.

Помимо занятий с цветами и приятной компании слуг, Элизабет получала огромную радость от дружбы с Александрой Лоуренс. Алекс была ее ближайшей соседкой подходящего возраста, и, хотя она была немного старше, обе получали одинаковое удовольствие, когда лежали ночью в кровати и, взрываясь нервным смехом, рассказывали леденящие кровь истории о привидениях; или когда сидели в большом шалаше Элизабет и поверяли друг другу свои девичьи тайны и заветные мечты.

Даже когда Алекс вышла замуж и уехала, Элизабет никогда не считала себя одинокой, потому что у нее осталось то, что она больше всего любила и с чем были связаны все ее планы: у нее оставался Хэвенхёрст. Первоначально он строился как замок, с глубоким рвом и высокой каменной оградой. Его получила в наследство от умершего мужа прапрабабушка Элизабет, жившая в двенадцатом веке. Муж этой замечательной женщины сумел с выгодой для себя использовать расположение короля и получил разрешение изменить порядок наследования Хэвенхёрста. По новому завещанию замок переходил в полное распоряжение его жены и ее наследников независимо от того, будут эти наследники мужского или женского пола.

В результате этого после смерти родителей Элизабет в одиннадцать лет стала графиней Хэвенхёрстской, и, хотя титул сам по себе мало что значил для нее, Хэвенхёрст с его богатой

историей значил для нее все. К семнадцати годам она знала его историю так же хорошо, как свою собственную. Она могла перечислить все осады, которые ему пришлось пережить, назвать по именам нападавших и рассказать, какую тактику применяли графы и графини Хэвенхёрстские, чтобы сохранить замок в сохранности. Она знала все, что только можно, о его предыдущих владельцах – их воспитание, образование, слабости; она знала их всех, начиная с самого первого графа, чьи смелость и боевое искусство вошли в легенду (которая, однако, умалчивала, что он боялся собственной жены), и его сына, который пристрелил несчастливую лошадь, сбросившую его во дворе Хэвенхёрста, когда он тренировался в метании копья.

Много веков назад ров был засыпан, каменную ограду снесли, а сам замок расширили и перестроили, так что теперь это был живописный сельский особняк, который практически не имел ничего общего со своим оригиналом. Но несмотря на это, Элизабет, изучившая картины и рукописи, хранившиеся в библиотеке, в точности знала, где и что находилось здесь раньше, включая ров, стены и центральный двор.

Естественно, что выросшая в таких условиях Элизабет Кэмерон сильно отличалась от девушек равного ей положения. Искключительно начитанная, думающая, а также не лишенная практичности, которая с каждым днем проявлялась все больше, она уже знала от управляющего, как вести дела своего поместья. Всю свою жизнь окруженная верными людьми, она наивно полагала, что и за пределами Хэвенхёрста живут такие же хорошие и надежные люди.

Поэтому неудивительно, что в тот знаменательный день, когда из Лондона неожиданно явился Роберт, вытащил ее из розария, где она подрезала кусты, и, широко улыбаясь, сообщил ей, что через шесть месяцев состоится ее первый выход в лондонский свет, Элизабет приняла эту новость с радостью, не омраченной никакими сомнениями.

– Все уже устроено, – возбужденно говорил Роберт. – Леди Джемисон из любви к нашей покойной матушке согласилась субсидировать тебя. Все это обойдется чертовски дорого, но я думаю, дело стоит того.

Элизабет удивленно взглянула на него.

– Ты никогда раньше не говорил, что сколько стоит. Надеюсь, у нас нет финансовых затруднений, Роберт?

– Сейчас уже нет, – солгал он. – Прямо у нас под носом – целое состояние, только раньше я этого не понимал.

– Где? – спросила Элизабет, совсем растерявшись от всего услышанного.

Засмеявшись, он повернул сестру к зеркалу, взял ее лицо в ладони и заставил посмотреть на себя.

Бросив на него недоуменный взгляд, она посмотрела в зеркало, потом рассмеялась.

– Почему бы тебе просто не сказать, что у меня грязь на щеке? – сказала она, стирая темную полосу.

– Элизабет, – рассмеялся он в ответ, – это все, что ты видишь в зеркале – грязь на щеке?

– Я вижу свое лицо, – ответила она.

– Ну, и как оно тебе?

– Лицо как лицо. – Элизабет начал утомлять этот бессмысленный разговор.

– Элизабет, наше богатство – это твое лицо! – воскликнул Роберт. – Я даже не думал об этом до вчерашнего дня, пока Берти Крэндел не сказал мне, что его сестра сделала отличную партию, получив предложение от самого лорда Чеверли.

Элизабет по-прежнему не понимала.

– О чем ты говоришь?

– Я говорю о твоём замужестве, – объяснил он со счастливой улыбкой. – Ты вдвое красивее сестры Берти. С этим лицом, да еще с Хэвенхёрстом в придачу ты сможешь сделать такую партию, что о ней заговорит вся Англия. Замужество принесет тебе драгоценности, платья, прекрасные дома, а мне связи, которые стоят еще больше, чем деньги. И кроме того, если у

меня будут время от времени возникать проблемы с деньгами, надеюсь, ты не откажешься подкинуть мне несколько тыщенок фунтов из тех денег, что будут давать тебе на булавки.

– Так значит, у нас все-таки есть проблемы с деньгами, да? – настойчиво спросила Элизабет, слишком озабоченная этой новостью, чтобы думать о лондонском свете. Роберт не выдержал ее взгляда, отвел глаза и с усталым вздохом подвел сестру к дивану.

– Небольшие проблемы есть, – признался он, когда она села. Элизабет едва исполнилось семнадцать, но она уже научилась распознавать, когда Роберт обманывал ее, и по выражению ее лица он понял, что скрывать правду нет смысла. – Откровенно говоря, – признался он, – дела наши очень плохи. Совсем плохи.

– Как это могло случиться? – Несмотря на страх, от которого у нее внутри что-то задрожало, Элизабет говорила почти спокойно.

На его красивом лице выступила краска смущения.

– Во-первых, наш отец оставил безумные долги, в том числе и карточные. Я тоже пристрастился к игре и накопил немало долгов. Несколько лет мне удавалось успокаивать кредиторов обещаниями, но в последнее время они уже ничего не хотят слушать. И это еще не все. Содержание Хэвенхёрста обходится в чертовски круглую сумму, Элизабет. Доход от него уже давно не покрывает расходов, да этого и не было никогда. В общем, мы с тобой по уши в долгах, и вся наша собственность заложена-перезаложена. Сейчас нам нужно заложить всю обстановку в доме, чтобы расплатиться с некоторыми долгами, иначе мы не сможем показаться в Лондоне. И это еще не самое худшее. Хэвенхёрст принадлежит тебе, а не мне, но если ты не сумеешь удачно выйти замуж, он очень скоро пойдет с молотка.

Голос ее лишь слегка дрожал, но внутри у нее все сжалось в один комок растерянности и страха.

– Ты только что сказал, что мой дебют в Лондоне будет стоить целого состояния, а у нас его, судя по всему, нет, – практично заметила она.

– Кредиторы отступятся от нас в ту же секунду, как узнают, что ты обручилась с человеком влиятельным и располагающим средствами, а я обещаю тебе, что мы без труда найдем такого человека.

Элизабет сказала, что от этого плана веет холодным расчетом, на что Роберт только покачал головой. На этот раз проявил практичность он.

– Ты женщина, дорогая моя, и значит, должна выйти замуж; ты же знаешь, все женщины выходят замуж. А Хэвенхёрст отнюдь не набит подходящими молодыми людьми. К тому же я не говорю, что мы примем предложение первого встречного. Я выберу человека, которого ты сможешь со временем полюбить, и потом, – пообещал Роберт уже совершенно искренне, – я буду торговаться, чтобы помолвка продлилась как можно дольше, принимая в расчет твою молодость. Ни один уважающий себя мужчина не захочет тащить семнадцатилетнюю девушку под венец, если она к этому еще не готова. Для нас это единственный выход, – предупредил он готовое слететь с ее губ возражение.

Элизабет знала, что даже если бы она была под надежной защитой, его рассуждения о неизбежном замужестве разумны. Ее родители, когда еще были живы, совершенно ясно дали ей понять, что ее долг – вступить в брак в соответствии с пожеланиями семьи. В настоящий момент выбор должен был сделать ее сводный брат, и Элизабет безоговорочно положила на него.

– Ну-ка, сознавайся, – весело поддразнил ее Роберт, – разве ты никогда не мечтала носить красивые платья и быть окруженной красивыми кавалерами?

– Ну, может быть, несколько раз, – призналась Элизабет со смущенной улыбкой, отвернув лицо в сторону. Конечно, она сильно преуменьшила количество раз, когда мечтала об этом. Она была нормальной, здоровой девушкой с нерастраченным запасом любви и прочи-

тала свою порцию любовных романов. Поэтому последняя фраза Роберта прозвучала для нее весьма заманчиво.

– Очень хорошо, – решительно сказала она и усмехнулась, – давай испробуем этот шанс.

– Мы не просто испробуем его, Элизабет, мы его используем на все сто, или ты потеряешь все свои земли и станешь гувернанткой чужих детей вместо того, чтобы быть графиней или еще чем-нибудь получше и заниматься своими собственными. А я окажусь в долговой яме.

Мысленно представив Роберта сидящим в сыром подвале и себя без Хэвенхёрста, Элизабет подумала, что пойдет на что угодно, только бы избежать этого.

– Положись во всем на меня, – сказал он, и Элизабет так и сделала.

Все последующие шесть месяцев Роберт все время был поблизости, чтобы устранить любое препятствие, которое могло бы помешать Элизабет произвести фурор в лондонском свете. Он нанял некую миссис Портер, чтобы она обучила Элизабет различным светским тонкостям, которых не ведали ее мать и бывшая гувернантка. От миссис Портер Элизабет узнала, что она ни в коем случае не должна обнаруживать в обществе свой ум, начитанность, а также не выказывать ни малейшего интереса к садоводству.

Из Лондона был выписан очень дорогой портной, который сшил необходимое количество платьев для сезона.

Мисс Люсинда Трокмортон-Джонс, ранее платная компаньонка молодых девушек, весьма успешно дебютировавших в свете, приехала в Хэвенхёрст, чтобы занять должность дуэньи Элизабет. Это была женщина лет пятидесяти, прямая, как палка, с жесткими, как проволока, седыми волосами, которые она стягивала в тугий узел. На лице у нее всегда было выражение легкого недовольства, как будто она чувствовала неприятный запах, но была слишком хорошо воспитана, чтобы сказать об этом вслух. Вдобавок к этой отпугивающей внешности Элизабет вскоре столкнулась с потрясающей способностью мисс Трокмортон-Джонс часами сидеть неподвижно, не шевеля даже пальцем.

Элизабет не дала себя запугать этому каменному изваянию и стала искать способ смягчить его. Она попробовала называть ее Люси, но каменная леди столь грозно нахмурила брови, услышав это ласкательное обращение, что Элизабет решила поискать другой способ. Очень скоро она его обнаружила. Через несколько дней после своего приезда в Хэвенхёрст Люсинда нашла ее в библиотеке. Элизабет свернулась в кресле калачиком и углубилась в чтение.

– Вы любите книги? – осведомилась Люсинда, с удивлением прочитав заглавие на обложке.

– Да, – улыбнулась Элизабет. – А вы?

– Вы читали Кристофера Марлоу?

– Да, но мне больше нравится Шекспир.

С тех пор у них вошло в привычку каждый вечер после ужина обсуждать прочитанные книги. И вскоре Элизабет поняла, что завоевала невольное уважение своей дуэньи. Она не могла быть уверена в ее привязанности, так как единственной эмоцией, которую она проявила за время их знакомства, был гнев, да и то лишь однажды, по отношению к жуликоватому торговцу из деревни. Это было зрелище из тех, что не забываются. Размахивая зонтиком, с которым никогда не расставалась, Люсинда наступала на злополучного торговца, а он пятился от нее, кружа по всему магазину, в то время как с ее губ ледяным потоком срывались слова, свидетельствующие о такой бешеной ярости, с какой Элизабет еще не приходилось сталкиваться.

– Вспыльчивость – мой единственный недостаток, – чопорно сообщила ей Люсинда, и Элизабет сочла это своего рода извинением.

Элизабет тогда подумала, что Люсинда, должно быть, загоняет эмоции внутрь себя как в бутылку, и они до поры до времени сидят там, пока она пребывает в неподвижности на стульях и кушетках. Они сидят там годы и годы до тех пор, пока в один прекрасный день не вырываются наружу, подобно извержению вулкана.

К тому времени как брат и сестра Кэмероны вместе с Люсиндой и необходимой прислугой прибыли в Лондон, Элизабет уже знала все, чему могла научить ее миссис Портер, и чувствовала себя в силах справиться с любой ситуацией из тех, что описывала ей эта дама. Надо сказать, что запомнить правила этикета ей было гораздо легче, чем понять, почему им придают такое большое значение. В конце концов танцевать она за шесть месяцев научилась, вести беседу умеет с трехлетнего возраста, а насколько она могла понять, в обязанности debutантки входило умение вести приятную светскую беседу ни о чем, танцевать и ни при каких обстоятельствах не выдавать своих способностей к мышлению.

На следующий день после того, как они вселились в городской дом, который снял Роберт, их навестила леди Джемисон, вызвавшаяся опекать Элизабет в свете. С нею были ее дочери Валери и Черайз. Валери была на год старше Элизабет и дебютировала в прошлом году, ее сестра была старше на пять лет. Черайз была вдовой лорда Дюмонта, который умер через месяц после свадьбы, оставив новобрачную богатой, свободной и совершенно независимой.

До начала сезона оставалось две недели, и все это время Элизабет довольно много общалась с богатенькими молодыми debutантками, которые собирались в гостиной у Джемисонов, чтобы вволю сплетничать обо всех и вся. Они приехали в Лондон с одной и той же целью, которая являлась также и почетной обязанностью: выйти замуж в соответствии с пожеланиями семьи за человека как можно более богатого и влиятельного, дабы увеличить состояние и упрочить положение своих родных.

В этой гостиной светское образование Элизабет продолжилось и завершилось. К своему ужасу, она обнаружила, что миссис Портер была права, когда говорила, что в обществе принято хвалиться своими связями и упоминать громкие имена. Она также узнала, что в свете не считается дурным тоном обсуждать чье-либо финансовое положение, особенно если речь идет о перспективах неженатого мужчины. В самый первый день единственное, что она смогла сделать, чтобы не выдать своего невежества, это мысленно ахнуть и молча слушать сыпавшиеся со всех сторон замечания: «Лорд Петерс – отличная добыча. Еще бы, у него двадцать тысяч фунтов годового дохода, к тому же он наверняка унаследует баронетство от своего дяди, когда тот умрет от сердечной болезни, на что есть все основания надеяться», – провозгласила одна из девушек, и остальные подхватили: «У Шорхэма такое чудесное поместье в Уилтшире, и мама сидит как на иголках, ожидая, когда же он наконец объяснится... Подумать только, изумруды Шорхэмов!.. Робелсли разъезжает в чудесном голубом ландо, но папа говорит, чтобы я и не думала о нем – он по уши в долгах... Вот погоди, Элизабет, скоро ты увидишь Ричарда Шипли! Ни в коем случае не позволяй ему увлечь себя – он страшный волокита, и, хотя разодет в пух и прах, у него нет ни гроша за душой!» Последний совет исходил от Валери Джемисон, которую Элизабет считала здесь своей самой близкой подругой.

Элизабет с радостью принимала их дружеское расположение и делала вид, что внимает их советам. Однако она ощущала все возрастающее чувство неловкости, когда видела их отношение к людям, которых они считали ниже себя. Она привыкла общаться на равных со своими конюхом и дворецким, и потому ей было нелегко притворяться, что она придает значение сословным различиям.

Сам Лондон Элизабет очень понравился, она буквально влюбилась в его суматошные улицы и стриженные парки. Ей также нравилось возбужденное ожидание сезона, и она обожала своих новых подруг, с которыми, когда они не сплетничали, можно было весело провести время.

Однако когда наступил день ее первого бала, уверенность в себе и радостное предвкушение удовольствий внезапно покинули Элизабет. Поднимаясь по парадной лестнице Джемисонов под руку с Робертом, девушка неожиданно почувствовала страх, какого еще не испытывала ни разу в жизни. В голове ее вихрем закружились все «можно» и «нельзя», которые она не особенно старалась запомнить, и у нее появилось убийственное предчувствие, что она

прославится в свете тем, что весь сезон будет упорно подпиравать стенку. Но когда Элизабет вступила в балльную залу, вид, представший перед ее глазами, заставил забыть все страхи, и глаза ее засияли от восторга. В канделябрах горели сотни тысяч свечей, мимо нее проходили красивые мужчины и прелестные женщины в пышных туалетах из атласа и шелка.

Не обращая внимания на молодого человека, который дважды оглянулся, чтобы получше разглядеть ее, Элизабет подняла глаза на улыбающегося брата.

– Роберт, – прошептала она, ее зеленые глаза сверкали, – мог ли ты представить себе, что на свете бывают такие красивые люди и такие огромные комнаты?

Затянутая в тончайшее белое газовое платье с золотыми нитями, с белыми розами в золотых волосах, со сверкающими зелеными глазами, Элизабет Кэмерон была похожа на сказочную принцессу.

Она была очарована, и в этом выражении ее лица действительно было что-то неземное, когда она наконец пришла в себя, смогла улыбнуться и поздороваться с Валери и остальными девушками.

К концу бала Элизабет и в самом деле чувствовала себя, как в сказке. Мужчины обступили ее со всех сторон, вымаливая танец или хотя бы право принести ей пунш. Она улыбалась и танцевала, не прибегая к обычным женским уловкам и кокетству, которыми напропалую пользовались другие девушки. Вместо этого она с живым интересом внимала тому, что ей рассказывали и благодарно улыбалась, принимая различные знаки внимания; она старалась не обижать своих кавалеров и танцевала без передышки. Ее заразило всеобщее веселье, чудесная музыка снова и снова влекла ее танцевать, она купалась в мужском внимании, и все эти чувства отражались в ее сияющих глазах и улыбке, не сходявшей с ее лица. Элизабет и в самом деле была сказочной принцессой на своем первом балу – обворожительная, очаровательная, она кружилась в мерцающем свете свечей, окруженная прекрасными принцами, позабыв о времени и о том, что всему когда-нибудь наступает конец. Своей ангельской красотой, золотыми волосами и глазами, сверкающими, как изумруды, Элизабет Кэмерон штурмом взяла Лондон. Это был не просто успех. Это была повальная страсть.

На следующее утро к ее дому потянулся бесконечный ручеек визитеров, и именно здесь, а не на балу, Элизабет одержала свои самые грандиозные победы, потому что при более близком знакомстве мужчины обнаруживали, что на нее не только приятно смотреть, но с ней также легко и приятно общаться. За три недели четырнадцать человек сделали ей предложение; весь Лондон гудел от такого беспрецедентного успеха. Даже мисс Мэри Гладстон, коронованная красавица двух последних сезонов, не получила такого количества предложений.

Двенадцать искателей руки Элизабет были молоды, совершенно покорены ее красотой и подходили по всем статьям, двое были значительно старше, однако так же высоко ценили ее красоту. Роберт, страшно гордый успехом сестры и столь же бестактный, хвастался ее победами и безжалостно отказывал претендентам как неподходящим и недостойным. Верный своему обещанию найти Элизабет идеального мужа, с которым она будет счастлива, он выжидал.

Пятнадцатый кандидат в мужья отвечал всем его требованиям. Баснословно богатый, красивый и представительный, двадцатипятилетний виконт Мондвэйл, бесспорно, был самой крупной добычей сезона. Роберт знал об этом и, как он сказал в тот вечер Элизабет, так разволновался от его предложения, что чуть не забылся и не перемахнул через стол, чтобы поздравить виконта с предстоящей свадьбой.

Элизабет была очень рада и тронута тем, что Роберт выбрал именно того молодого джентльмена, которым она особенно восхищалась.

– О, Роберт, он такой хороший. Я... я не была уверена, что нравлюсь ему настолько, чтобы он сделал мне предложение.

Роберт запечатлел любящий поцелуй у нее на лбу.

– Принцесса, – поддразнил он, – любой, кто посмотрит на тебя, теряет разум. Это был всего лишь вопрос времени.

Элизабет слабо улыбнулась и пожала плечами. Она уже порядком устала от того, что все говорят только о ее лице, как будто кроме него, у нее ничего и нет. Более того, она очень быстро пресытилась бурной светской жизнью и напускным весельем, так восхищавшими ее поначалу. Самое сильное чувство, которое возникло у нее при объявлении о помолвке, было облегчение оттого, что вопрос о замужестве наконец решен.

– Мوندвэйл собирался зайти к тебе сегодня к вечеру, – сказал Роберт, – но я не собираюсь давать ему ответ раньше, чем через неделю-другую. Ожидание только укрепит его намерения, и, кроме того, я считаю, ты заслуживаешь еще несколько дней свободы перед тем, как стать невестой.

Невестой. При этом слове Элизабет почувствовала странную слабость во всем теле и отчетливо неприятное чувство, прекрасно понимая, что это ужасно глупо с ее стороны.

– Признаюсь, мне было страшно называть ему сумму твоего приданого – всего пять тысяч фунтов, но, похоже, ему все равно. Во всяком случае, он так сказал. Сказал, что единственное, что ему нужно, – это ты. И еще заявил, что собирается осыпать тебя рубинами размером с твою ладонь.

– Это... замечательно, – неуверенно произнесла Элизабет, изо всех сил стараясь почувствовать что-нибудь большее, чем облегчение и необъяснимый приступ тоски.

– Это ты замечательная, – засмеялся Роберт, потрепав ее по волосам. – Ты вытащила отца, меня и Хэвенхёрста из вересковых зарослей.

В три часа дня явился и сам виконт Мوندвэйл. Элизабет встретила с ним в желтой гостиной. Он вошел, оглядел комнату и, взяв ее за руки, заглянул в глаза и тепло улыбнулся.

– Ответ будет «да»? – В его тоне звучало скорее утверждение, а не вопрос.

– Вы уже говорили с моим братом? – удивилась Элизабет.

– Нет еще.

– В таком случае откуда вы можете знать, что он ответит «да»? – озадаченно улыбнулась Элизабет.

– Потому что в первый раз за весь месяц рядом с вами нет вездесущей мисс Люсинды Трокмортон-Джонс с ее орлиным взглядом! – Он быстро поцеловал ее в лоб и, застигнутая врасплох, она покраснела. – Понимаете ли вы сами, как красивы? – спросил он.

Элизабет имела об этом смутное представление; но ей уже порядком надоело, что все говорят ей об этом. Тем не менее она сделала над собой усилие и подавила опасный порыв ответить ему: «А вы понимаете, что я еще и неглупа?» Не то чтобы Элизабет считала себя такой уж интеллектуалкой, но она любила читать и обсуждать прочитанное, и ее тревожило, понравится ли виконту это в ней. До сих пор он ни разу не высказал своего мнения о чем бы то ни было, кроме самых тривиальных вещей, и ни разу не поинтересовался ее мнением.

– Вы очаровательны, – прошептал Мوندвэйл, и Элизабет очень серьезно задумалась, почему он так думает. Ведь он не знает, как она любит рыбачить, или смеяться, или что она стреляет из пистолета, как снайпер. Он не знал, что однажды она выиграла скачки на колесницах, которые они устроили во дворе Хэвенхёрста, и не знал, что цветы в их саду цветут для нее по-особенному. Она даже не была уверена, захочет ли он услышать замечательные легенды о Хэвенхёрсте и красочные рассказы о его прежних обитателях. Он так мало знал о ней, а она знала о нем еще меньше.

Элизабет жалела, что не может спросить совета у Люсинды; та заболела и лежала у себя в комнате с высокой температурой и больным горлом, и девушка не видела ее с позавчерашнего дня.

Она все еще была немного обеспокоена этими мыслями, когда вечером следующего дня собиралась к отъезду на уик-энд, где встреча с Яном Торнтоном перевернула всю ее жизнь.

Ее пригласили на уик-энд в загородный дом, принадлежавший леди Черайз Дюмонт, старшей сестре Валери. К тому времени, как Элизабет приехала туда, по всей территории поместья уже разгуливали гости; они флиртовали, смеялись и пили шампанское, которое струилось из хрустальных фонтанов в саду. По лондонским меркам, здешнее собрание было небольшим – не больше ста пятидесяти человек, из которых только двадцать, включая Элизабет и трех ее подруг, должны были остаться на весь уик-энд. Не будь Элизабет так неопытна и наивна, она сразу бы поняла, что это собрание носит весьма фривольный характер, она заметила бы, что здесь собрались люди значительно старше и опытнее ее и вели себя гораздо свободнее, чем это предписывалось этикетом. Она поняла бы это и сразу уехала.

Сейчас, сидя в гостиной Хэвенхёрста и вспоминая свою гибельную глупость на том уик-энде, она сама дивилась собственной доверчивости и простоте.

Откинув голову на спинку дивана, Элизабет закрыла глаза и, вспомнив о своем унижении, сглотнула подступивший к горлу комок. Ну почему, отчаянно спрашивала она себя, почему счастливые воспоминания стираются и бледнеют так, что ты едва можешь их вспомнить, в то время как ужасные события возникают в памяти с такой ослепительной ясностью и четкостью, что становится больно глазам? Даже сейчас она могла во всех подробностях восстановить ту ночь – она видела ее, чувствовала ее запахи, слышала звуки.

Элизабет вышла в сад посмотреть цветники. Цветы во внешнем саду буйно цвели. Розы. Повсюду разливался их опьяняющий аромат. В бальной зале оркестранты настраивали инструменты, и неожиданно вступительные звуки чарующего вальса поплыли по саду, наполняя его. Спускались сумерки, слуги вышли на расположенные террасами дорожки сада, чтобы зажечь пестрые яркие фонарики. Конечно, не все дорожки будут освещены – те, что находятся дальше, за террасами, оставят в интимной темноте для тех парочек, которые позже захотят уединиться в зеленых лабиринтах оранжереи. Но это Элизабет поняла только потом.

Она нашла подруг только через полчаса; они собрались в самом дальнем конце сада, чтобы вволю посмеяться и посплетничать. Она не сразу заметила их: они были частично скрыты высокой, аккуратно подстриженной живой изгородью. Приблизившись к девушкам, Элизабет поняла, что они не просто стоят за изгородью, а за кем-то подглядывают, за кем-то, кто вызывал у них бурю волнения и разговоров. «Вот, – сказала Валери, снова взглядевшись в просвет между кустами, – это то, что моя сестра называет „настоящей мужской красотой“». На несколько мгновений воцарилось короткое благоговейное молчание, во время которого все три девушки изучали этот эталон мужского совершенства, который заслужил столь высокую похвалу у великолепной сестры Валери. Они знали, что мнению Черайз в этом вопросе можно доверять. В этот момент Элизабет заметила травяное пятно на своей туфельке и, с ужасом представив, сколько будет стоить новая пара таких туфелек, прикидывала, можно ли будет заказать только одну туфлю. «Я все еще не могу поверить, что это действительно он! – прошептала Валери. – Черайз говорила, что он может появиться здесь, но я мало надеялась на это. Все просто умрут, когда мы вернемся в Лондон и скажем, что видели его! – добавила она. Заметив Элизабет, Валери махнула рукой, чтобы она присоединялась к ним. – Взгляни, Элизабет, ну разве он не божествен? В нем есть что-то загадочное, просто дьявольское!»

Вместо того, чтобы подглядывать, Элизабет оглядела сад поверх изгороди, отмечая пышно разодетых гостей, которые, смеясь и болтая, мало-помалу перемещались к дому, где после ужина должны были начаться танцы. Ее взгляд безучастно скользнул по мужчинам в пастельных атласных бриджах и ярких жилетах и камзолах. Они показались ей похожими на пестрых павлинов и попугаев.

– А кого я должна увидеть?

– Мистера Яна Торнтона, глупая! Нет, подожди, сейчас ты его уже не увидишь. Он вышел из-под света фонарей.

– А кто он – этот Ян Торнтон?

– Ян Торнтон – это Ян Торнтон, и кто он такой, никто в точности не знает! – сказала Валери и затем добавила тоном, каким сообщают особенно поразительные новости: – Некоторые говорят, что он внук герцога Стэнхоупского!

Как и все юные дебютантки, Элизабет должна была изучить книгу пэров – книгу, перед которой в свете благоговели так же сильно, как пресвитерианцы перед Библией.

– Герцог Стэнхоупский уже немолод, – вспомнила Элизабет после некоторого размышления, – и не имеет наследника.

– Да, это всем известно. Но говорят, что Ян Торнтон... – голос Валери упал почти до шепота, – его незаконнорожденный внук.

– Понимаешь, – авторитетно заверила ее Пенелопа, – у герцога Стэнхоупского был сын, но он отрекся от него много лет назад. Мне рассказывала мама, она говорит, что тогда был страшный скандал.

При слове «скандал» все головы сблизились, и она продолжила:

– Сын старого герцога женился на дочери шотландского крестьянина, который в придачу оказался наполовину ирландцем! Это была совершенно ужасная особа, ровным счетом ничего из себя не представлявшая. Так что это, должно быть, его внук.

– Все так думают только потому, что у него такая же фамилия, – высказалась Джорджина с типичным для нее скептицизмом, – в то время как это достаточно распространенное имя.

– Я слышала, он так богат, – вставила Валери, – что однажды в Париже на одном из светских приемов, играя в карты, сделал ставку в двадцать пять тысяч фунтов, и это притом, что игралась одна-единственная партия, просто для развлечения!

– О, ради Бога, – с презрением сказала Джорджина, – он сделал это не потому, что богат, а потому, что неисправимый игрок! Мой брат знает его, и он говорит, что Торнтон – самая заурядная личность, человек, у которого нет ни прошлого, ни воспитания, ни связей, ни богатства!

– Я тоже слышала это, – признала Валери, снова вглядываясь в просвет между кустами. – Смотри! – вскрикнула она. – Сейчас его видно. Леди Мэри Уоттерли прямо-таки кидается на него!

Девушки так сильно наклонились вперед, что чуть не свалились в кустарник.

– Я чувствую, что просто растаю, если он посмотрит на меня.

– Этого не может быть, – с деланной улыбкой сказала Элизабет, понимая, что ей тоже пора принять какое-то участие в беседе.

– Ах, ты же не видела его!

Элизабет и не нужно было его видеть, она прекрасно знала, какого сорта мужчины нравятся ее подругам: светловолосые, голубоглазые щеголи в возрасте от двадцати до двадцати четырех лет.

– Полагаю, у Элизабет слишком много богатых поклонников, чтобы она обратила внимание на какого-то мистера, как бы он ни был красив и загадочен, – сказала Валери, видя, что Элизабет продолжает держаться в сторонке и поддерживает разговор лишь из вежливости. Элизабет показалось, что комплимент содержал изрядную долю зависти и злости, однако подозрение было настолько неприятным, что она быстро отвергла его. Она не сделала ничего плохого ни Валери, ни другим девушкам, чтобы заслужить их враждебность. Ни разу с тех пор, как оказалась в Лондоне, она не произнесла ни одного недоброго слова в чей-либо адрес; фактически она вообще никогда не принимала участия в обсуждении других людей и уж тем более не пересказывала услышанное. Даже сейчас ей было ужасно неловко оттого, что они следят за этим мужчиной и обсуждают его в таком тоне. Элизабет всегда казалось, что любой человек имеет право на уважение, независимо от положения, которое он занимает. Конечно, такого

мнения придерживалось меньшинство, и в глазах света оно граничило с ересью, и потому она держала свои взгляды при себе.

В данный момент девушка почувствовала, что ей следует проявить лояльность по отношению к подругам: им может показаться, что Элизабет задается, если она не присоединится к их забаве и откажется разделить их восторг перед мистером Яном Торнтоном. Попытавшись настроиться на их лад, она улыбнулась Валери и сказала:

– У меня не так уж много поклонников, и я уверена, что, увидев его, буду заинтригована так же, как и любая другая женщина.

По какой-то непонятной причине после этих слов Элизабет Валери и Пенелопа обменялись мимолетными взглядами, в которых проскользнуло удовлетворение. Заметив недоумение Элизабет, Валери объяснила:

– Слава Богу, что ты согласна, Элизабет, потому что мы все трое находимся в затруднительном положении. Мы очень рассчитываем, что ты поможешь нам выпутаться из него.

– А какого рода это затруднение?

– Если б ты знала, – начала Валери как-то уж очень театрально, но Элизабет отнесла это на счет чересчур крепкого вина, которое лилось здесь рекой, – как долго мне пришлось упрашивать Черайз, чтобы она разрешила нам приехать на этот уик-энд!

Это Элизабет было уже известно, и она молча кивнула.

– Дело в том, что, когда Черайз сказала нам сегодня, что здесь должен появиться Ян Торнтон, мы все просто запрыгали от радости. Но она сказала, что он не обратит на нас ни малейшего внимания, потому что мы слишком молоды и совсем не в его вкусе...

– Возможно, она права, – сказала Элизабет, улыбаясь и не выказывая ни малейшего интереса.

– О, но он должен обратить на нас внимание! – призвав взглядом остальных девушек поддержать ее, воскликнула Валери. – Обязательно должен, потому мы поспорили с Черайз на сумму, которую выдают нам родители раз в три месяца, что он пригласит кого-нибудь из нас танцевать. А он скорее всего не сделает этого, если нам не удастся возбудить его интерес до того, как начнутся танцы.

– Вы поспорили на все свои деньги? – ужаснулась Элизабет столь экстравагантной забаве. – Но ведь ты собиралась купить на них аметисты, которые видела на Вестпул-стрит.

– А я хотела купить ту чудесную маленькую лошадку, которую отказался купить мне папа, – произнесла Пенелопа, снова вглядываясь в просвет между кустами.

– Я... я, возможно, могла бы и отказаться от пари, – сказала Джорджина, и Элизабет показалось, что ее волнует нечто большее, чем деньги, – не думаю, что... – начала она, но Пенелопа своим возбужденным вскриком не дала ей закончить.

– Он идет в нашу сторону, и с ним никого нет! Более удачной возможности привлечь его внимание у нас не будет. Только бы он не изменил направление.

Неожиданно это безумное пари стало казаться запретной игрой, и Элизабет фыркнула.

– В таком случае я предлагаю предоставить Валери почетную роль возбудить его интерес, так как это была ее идея и она больше всех восхищается им.

– Мы назначаем на эту роль тебя, – сказала Валери беспечным, но в то же время решительным тоном.

– Меня? Но почему меня?

– Потому что ты получила целых четырнадцать предложений, поэтому совершенно очевидно, что у тебя больше всего шансов привлечь его внимание. И кроме того, – добавила она для большей убедительности, – на виконта Мондвэйла произведет большое впечатление слух о том, что Ян Торнтон – человек-загадка, которого безуспешно преследовала в прошлом году сама Мэри Джейн Моррисон, – пригласил тебя на танец и оказывал тебе особое внимание. Как только Мондвэйл услышит об этом, он тут же примчится к тебе с предложением!

В соответствии с правилами этикета Элизабет ни разу не позволила себе выказать хоть малейшее предпочтение виконту и потому была неприятно удивлена открытием, что подруги догадались о ее чувствах. Конечно, они не могли знать, что молодой красавец уже сделал ей предложение, которое вот-вот будет принято.

– Решайся быстрее, он уже почти здесь! – воскликнула Пенелопа, перекрывая нервное хихиканье Джорджины.

– Ну-ну, ты согласна?! – торопила ее Валери, в то время как другие девушки начали отступать к дому.

Элизабет глотнула вина из бокала, который ей вручили, как только она вышла из дома в сад, и к которому она до сих пор не притронулась. Она колебалась.

– Хорошо, я попробую, – сказала она наконец, сверкнув улыбкой.

– Отлично. И не забудь: или он танцует с тобой сегодня вечером, или мы потеряем все свои деньги!

Смеясь, она дала Элизабет легкий ободряющий тычок в бок, затем крутанулась на каблучках своих атласных туфель и умчалась вслед за смеющимися подругами.

Элизабет поспешно сошла с террасы на две ступеньки вниз и теперь, скрытая от взгляда изгородью, стояла на траве и оглядывалась, пытаясь решить, оставаться ей здесь или присесть на белую каменную скамейку слева от нее. Она двинулась к скамейке и устроилась на ней как раз в ту минуту, когда на кирпичных ступеньках раздался звук мужских шагов, раз-два – и она увидела его.

Не подозревая о ее присутствии, Ян Торнтон сделал вперед еще один шаг, затем остановился у фонаря и достал из кармана тонкую манильскую сигару. До этого момента Элизабет испытывала легкое беспокойство, думая о той задаче, которую ей предстояло выполнить. Но когда она увидела его, это беспокойство переросло в такое сильное волнение, что дрожь прошла по телу и зазвенело в ушах. Ян Торнтон не имел ничего общего с тем, что она ожидала увидеть. Он был отнюдь не блондин и гораздо старше, чем она представляла, – ему было как минимум двадцать семь лет, и он был поразительно высокого роста, больше шести футов. В темноте Элизабет смогла разглядеть его только в общих чертах: мощный разворот плеч, длинные сильные ноги, густые, слегка волнистые темно-каштановые волосы. Вместо традиционного атласного фрака и белых бриджей он был с головы до ног одет во все черное, за исключением рубашки и шейного платка, которые были такими белоснежными, что казались светящимися на фоне черного камзола и жилета. Элизабет подумала, что Ян Торнтон похож на большого хищного ястреба, оказавшегося в стае неповоротливых ярких павлинов. Раскуривая сигару, он наклонил свою темную голову к рукам, сложив их лодочкой, чтобы ветер не загасил пламя. Белые манжеты высунулись из рукавов черного фрака, и в оранжевом свете пламени она увидела, что его лицо и руки покрыты темным загаром.

Элизабет отпустила дыхание, которое невольно затаила, и этот тихий звук заставил его резко вскинуть голову. Глаза его сузились то ли от недовольствия, то ли от удивления. Чувствуя неудобство оттого, что прячется в тени и подсматривает за ним, Элизабет выпалила первое, что пришло ей в голову:

– Первый раз вижу, как мужчина курит сигару. Э-э... обычно мужчины переходят в другую комнату.

Более идиотской фразы невозможно было придумать, подумала она.

Его темные брови вопросительно приподнялись.

– Вы возражаете? – спросил он, закончив раскуривать сигару.

Элизабет поразили две вещи одновременно. Первое – то, что его пронзительные глаза имели совершенно необычный цвет – цвет янтаря, светящегося изнутри, и второе – его глубокий, низкий, богатый оттенками голос. От этого сочетания она вдруг ощутила странное тепло где-то в области спины.

– Возражаю? – тупо повторила она.

– Я имею в виду сигару, – сказал он.

– О... нет. Нет, не возражаю, – торопливо заверила она его. У нее сложилось впечатление, что он пришел сюда в надежде спокойно насладиться сигарой, и если бы она сказала, что возражает против сигары, он скорее повернулся бы и ушел, чем ради ее общества отказался от этого удовольствия. В пятидесяти ярдах от них, в дальнем конце длинного узкого газона, на котором они стояли, раздался девичий смех, и Элизабет непроизвольно повернулась, выхватив взглядом в круге света розовое платье Валери и желтое платье Джорджины, прежде чем они обежали изгородь и скрылись из глаз.

Поведение подруг вызвало краску стыда у нее на щеках, и когда она снова повернулась к нему, то увидела, что он внимательно изучает ее – руки в карманах, сигара в зубах, таких же белоснежных, как его рубашка. Едва заметным наклоном головы он указал в сторону, куда убежали девушки:

– Ваши подруги?

Ей показалось, что он догадался о том, что их встреча была заранее подстроена, и почувствовала себя ужасно виноватой.

Элизабет хотела было придумать какую-нибудь отговорку, но лгать она не любила и тем более не могла сейчас – под этим пронзительным, вызывающим странное беспокойство взглядом.

– Да, подруги, – выговорила она наконец.

Замолчав, чтобы получше расправить юбки своего лавандового цвета платья, она подняла к нему лицо и нерешительно улыбнулась. До нее вдруг дошло, что они не представлены друг другу, и, поскольку рядом никого не было, чтобы провести эту процедуру, как полагается, она неловко и торопливо исправила дело сама.

– Меня зовут Элизабет Кэмерон, – объявила она.

Насмешка угадывалась лишь в легком наклоне его головы, когда Торнтон просто повторил ее имя:

– Мисс Кэмерон.

У Элизабет не оставалось выбора, и она подтолкнула его:

– А как ваше имя?

– Ян Торнтон.

– Как поживаете, мистер Торнтон? – спросила она и, как положено, протянула ему руку. Этот жест неожиданно вызвал у него улыбку – обаятельную белозубую улыбку, которая непроизвольно появилась на его губах, когда он шагнул к ней и взял ее руку.

– Благодарю вас, – сказал он голосом, в котором и на этот раз звучала едва уловимая насмешка.

Элизабет уже начала сожалеть, что согласилась участвовать в этой затее, и лихорадочно подыскивала способ завязать беседу. До сих пор она предоставляла эту привилегию молодым людям, которым вскружила голову ее красота. Ей не было необходимости думать, как завязать беседу, так как все отчаянно стремились вовлечь в разговор ее. Она вдруг вспомнила, что в свете принято обсуждать знакомых, и с облегчением остановилась на этом предмете.

– Молодая леди в розовом – мисс Валери Джемисон, а в желтом – мисс Джорджина Грэнджер.

Он ничем не проявил, что знаком с этими леди, и Элизабет помогла ему:

– Мисс Джемисон – дочь лорда и леди Джемисон.

Видя, что он по-прежнему наблюдает за ней с вежливым безразличием, Элизабет добавила, начиная приходить в отчаяние:

– Это Джемисоны из Херфордшира. Знаете, граф и графиня.

– Неужели? – смилостивился он.

– Да, действительно, – Элизабет решила перейти к Джорджине, почувствовав некоторую опору под ногами, – а мисс Грэнджер – дочь уилтширских Грэнджеров, барона и баронессы.

– Неужели? – повторил он, насмешливо глядя на нее, и опять воцарилось опасное молчание.

И только тут она вспомнила, что говорили девушки о его спорном происхождении. Ей стало безумно стыдно, что она так бездумно называет титулы человеку, который, возможно, был несправедливо лишен своего герцогского титула. Она почувствовала, как повлажнили ее ладони, и потерла их о колени, но, осознав простонародность этого жеста, отдернула руки от платья и прокашлялась, яростно обмахиваясь веером.

– Мы все приехали сюда на время сезона, – еле слышно закончила она.

Холодные янтарные глаза вдруг потеплели, теперь в них появилось сочувствие, и в его низком голосе прозвучало добродушие, когда он сказал:

– Наверное, всюю развлекаетесь?

– Да, развлекаемся, – ответила она со вздохом облегчения оттого, что он наконец принял некоторое участие в беседе. – Мисс Грэнджер очень хорошенькая, хотя вы вряд ли могли заметить это с такого расстояния, – исключительно хорошенькая, и у нее самые приятные манеры, какие только можно представить. У нее множество поклонников.

– Воображаю... и все титулованные?

Все еще думая, что он переживает из-за утраченного герцогства, Элизабет прикусила губу и кивнула, чувствуя себя в высшей степени неловко.

– Боюсь, что так, – горестно признала она и, к своему крайнему удивлению, вдруг увидела, что он улыбается – медленная, дразнящая улыбка пробежала по его лицу, изменив его черты настолько, что сердце гулко бухнуло у нее в груди и она неожиданно вскочила на ноги.

– Мисс Джемисон тоже красивая девушка. – Элизабет вернулась к обсуждению подруг как к наиболее безопасной теме.

– И много претендентов на ее руку?

Элизабет наконец сообразила, что он смеется, и его непочтительное отношение к вопросу, который для всех представлял такую большую важность, вызвал у нее непроизвольный смех облегчения.

– По самым достоверным источникам, – ответила она ему в тон, – число ее поклонников исчисляется рекордными цифрами.

Улыбаясь ему, она увидела, что в его глазах тоже заиграл смех, и вдруг ее нервозность и напряженность куда-то исчезли. У Элизабет вдруг возникло необъяснимое ощущение, будто они с ним старые друзья и обмениваются мнениями о каком-то предмете, к которому оба относятся одинаково непочтительно, только он высказывает это открыто, а она пытается завуалировать свое отношение.

– А как насчет вас?

– Что насчет меня?

– Сколько предложений получили вы?

В ответ Элизабет только засмеялась и покачала головой. С гордостью рассказывать о достижениях подруг было еще приемлемо, но хвастаться собственными выходило за всякие рамки приличий, и ему, без сомнения, было это известно.

– А вот об этом вы не должны были спрашивать, – с притворной строгостью упрекнула она его.

– Приношу свои извинения. – Он насмешливо поклонился, в уголках его рта по-прежнему играла улыбка.

Сад уже полностью погрузился в темноту. Элизабет понимала, что давно пора идти в дом, и все-таки медлила, почему-то ей не хотелось покидать укромную интимность сада. Сложив

руки за спиной, она стала смотреть на звезды, которые только что появились на ночном небосклоне и тускло мерцали.

– Это мое любимое время дня, – тихо сказала она и покосилась на него, чтобы посмотреть, не наскучила ли ему своими разговорами, но он так же, как и она, закинул голову и рассматривал небо, словно находил там что-то интересное.

Элизабет отыскала Большую Медведицу.

– Смотрите, – сказала она, кивая на особенно яркую звездочку. – Это Венера. Или Юпитер? Я вечно их путаю.

– Это Юпитер. А вон там Большая Медведица.

Элизабет фыркнула и покачала головой, оторвав взгляд от неба и искоса посмотрев на него.

– Возможно, для вас и для кого-то другого это выглядит как Большая Медведица, но для меня все эти созвездия – просто огромная россыпь звезд, которую невозможно упорядочить. Весной я могу найти Кассиопею, но не потому, что она напоминает мне льва, а осенью я могу показать Арктур, но как все умудряются разглядеть Стрельца в этом скоплении звезд, для меня до сих пор загадка. Как вы думаете, там где-нибудь есть люди?

Он повернул голову и изумленно поглядел на нее:

– А как вы думаете?

– Я полагаю, есть. Мне вообще кажется проявлением высокомерия думать, что среди стольких тысяч звезд и планет, кроме нас, никого больше нет. Это то же самое, что полагать, будто Земля – это центр Вселенной, вокруг которого все вертится. Кстати, люди, кажется, не очень хорошо отблагодарили Галилео Галилея за то, что он опроверг это утверждение, правда? Представляю, каково ему было предстать перед судом инквизиции и отречься от того, что он знал и доказал!

– С каких это пор дебютантки стали изучать астрономию? – спросил он, когда она вернулась к скамейке, чтобы взять свой бокал с вином.

– У меня было много-много лет, чтобы читать, – бесхитростно призналась Элизабет. Не заметив его внимательного, испытующего взгляда, она взяла свой бокал и снова повернулась к нему. – Пожалуй, мне пора вернуться в дом и переодеться к ужину.

Он молча кивнул, и Элизабет проследовала мимо него. Затем она вдруг переменяла свое решение, вспомнив о подругах, которые рассчитывают на нее.

– Вы знаете, у меня к вам несколько странная просьба, я хотела бы попросить вас об одной услуге, – медленно сказала она, взмолившись про себя, чтобы их мимолетное знакомство было для него таким же приятным и располагающим к дружеским отношениям, как для нее. С нерешительной улыбкой заглянув в его непроницаемые глаза, она попыталась изложить свою просьбу: – Не могли бы вы... по некоторым причинам я не могу объяснить... – невразумительно пробормотала она, вдруг ужасно смутившись.

– О какой услуге вы хотели бы попросить?

Элизабет часто задышала.

– Не могли бы вы пригласить меня на танец сегодня вечером?

Он не выглядел ни шокированным, ни польщенным ее смелым предложением. Элизабет напряженно всматривалась в его лицо, и наконец его красивые губы шевельнулись в ответе:

– Нет.

Обиженная и пристыженная его отказом, Элизабет опустила голову, но через несколько секунд вдруг осознала, что в его голосе прозвучало искреннее сожаление, и вопросительно посмотрела ему в лицо. Какое-то мгновение она изучала его бесстрастные черты, но внезапно раздавшийся смех где-то совсем рядом разрушил чары. Не видя выхода из неловкого положения, в которое ни за что не поставила бы себя сама, Элизабет подобрала юбки, собираясь уйти. Вытеснив из своего голоса все эмоции, она со спокойным достоинством попрощалась:

– До свидания, мистер Торнтон.
Он вынул сигару изо рта и кивнул.
– До свидания, мисс Кэмерон.
Потом развернулся и ушел.

Элизабет прошла в отведенные ей и ее подругам комнаты. Остальные девушки уже были там и переодевались в вечерние платья. С появлением Элизабет смех и разговоры внезапно смолкли, отчего у нее возникло ощущение, что говорили и смеялись над ней.

– Ну? – спросила Пенелопа, хихикнув. – Не томи нас в неизвестности. Ты произвела на него впечатление?

Неприятное подозрение, что она стала предметом чьего-то розыгрыша, немедленно оставило Элизабет, как только она взглянула на их улыбающиеся лица. Одна только Валери держалась прохладно и отчужденно.

– Впечатление, безусловно, произвела, – ответила Элизабет со смущенной улыбкой, – но вряд ли оно было особенно благоприятным.

– Он так долго пробыл с тобой, – подтолкнула ее к более пространному рассказу другая девушка. – Мы наблюдали за вами из дальнего конца сада. О чем вы говорили?

Элизабет почувствовала, как кровь быстрее потекла у нее по венам и прилила к щекам, когда она вспомнила красивое загорелое лицо Торнтона и улыбку, так странно преобразившую и смягчившую его чеканные черты.

– Честно говоря, я не помню, о чем мы говорили.

В большей степени это было правдой. Единственное, что она могла вспомнить, это то, как дрожали у нее колени и обрывалось сердце при каждом взгляде на него.

– Ну и какой он?

– Красивый, – она спохватилась, уловив мечтательные нотки в своем голосе. – Обаятельный. И у него красивый голос.

– И конечно же, – с сарказмом вставила Валери, – сейчас он пытается узнать, где можно найти твоего брата, чтобы просить у него твоей руки.

Это замечание было таким нелепым, что Элизабет непременно рассмеялась бы, не будь она так растеряна и до странности разочарована тем, как равнодушно расстался он с ней в саду.

– На этот раз никто не помешает моему брату спокойно провести вечер, это я вам обещаю, – сказала Элизабет и добавила с сожающей улыбкой: – Более того, боюсь, что вы потеряли все свои деньги, потому что нет ни малейшей надежды на то, что он пригласит меня танцевать.

Извиняясь, она пожала плечами и пошла переодеваться, но как только вошла к себе в спальню, беззаботная улыбка, которую она демонстрировала подругам, сошла с ее лица, уступив место глубокой задумчивости. Элизабет села на кровать и стала бесцельно водить пальцем по золотым нитям розового парчового покрывала, пытаясь разобраться в чувствах, которые испытывала в присутствии Яна Торнтона.

Стоя рядом с ним в саду, она чувствовала испуг и одновременно какую-то веселую бешенность. Он излучал странное магнетическое притяжение, которое привлекало ее к нему независимо от ее воли. Ее вынудили добиваться его расположения, и она стояла там, попеременно радуясь и тревожась, в зависимости от впечатления, которое производили на него ее слова. Даже сейчас воспоминание о том, как он улыбался и смотрел на нее из-под полуопущенных век, вызывало незнакомое ей ощущение интимности, от которого ее бросало то в жар, то в холод.

Звуки музыки заставили Элизабет очнуться от грез, и она позвонила в колокольчик, чтобы Берта помогла ей одеться.

– Ну как, что ты скажешь? – спросила она Берту полчаса спустя, сделав пируэт перед зеркалом. Берта, которая когда-то была ее няней, а потом стала горничной, скрестила на груди руки и критически осмотрела свою прекрасную молодую хозяйку. Необычный наряд и прическа Элизабет были встречены с полным пониманием и одобрением. Волосы Элизабет были подняты кверху и уложены в виде короны, из-под которой вдоль щек спадали две легкие вьющиеся пряди. В ушах сверкали серьги с сапфирами и брильянтами, доставшиеся ей от матери.

В отличие от других нарядов Элизабет, преимущественно пастельных тонов и с завышенной талией, это платье ярко-синего цвета было гораздо более необычным и выгодно подчеркивало ее фигуру. Складки синего шелка расходились из-под плоского банта на левом плече и спадали до пола, оставляя другое плечо открытым. И хотя фасон платья представлял собой всего лишь простую прямую трубу, он явно льстил ее фигуре, красиво обрисовывая грудь и намекая на тонкую талию.

– Я скажу, – ответила Берта, – это просто чудо, что миссис Портер заказала для вас такое платье. Оно ничуть не похоже на все остальные.

Элизабет натянула перчатки, доходившие ей до локтя, и улыбнулась Берте задорной, заговорщической улыбкой.

– Это единственное платье, которое заказывала не миссис Портер, – призналась она. – К счастью, Люсинда тоже пока не знает о нем.

– Не сомневаюсь.

Элизабет снова повернулась к зеркалу и, нахмурившись, всмотрелась в свое отражение.

– Другим девушкам еще нет и семнадцати, а мне через несколько месяцев будет уже восемнадцать. Я пыталась объяснить миссис Портер, – продолжила она, доставая из шкатулки браслет, который вместе с серьгами составлял гарнитур, и застегивая его поверх перчатки на левом запястье, – что нельзя тратить так много денег на платья, которые я не смогу носить в следующем сезоне. А это я смогу надеть и в двадцать лет.

Берта закатила глаза и покачала головой, поправляя ленты на чепце.

– Что-то я сомневаюсь, что виконт Мондвэйл захочет, чтобы вы появлялись в одном платье больше двух раз, не говоря уж о том, чтоб заносить его до дыр, – сказала она, наклонившись, чтобы поправить складки платья Элизабет.

Глава 5

Напоминание Берты о том, что она уже фактически помолвлена, произвело на Элизабет отрезвляющее действие, и к тому времени как она вошла в бальную залу, сердце ее билось совершенно ровно. Мысль о возможной встрече с мистером Яном Торнтоном больше не убыстряла ее пульс, и она отбросила всякие сожаления о том, что он отказался пригласить ее на танец. Больше она и думать о нем не хотела. Со свойственной ей прирожденной грацией Элизабет стала спускаться по лестнице в залу, где некоторые пары уже танцевали, но большинство еще стояли группками, смеясь и переговариваясь.

Когда Элизабет осталось пройти всего несколько ступенек, она остановилась на секунду, чтобы оглядеть собравшихся и найти подруг. Они стояли всего в нескольких ярдах от лестницы, Пенелопа подняла руку и помахала ей, чтобы она присоединялась, Элизабет кивнула и улыбнулась.

Все еще улыбаясь, она отвела взгляд, но улыбка вдруг застыла на ее губах, когда взгляд ее скрестился с парой удивленно вскинутых янтарных глаз. В группе мужчин у подножия лестницы стоял и смотрел на нее Ян Торнтон; бокал в его руке замер на полпути ко рту. Он откровенно разглядывал ее: от блестящих светлых волос его дерзкий взгляд скользнул к груди и бедрам, затем опустился до синих атласных туфель и снова резко поднялся к лицу, выражая неподдельное восхищение. Отдавая дань ее красоте, он слегка приподнял одну бровь и, прежде чем выпить вино, сделал едва заметное движение рукой, давая понять, что пьет за нее.

Каким-то непостижимым образом Элизабет удалось сохранить бесстрастное выражение лица и продолжить грациозное шествие по лестнице, однако пульс ее забился с удвоенной частотой, и в душе воцарилось полное смятение. Если бы подобное поведение позволил себе любой другой мужчина, она была бы возмущена или по крайней мере неприятно удивлена. Но вместо справедливого негодования его улыбающиеся глаза и шуточный тост вызвали у нее ощущение какого-то безмолвного интимного диалога, и, не желая того, она невольно улыбнулась ему в ответ.

Лорд Ховард, кузен виконта Мондвэйла, ждал ее внизу лестницы. Ей нравился этот человек, его приятные манеры и особенно то, что он никогда не принадлежал к числу ее поклонников. Между ними установилось нечто вроде дружбы, и он делал все, что было в его силах, для сближения ее с виконтом. Рядом с ним стоял лорд Эверли, один из наиболее настойчивых искателей ее руки – красивый, несколько взбалмошный, способный на необдуманные поступки молодой человек. Он так же, как и Элизабет, еще в юности унаследовал земли и титул, с той лишь разницей, что одновременно с ними он получил состояние.

– Ну надо же! – воскликнул лорд Эверли, мгновенно предлагая ей руку. – Мы слышали, что вы будете здесь, но, откровенно говоря, не надеялись. Вы сегодня просто восхитительны.

– Восхитительны, – эхом отозвался лорд Ховард. Он многозначительно улыбнулся, взглянув на простертую руку Томаса Эверли, и сказал: – Эверли, как правило, мужчина, который просит леди оказать ему честь сопровождать ее, не тычет в ее сторону рукой. Позвольте мне? – с галантным поклоном он, в свою очередь, предложил ей руку.

Элизабет рассмеялась и, считая себя уже обрученной, позволила себе немного нарушить узкие рамки этикета.

– Конечно, милорды, – сказала она и положила свои затянутые в перчатки руки на каждую из предложенных ей рук. – Надеюсь, вы оцените, как широко простирается мое расположение к вам. Я готова решиться даже на нарушение приличий ради того, чтобы предотвратить ссору, – пошутила она, идя между ними. – Боюсь, что уподобилась престарелой леди, слишком дряхлой, чтобы передвигаться без поддержки с обеих сторон!

Мужчины засмеялись, и Элизабет вместе с ними. И именно эту сцену наблюдал Ян Торнтон, когда они подошли к группе мужчин. Элизабет всячески избегала смотреть в его сторону до тех пор, пока они совсем не приблизились, но потом кто-то окликнул лорда Ховарда, и он замедлил шаг, чтобы ответить. Поддавшись искушению, Элизабет все-таки метнула один быстрый взгляд на высокого широкоплечего мужчину в центре группы. Он стоял, наклонив голову, и, казалось, был полностью поглощен разговором с единственной в их группе женщиной, которая смеясь что-то говорила ему. Если он и знал, что Элизабет смотрит на него, то не подал вида.

– Надо сказать, я был немного удивлен, когда узнал, что вы тоже будете здесь, – сказал лорд Ховард, вновь поворачиваясь к ней.

– Почему же? – спросила Элизабет, твердо поклявшись себе больше не думать о Яне Торнтоне. Она совершенно не знает этого человека, к тому же уже почти обручена; и в то же время постоянно думает о нем!

– Потому что на приемах у Черайз Дюмонт собирается общество, мало подходящее для девушки вашего возраста.

Встревоженная его словами, Элизабет сделала вид, что разглядывает приятного светловолосого юношу.

– Но моя компаньонка мисс Трокмортон-Джонс никогда не возражала против моих визитов к кому-нибудь из членов этой семьи. И мама Черайз дружила с моей мамой.

Лорд Ховард добродушно улыбнулся и объяснил:

– В Лондоне, – он сделал ударение на этом слове, – Черайз образцовая хозяйка. Но приемы, которые она устраивает в своем загородном поместье... как бы это сказать... эти приемы уже не так регламентированы и строги, как следовало бы. – Он остановился, чтобы подозвать слугу с серебряным подносом, уставленным бокалами с шампанским. Он вручил Элизабет бокал и продолжил: – Я ни в коем случае не хочу сказать, что присутствие на этом вечере может погубить вашу репутацию. В конце концов здесь находимся и мы с Эверли, – улыбнулся он, – а это свидетельствует о том, что представители из высшей прослойки общества здесь все-таки есть.

– В отличие от некоторых других гостей, которых не приняли бы ни в одной приличной гостиной Лондона! – презрительно вставил лорд Эверли, кивнув в сторону Яна Торнтон.

Снедаемая беспокойством и любопытством, Элизабет не выдержала и с безразличным видом поинтересовалась:

– Вы говорите о мистере Торнтоне?

– Как ни о ком другом.

Она сделала глоток шампанского и теперь уже с полным правом могла посмотреть на высокого загорелого мужчину, который занимал все ее мысли с тех пор, как она поговорила с ним один-единственный раз. На ее взгляд, он был одет исключительно элегантно и сдержанно: темно-вишневый фрак подчеркивал широкие плечи и длинные стройные ноги и сидел на нем как влитой, выдавая руку лучшего лондонского портного, белоснежный шейный платок был завязан с редким изяществом, волосы красиво пострижены и уложены. Даже в расслабленной позе, которую он занимал, было видно, что у него сильное стройное тело греческого дискобола, в то время как лицо его было отмечено печатью холодной надменности светского льва.

– Э-э... неужели он так ужасен? – спросила она, оторвав наконец взгляд от чеканного профиля.

Она находилась под таким сильным впечатлением от его элегантной фигуры, что язвительный ответ лорда Эверли не сразу дошел до ее сознания:

– Не то слово! Этот человек известен как заядлый картежник, пират, отъявленный мерзавец и даже хуже!

– Я... я просто не могу поверить всему этому, – сказала Элизабет, слишком огорченная и разочарованная, чтобы промолчать.

Лорд Ховард бросил на Эверли предупреждающий взгляд, затем улыбнулся и попытался успокоить Элизабет, неверно истолковав ее волнение.

– Не обращайтесь внимания на Эверли, миледи. Он просто вне себя от того, что две недели назад во время игры на светском приеме Торнтон облепил его кошелек на десять тысяч фунтов. Успокойся, Том! – добавил он, когда разгневанный граф попытался протестовать. – А то из-за тебя леди Элизабет сегодня ночью будет плохо спать.

Когда кавалеры подвели Элизабет к группе, где стояли ее подруги, она едва слышала, о чем они говорят: все ее мысли были заняты Яном Торнтоном.

– Не понимаю, что мужчины в ней находят, – говорила Джорджина, – она ничуть не красивее любой из нас.

– А вы вообще замечали, – с философским глубокомыслием заметила Пенелопа, – что мужчины обычно ведут себя как бараны? Куда один – туда и все.

– Я только хочу, чтобы она поскорее выбрала кого-нибудь и вышла замуж, оставив нам остальных, – сказала Джорджина.

– Мне кажется, она всерьез увлеклась им.

– Она зря теряет на него время, – злорадно усмехнулась Валери, сердито одернув свое розовое платье. – Я уже говорила вам: Черайз уверяет, что его не интересуют «невинные молоденькие штучки». Тем не менее, – сказала она с негодованием в голосе, – я была бы рада, если бы она вспылала к нему нежными чувствами. Один-два танца, несколько томных взглядов, и мы навсегда избавимся от нее, как только молва об этом достигнет ушей ее пылкового обожателя... Господи, Элизабет! – воскликнула Валери, заметив наконец Элизабет, которая стояла чуть позади нее. – А мы думали, что ты танцуешь с лордом Ховардом.

– Отличная мысль! – подхватил лорд Ховард. – Мне был обещан следующий танец, но если вы не возражаете, может быть, потанцуем сейчас?

– Пока вы не узурпировали ее окончательно, позвольте мне сказать пару слов, – быстро проговорил лорд Эверли, ошибочно считая лорда Ховарда своим соперником. Повернувшись к Элизабет, он продолжил: – Завтра мы на весь день собирались на увеселительную прогулку в деревню. Не окажете ли мне честь сопровождать вас на этой прогулке?

Злобные пересуды подруг повергли Элизабет в такую растерянность, что она с благодарностью приняла предложение лорда Эверли и согласилась танцевать с лордом Ховардом. Когда они закружились в танце, он улыбнулся ей и сказал:

– Насколько я понимаю, скоро мы породнимся. – Заметив ее удивление этим преждевременным замечанием, он объяснил: – Мондвэйл признался мне, что вы вот-вот сделаете его счастливейшим из людей. Полагая, что ваш брат не обнаружит о нашей семье какой-нибудь страшной тайны, которой в действительности не существует, я думаю, вопрос можно считать решенным.

Поскольку Роберт специально предупреждал, чтобы она еще некоторое время подержала виконта в неизвестности, Элизабет сказала единственно возможное при данных обстоятельствах:

– Это решение полностью зависит от моего брата.

– О-о, такое послушание лишний раз говорит в вашу пользу, – одобрительно заметил он.

Через час, когда лорд Ховард все еще не покинул ее, Элизабет наконец поняла, что он решил взять на себя роль ее опекуна на этом вечере, который, на его взгляд, не был предназначен для таких юных и неопытных особ. Когда лорд Ховард отошел, чтобы принести ей пунша, она внимательнее оглядела зал и обнаружила, что гости, причем не только мужчины, но и женщины, постепенно перемещаются в комнату для карточной игры. На обычных балах такие комнаты предназначались исключительно для мужчин; хозяева предусматривали ее для

тех (обычно это были мужчины женатые или преклонных лет), кто, будучи вынужден присутствовать на балу, категорически отказывался провести весь вечер в пустой светской болтовне. Она знала, что Ян Торнтон ушел туда в самом начале вечера, но сейчас там что-то происходило, и даже ее подруги с воодушевлением стали поглядывать в ту сторону.

– А что такого особенного происходит в комнате для карт? – спросила она у лорда Ховарда, когда он вернулся с пуншем и повел ее к подругам.

Он сардонически улыбнулся:

– Торнтон почти весь вечер проигрывает, что весьма необычно для него.

Пенелопа и остальные девушки, сгорая от любопытства, прислушивались к их разговору.

– Лорд Тилбери говорит, что он выложил на стол все свое имущество – в игральные фишки и ценные бумаги, – сказала одна из них.

Элизабет испуганно глотнула воздух.

– Он... он все поставил на кон? – спросила она у своего добровольного опекуна. – Просто положившись на волю случая? Но почему он так поступает?

– Просто, чтобы пощекотать себе нервы. Полагаю, что так. Среди картежников это обычное дело.

Элизабет никогда не могла понять, почему ее отцу, брату и другим мужчинам доставляет такое удовольствие рисковать огромными суммами, только чтобы испытать судьбу. Но сказать об этом она не успела, потому что Пенелопа, указав на Джорджину, Валери и Элизабет, с очаровательной улыбкой произнесла:

– Нам очень хочется посмотреть все самим, и, если вы, лорд Ховард, будете сопровождать нас, я не вижу причины, почему бы нам туда не пойти. Это очень интересно, к тому же половина гостей уже там.

Лорд Ховард не мог устоять, когда три хорошеньких девичьих личика смотрели на него с такой надеждой, однако, взглянув на Элизабет, он заколебался: его миссия опекуна вошла в конфликт с желанием посмотреть своими глазами, как будут развиваться события.

– В этом нет ничего неприличного, – упрасивала его Валери, – раз там уже есть другие женщины.

– Ну хорошо. – Лорд Ховард беспомощно развел руками. Взяв под руку Элизабет, он провел девушек в святая святых – карточную комнату для мужчин.

Подавив желание закричать, что она не желает смотреть, как Ян Торнтон проигрывается до нитки, Элизабет с оживленным видом стала оглядывать комнату и людей, столпившихся вокруг самого большого в комнате дубового стола, загораживая сидевших за ним игроков. Темная обивка стен и винного цвета ковер придавали комнате мрачный вид, особенно в сравнении с празднично убранной бальной залой. Ближе к двери стояли два бильярдных стола, украшенных резьбой, по бокам над ними висели огромные канделябры. Всего в комнате было еще восемь карточных столов. И хотя игроков за ними не было, на них остались лежать столбики фишек и карты, предусмотрительно перевернутые вверх рубашкой.

Элизабет сделала вывод, что игроки покинули свои места ради того, чтобы посмотреть спектакль, разыгрывающийся за большим столом и вызывавший всеобщее возбуждение. Как раз в тот момент, когда она подумала об этом, один из зрителей заметил, что пора бы вернуться к собственной игре, и четверо мужчин отошли вместе с ним к своему столу. Лорд Ховард любезно продвинул девушек на освободившееся место, и Элизабет оказалась в том самом месте, где ей меньше всего хотелось бы быть, – возле локтя Яна Торнтон, откуда ей было отлично видно все, что происходило за столом, и где она могла без помех наблюдать весь процесс его финансового краха.

За столом сидели еще четверо мужчин, среди которых был и лорд Эверли. Его лицо горело триумфом. Она отметила про себя, что он не только самый молодой участник игры, но также единственный, кто совершенно не умел скрывать свои эмоции. Ян Торнтон являл пол-

ный ему контраст – он свободно откинулся на стуле, вытянув ноги вперед; камзол на груди расстегнут, лицо сохраняло ясное, безмятежное выражение. Трое других мужчин с замкнутыми лицами сосредоточились на своих картах.

Герцог Хаммондский, сидевший напротив Элизабет, нарушил молчание.

– Думаю, ты блефуешь, Торн, – сказал он, и на лице его мелькнула улыбка. – Сегодня тебе просто фатально не везет. Я поднимаю ставку еще на пятьсот фунтов, – добавил он и выдвинул пять фишек.

Два обстоятельства поразили Элизабет: во-первых, то, что Яна называли Торном, а во-вторых, – что его светлость герцог Хаммондский, первый герцог королевства, обращался к нему так, словно они были приятелями. Однако другие мужчины держались с Яном довольно холодно – они молча достали свои фишки и присоединили их к кучке в центре стола.

Когда очередь дошла до Яны, Элизабет с ужасом увидела, что у него вовсе не осталось фишек, если не считать пяти одиноких белых кружков. С упавшим сердцем она смотрела, как он собрал эти фишки и выдвинул на середину. Она бессознательно затаила дыхание, поражаясь, как может нормальный, здравомыслящий человек поставить все, что у него есть, на такую бессмысленную вещь, как карты.

Последняя ставка была сделана, и герцог Хаммондский показал свои карты – пара тузов. У двух других игроков карты явно были хуже – они вышли из игры.

– Я вас бью! – воскликнул лорд Эверли и, оскалившись в победной улыбке, выложил трех королей. Наклонившись вперед, он собрался подгрести к себе фишки, как вдруг его остановил ленивый, медлительный голос Яны:

– Полагаю, эта партия моя, – сказал он и выложил свои карты – три девятки и две четверки. При этом Элизабет издала такой облегченный вздох, что он быстро обернулся и увидел ее беспокойные зеленые глаза и радостную улыбку. С затаенной улыбкой в уголках рта он повернулся к своим партнерам: – Возможно, присутствие таких очаровательных дам склонило наконец фортуны на мою сторону, – сказал он улыбаясь.

К несчастью, его замечание о перемене фортуны оказалось преждевременным. Следующие полчаса Элизабет с падающим сердцем напряженно следила за тем, как он терял выигранные деньги. За все это время он ни разу не изменил своей расслабленной позы, лицо его оставалось бесстрастным, как маска. Чувствуя, что больше не в силах выносить эту муку, Элизабет собралась уйти, но, боясь побеспокоить игроков, решила дождаться конца очередной партии. Как только партия закончилась, герцог Хаммондский объявил:

– Думаю, неплохо было бы освежиться.

Он кивнул проходившему слуге, и тот проворно собрал со стола пустые бокалы и заменил их полными. Элизабет порывисто обернулась к лорду Ховарду.

– Простите, – сказала она тихим, взволнованным голосом, поворачиваясь, чтобы уйти. Ян больше ни разу не взглянул на нее после той фразы о перемене фортуны, и она решила, что он забыл о ее присутствии. Однако, услышав ее голос, он поднял голову и заглянул ей в лицо.

– Бойтесь стать свидетелем печального конца? – легкомысленным тоном спросил он, и трое мужчин, которые уже выиграли почти все его деньги, от души рассмеялись; но Элизабет отметила про себя, что смеху их не доставало теплоты.

Она в нерешительности остановилась. Ей показалось, что она сходит с ума, так явственно ей почудилась в его голосе просьба остаться. Так и не решив, померещилось ей это или нет, она храбро улыбнулась и ответила:

– Я только хотела взять вина. И я совершенно уверена, что вы... – она порылась в памяти в поисках нужного слова, – непременно ляжете на верный галс, – заявила она, припомнив карточный жаргон Роберта.

Лакей услышал ее слова и поспешил подать ей бокал с вином.

В эту минуту в карточную комнату вплыла хозяйка дома и обратила укоризненный взгляд на столпившихся возле стола. Затем с ослепительной улыбкой, противоречившей строгости ее слов, обратилась к Яну:

– В самом деле, Торн, это уже длится слишком долго. Заканчивайте игру и присоединяйтесь к нам в бальной зале. – Она с видимым усилием отвела от него взгляд и оглядела остальных гостей. – Джентльмены, – со смехом предупредила она, – через двадцать минут я распоряжусь не подавать вам сигары и бренди.

Кое-кто последовал за ней в зал – одни из чувства вины, что пренебрегли светскими обязанностями, другие из нежелания наблюдать, как Ян проигрывается в пух и прах.

– Пожалуй, с меня на сегодня хватит, – объявил герцог Хаммондский.

– Я тоже пас, – отозвался еще один игрок.

– Еще одну партию, – стал уговаривать лорд Эверли. – У Торнтон еще остались мои деньги, и я хочу вернуть их.

Мужчины за столом обменялись вопросительными взглядами, и герцог Хаммондский кивнул:

– Хорошо, Эверли, еще одну партию, и возвращаемся в залу.

– Раз мы играем последнюю партию, ставки не ограничены? – спросил раскрасневшийся от возбуждения лорд Эверли.

Все кивнули в знак того, что это само собой разумеется, и Ян сдал карты.

Начали с тысячи фунтов. В последующие пять минут в центре стола образовалась целая грудa фишек, и ставка составляла двадцать пять тысяч фунтов. Один за одним из игры вышли все игроки, кроме лорда Эверли и Яна, и Ян сдал Эверли последнюю карту. В комнате повисла мертвая тишина. Элизабет нервно стиснула руки, когда лорд Эверли взял свою четвертую карту.

Он взглянул на нее, потом на Яна, и его глаза загорелись от радости. Сердце Элизабет упало, когда она услышала его слова:

– Эта карта обойдется вам в десять тысяч фунтов, Торнтон, если вы останетесь в игре достаточно долго, чтобы посмотреть на нее.

Элизабет почувствовала страстное желание задушить этого богатенького лорда и не менее страстное желание дать как следует Яну Торнтону по ноге, которая находилась в пределах досягаемости мыска ее туфли, когда услышала, что он принимает вызов и поднимает ставку еще на пять тысяч фунтов!

Ей просто не верилось, что можно быть таким слепым: даже она поняла по лицу Эверли, что его карты не побить! Не в силах больше выносить этого, она оглядела напряженно застывших зрителей, которые ждали, что ответит на вызов Эверли, и приподняла юбки, намереваясь уйти. Ее движение отвлекло внимание Яна от противника, и в третий раз за вечер он посмотрел на нее, будто испытывал ее взглядом. Увидев расстроенное лицо Элизабет, он едва заметно повернул свои карты так, чтобы она смогла их увидеть.

Он держал четыре десятки.

Воспарив от радости и облегчения, она тут же испугалась, что своим лицом выдаст его. Круто повернувшись и чуть не свалив лорда Ховарда, она поторопилась покинуть свое место у стола.

– Хочется немного подышать, – сказала она лорду Ховарду, но он был так поглощен игрой, что с отсутствующим видом пропустил ее. Элизабет понимала, что, показав ей свои карты, чтобы успокоить, Ян страшно рисковал, ведь она могла сказать или сделать какую-нибудь глупость и тем самым выдать его, и терялась в догадках, почему он сделал это. Кроме того, девушка чувствовала, что на протяжении всей игры он ни на минуту не забывал о ее присутствии, и ему было приятно сознавать, что она стоит рядом с ним.

Теперь, вырвавшись из толпы вокруг стола, Элизабет стала искать предлог остаться в карточной комнате, не приближаясь к столу. Наконец ее внимание привлекла картина с охотничьей сценкой, и она с притворным восторгом задержалась возле нее.

– Ваше решение, Эверли, – услышала она голос Яна.

Ответ лорда Эверли заставил ее вздрогнуть.

– Двадцать пять тысяч фунтов, – медленно процедил он.

– Не будьте дураком, – сказал ему герцог. – Для одной партии это слишком много, даже для вас.

Элизабет уже в достаточной степени взяла себя в руки, чтобы контролировать выражение своего лица, и потихоньку вернулась на место.

– Я в состоянии позволить себе такую ставку, – резко напомнил ему и всем остальным Эверли, – но вот что меня беспокоит, Торнтон: сможете ли вы в случае проигрыша расплатиться.

Элизабет вспыхнула, словно оскорбление было нанесено лично ей, но Ян только откинулся на стуле и ледяным взглядом уставился на Эверли. После долгого напряженного молчания он произнес опасно мягким голосом:

– Я в состоянии поднять ставку еще на десять тысяч фунтов.

– Какие к черту десять тысяч, у вас их нет и в помине! – взорвался Эверли. – Я не собираюсь ставить свои деньги против вашей жалкой, ничего не стоящей расписки!

– Довольно, Эверли! – оборвал его герцог Хаммондский. – Вы заходите слишком далеко. Я ручаюсь за его кредитоспособность. А теперь, или принимайте вызов, или выходите из игры.

Эверли метнул на герцога бешеный взгляд, затем презрительно кивнул Яну:

– Итак, еще десять тысяч фунтов. А теперь давайте посмотрим, что у вас на руках!

Ян безмолвно вывернул свои карты, и они эффектно выскользнули из его ладони на стол, сложившись красивым четким веером. Четыре десятки.

Эверли вскочил на ноги.

– Несчастный шулер! Я видел, как вы взяли последнюю карту со дна колоды. Я знал это, но отказывался верить собственным глазам!

Ропот голосов поднялся при этом неслыханном оскорблении, однако Ян оставался все таким же бесстрастным, только одна жилка дрогнула на его окаменевшем лице.

– Назовите своих секундантов, негодяй! – прошипел Эверли, в бешенстве наклонившись к Яну через стол.

– Учитывая обстоятельства, – холодным скучающим голосом протянул Ян, – полагаю, что мне решать, хочу ли я удовлетворения.

– Не будьте ослом, Эверли – раздался чей-то тихий голос, – он прикончит вас, как муху.

Элизабет едва слышала эти слова, она понимала только то, что состоится дуэль, допустить которую нельзя ни в коем случае.

– Все это ужасное недоразумение! – воскликнула она, и к ней повернулось несколько десятков раздраженных, недоверчивых мужских лиц. – Мистер Торнтон не передергивал, – быстро заговорила она. – Эти десятки были у него на руках еще до того, как он вытянул последнюю карту. Собираясь уходить несколько минут назад, я случайно увидела его карты.

К ее необычайному удивлению, казалось, никто не поверил ей и даже не обратил внимания на ее слова, не исключая и лорда Эверли, который хлопнул ладонью по столу и заорал:

– Черт вас возьми, я назвал вас мошенником! А теперь я называю вас тр...

– Ради Бога, – опять перебила Элизабет, не дав ему выговорить слово «трус», после которого дуэль будет уже невозможно предотвратить. – Разве никто не понял, что я сказала? – спросила она, обводя взглядом собравшихся. Ей казалось, что остальные, не имея личного интереса, должны быть более объективны, чем лорд Эверли. – Я же говорю: мистер Торнтон уже держал все четыре десятки и...

Мужчины продолжали смотреть на Элизабет с холодной надменностью, и ее вдруг озаорило: с кристальной ясностью она поняла, что ни один из этих лордов и рыцарей, до мозга костей проникнутых сознанием своего превосходства, не станет вмешиваться в это дело: Ян Торнтон был парией. Он был чужим среди них, а Эверли был своим, и они никогда не встанут на сторону аутсайдера против своего. Более того, своим равнодушным отказом принять вызов Эверли Ян мягко дал понять, что считает молодого человека не стоящим его времени и усилий, а это уже было оскорбление всем им.

Лорд Эверли тоже понимал это и вне себя от злости смотрел на Яна так, словно хотел убить его взглядом.

– Если вы не согласитесь на дуэль завтра утром, я все равно достану вас, низкий...

– Но вы не можете, милорд! – вскрикнула Элизабет.

Эверли оторвал взгляд от Яна и вскинул на нее удивленные злые глаза. С поразительным присутствием духа, о наличии которого она до сих пор не подозревала, Элизабет обратила свои чары на единственного мужчину в комнате, которого считала к ним равнодушным: она ослепительно улыбнулась Томасу Эверли и кокетливо покачала головой:

– Как вы забывчивы, сэр, – вы назначаете дуэль на завтрашнее утро, в то время как обещали его мне. Неужели вы забыли, что вызвались сопровождать меня завтра на прогулке в деревню?

– Послушайте, леди Элизабет, в самом деле, это...

– Нет, милорд, мне очень жаль, но я вынуждена настаивать, – перебила его Элизабет с самым невинным видом. – Я не намерена остаться без кавалера, как... как... не намерена, и все! – отчаявшись, закончила она. – И с вашей стороны очень некрасиво так обойтись со мной. Откровенно говоря, я... я просто шокирована тем, что вы собираетесь нарушить данное мне слово.

У Эверли был такой вид, будто его нацепили на все три зубца вилки, когда Элизабет обратила на него всю мощь своей обворожительной улыбки и манящих зеленых глаз.

Хриплым голосом он отрывисто бросил:

– На рассвете я получу удовлетворение от этого грубияна, после чего буду вашим кавалером на прогулке.

– На рассвете? – повторила Элизабет с притворным неудовольствием. – Но вы не выспитесь и будете слишком утомлены, чтобы поддерживать веселую компанию. И кроме того, дуэль не состоится, если мистер Торнтон не захочет вызвать вас, а я уверена, что он этого не сделает, потому что... – она повернулась к Яну Торнтону и выразительно закончила: – потому что он не может оказаться настолько бесчувственным, чтобы лишить меня завтра вашей компании! – Не дав Яну возможности возразить, она повернулась к остальным присутствующим и громко объявила: – Итак, все объяснилось. Никто не передергивал карт, и никто не будет стреляться.

За ее усилия решительно все мужчины в комнате наградили Элизабет сердитыми осуждающими взглядами, за исключением, пожалуй, только двух: герцога Хаммондского, который, казалось, пытался решить для себя, то ли она полная идиотка, то ли прирожденный дипломат, и Яна, который смотрел на нее с холодным загадочным выражением лица и будто ждал, какой номер она выкинет дальше.

Видя, что никто не собирается ей помогать, Элизабет поняла, что и завершать инцидент ей придется самостоятельно.

– Лорд Эверли, кажется, там заиграли вальс, я как раз вам его обещала.

В глубине комнаты послышался грубый мужской хохот, и лорд Эверли, ошибочно приняв его на свой счет, стал ярко-пунцовым. Метнув на Элизабет негодующий, презрительный взгляд, он круто развернулся и вышел из комнаты. Элизабет осталась стоять, испытывая и неловкость, и облегчение. Лорд Ховард к этому времени уже оправился от пережитого шока и спокойно предложил ей руку.

– Позвольте мне заменить лорда Эверли, – сказал он.

Элизабет не позволила себе расслабиться до тех пор, пока они не вышли в бальную залу, но и там ей пришлось прилагать невероятные усилия, чтобы устоять на трясущихся ногах.

– Вы недавно в городе, – мягко сказал лорд Ховард, – и, надеюсь, не обидитесь на меня, если я скажу, что ваш поступок – я имею в виду вмешательство в чисто мужское дело – сильно повредит вам в глазах света.

– Я знаю, – со вздохом призналась Элизабет. – По крайней мере теперь. В тот момент мне некогда было об этом подумать.

– Мой кузен – человек умный и понимающий, – так же мягко продолжил лорд Ховард, – и я постараюсь, чтобы он услышал об этом сначала от меня, а уж потом от других. А в том, что ему будет что послушать, я не сомневаюсь. Весть об этом разнесется в мгновение ока.

Как только танец закончился, Элизабет извинилась и прошла в дамскую комнату, чтобы получить хоть минутку отдыха. К несчастью, там были и другие женщины: они уже обсуждали инцидент за карточным столом. Она бы с радостью пропустила ужин, который должен был начаться в полночь, и удалилась к себе в спальню, но чувство здравого смысла подсказывало ей, что струсить – самое худшее, что она может сейчас сделать. Не имея другого выбора, Элизабет повесила на лицо безмятежную улыбку и вышла на террасу.

Бледный лунный свет падал на ступеньки террасы и освещенный фонариками сад, и, обретя наконец уединение и блаженный отдых, Элизабет была уже не в силах от него отказаться и побрела по дорожкам сада, рассеянно кивая встречным парам. На границе сада она остановилась, потом пошла направо, к уютной зеленым беседке. Голоса замерли в отдалении, сюда доносились только звуки музыки. Она постояла так несколько минут, когда позади нее раздался низкий бархатный голос:

– Потанцуйте со мной, Элизабет.

Напуганная бесшумным появлением Яна, Элизабет быстро обернулась и посмотрела на него, рука ее машинально поднялась к горлу. Она-то думала, что он был недоволен ее поведением в карточной комнате, но выражение его лица было грустным и нежным. Льющаяся мелодия вальса подхватила ее, он раскрыл ей объятия.

– Потанцуйте со мной, – повторил он охрипшим голосом.

Чувствуя себя как во сне, Элизабет вступила в кольцо его рук. Его правая рука скользнула вокруг ее талии и привлекла девушку к сильному высокому телу. Левая рука захватила ее руку, и она вдруг осознала, что уже тихо кружится в вальсе в объятиях этого мужчины, который танцевал с расслабленной грацией человека, для которого танец естествен, как дыхание.

Элизабет положила руку ему на плечо, стараясь не думать о том, что его правая рука, стальным обручем охватившая ее талию, прижимает ее гораздо ближе, чем принято. Ей следовало испытывать ужас и подавленность, тем более что вокруг была крошечная тьма, но вместо этого она почему-то чувствовала себя покойной и защищенной. Однако через какое-то время она стала испытывать неловкость от затянувшегося молчания и решила, что полагается завязать беседу.

– Я думала, вы рассердились на меня за вмешательство, – сказала она ему в плечо.

В его голосе чувствовалась улыбка:

– Я не был рассержен. Скорее поражен.

– Понимаете, я не могла допустить, чтобы вас называли шулером, прекрасно зная, что это не так.

– Думаю, меня называли и похуже, – мягко сказал он, – в том числе и ваш вспыльчивый юный друг Эверли.

Элизабет попыталась представить, что же может быть хуже обвинения в шулерстве, но хорошие манеры не позволили ей задать этот вопрос. Она подняла голову и, подозрительно заглянув ему в глаза, спросила:

– Ведь вы не станете стреляться с лордом Эверли, правда?

– Надеюсь, я не настолько неблагодарен, – поддразнил он ее, сверкнув зубами в усмешке, – чтобы испортить все ваши труды в карточной комнате. И кроме того, думаю, с моей стороны будет крайне невежливо убить его – ведь вы ясно дали понять, что он обязался сопровождать вас на завтрашней прогулке.

Элизабет рассмеялась и порозовела от смущения.

– Я знаю, что вела себя как последняя дура, просто это было первое, что пришло мне в голову, а времени на раздумье у меня не было. Видите ли, у меня есть брат, и он тоже очень вспыльчив. Так вот, я заметила, что, когда он рассердится, никакими доводами его не образумить. Но если я начинаю дразнить его или пробую к нему подластиться, он гораздо быстрее приходит в себя.

– У меня есть очень сильные опасения, что Эверли не будет сопровождать вас завтра на прогулке.

– Неужели он мог так разозлиться на меня за то, что я вмешалась в ваш спор?

– Я почти уверен, что к настоящему моменту он уже успел растолкать своего камердинера и приказал ему укладывать вещи. После того что случилось, он не останется здесь, Элизабет. Боюсь, что своими стараниями спасти ему жизнь вы только унизили его, а я, отказавшись от дуэли, только подлил масла в огонь.

Элизабет прикрыла глаза, и он сделал попытку ее утешить:

– Как бы он ни был унижен, все равно лучше быть живым, чем удовлетворить свою гордость и умереть.

Вот, подумала Элизабет, чем отличается прирожденный джентльмен, такой, как лорд Эверли, например, от человека, едва допущенного в общество: для истинного джентльмена честь превыше жизни. Именно об этом ей всегда говорил Роберт, любивший указывать сестре на классовые различия.

– Вы не согласны?

Слишком погруженная в свои мысли, чтобы осознать, как могут быть восприняты ее слова, Элизабет кивнула и сказала:

– Лорд Эверли – джентльмен и дворянин, а потому скорее предпочтет смерть бесчестию.

– Лорд Эверли, – спокойно возразил Торнтон, – дурак. Он слишком молод и безрассуден, если готов рисковать своей жизнью из-за карточной ссоры. Жизнь слишком дорога, чтобы отдать ее за такую малость. Когда-нибудь он скажет мне спасибо за мой отказ.

– А как же кодекс чести джентльмена?

– В том, чтобы умереть ради какого-то спора, нет никакой чести. Повторяю: человеческая жизнь слишком дорога для этого. Ее можно отдать за дело, в которое веришь, или за дорогих тебе людей. Любая другая причина не более чем глупость.

– А если бы я не вмешалась, вы приняли бы его вызов?

– Нет.

– Нет? – Она не могла скрыть своего изумления. – Вы хотите сказать, что позволили бы ему назвать себя карточным шулером и не пошевелили бы и пальцем, чтобы защитить свое доброе имя и честь?

– Я не считаю, что моя честь была под угрозой, но даже если и так, я не понимаю, как убийство этого юноши могло бы восстановить ее. Что же касается моего доброго имени, то оно также не единожды подвергалось сомнению.

– Но в таком случае, почему герцог Хаммондский оказывает вам поддержку в обществе и так явно продемонстрировал это сегодня вечером?

Улыбка мгновенно слетела с его лица, и взгляд утратил свою мягкость.

– Это имеет для вас такое значение?

Загипнотизированная неподвижным взглядом его янтарных глаз, Элизабет утратила обычную ясность мысли. В данный момент для нее все имело весьма относительную значимость по сравнению с его глубоким, завораживающим голосом.

– Наверное, нет, – дрожащим голосом ответила она.

– Если это разубедит вас в том, что я струсил, полагаю, я мог бы проучить его за дерзость. Музыка кончилась, – тихо добавил он, и только тогда Элизабет заметила, что они уже не вальсируют, а только слегка покачиваются, обнявшись. Понимая, что у нее нет оправдания, чтобы и дальше находиться в его объятиях, она подавила разочарование и хотела отступить, но тут оркестр заиграл новую мелодию, и их тела снова согласно задвигались в такт музыке.

– Раз уж я лишил вас сопровождающего на завтрашней прогулке в деревню, – сказал Ян через минуту, – может быть, вы рассмотрите другой вариант?

У Элизабет радостно подскочило сердце: она подумала, что он хочет быть ее кавалером. Он будто прочитал ее мысли, но ответ снова обманул ее ожидания:

– Я не могу сопровождать вас, – решительно отказался он.

– Почему? – Улыбка сползла с ее лица.

– Не будьте такой наивной. Дебютантка в моем сопровождении едва ли может рассчитывать на укрепление своей репутации.

Ее мозг бешено заработал, пытаясь составить некий перечень доводов, которые могли бы опровергнуть его слова. В конце концов ему оказывает протекцию сам герцог Хаммондский... хотя... заполучить его в зятя была бы счастлива любая мать, но ни одна из них не спускала со своей дочери глаз в его присутствии, зная его репутацию распутника и повесы. Опять же, Черайз Дюмонт пользовалась безупречной репутацией в свете, и, следовательно, этот загородный прием был вне подозрений, но... если бы она могла закрыть глаза на то, что сказал ей лорд Ховард.

– По той же причине вы отказались танцевать со мной, когда я попросила вас об этом?

– Отчасти.

– В чем же заключалась другая причина?

Он мрачно усмехнулся:

– Назовите это хорошо развитым инстинктом самосохранения.

– Не понимаю.

– Ваши глаза убийственнее дуэльных пистолетов, моя дорогая, – сказал он, криво улыбаясь. – Они могут и святого сбить с пути истинного.

Элизабет слышала немало цветистых комплиментов, воспевавших ее красоту, и относилась к ним с вежливым равнодушием, но грубоватая лесть Яна, к тому же высказанная почти с неохотой, заставила ее рассмеяться. Позже она поняла, что в тот момент совершила самую большую ошибку: она позволила ему усыпить ее недоверие и восприняла его как равного, то есть хорошо воспитанного мужчину, на порядочность которого можно положиться, и расслабилась.

– Так какую альтернативу вы собирались мне предложить на завтра?

– Ленч, – ответил он, – в каком-нибудь уединенном местечке, где мы могли бы поговорить так, чтобы нас не увидели вместе.

Пикник наедине с мужчиной определенно не входил в список развлечений, допустимых для юной девушки, и все-таки Элизабет было жаль отказаться от этой возможности.

– Где-нибудь на природе... у озера? – вслух подумала она, пытаясь сделать его предложение более приемлемым.

– Думаю, завтра соберется дождь, и, кроме того, у озера нас могут увидеть вместе.

– Но тогда где?

– В лесу. В одиннадцать часов утра я буду ждать вас в домике лесника. Он находится на южной границе поместья, у ручья. Если выйти за ворота особняка, то в стороне от основной дороги будет тропинка. По ней до домика лесника всего две мили.

Элизабет была слишком испугана его предложением, чтобы задуматься, как и когда Ян Торнтон успел так близко познакомиться с владениями Черайз, что ему известны его укромные уголки.

– Это абсолютно исключено, – сказала Элизабет дрожащим, срывающимся голосом. Даже она была не настолько наивна, чтобы согласиться на встречу с мужчиной в уединенном доме, и была страшно разочарована тем, что он предложил ей это. Настоящий джентльмен никогда не сделал бы такого предложения, а настоящая леди никогда не приняла бы его. Люсинда предупреждала ее о подобной возможности, и Элизабет чувствовала, что ее предупреждения разумны. Девушка резко рванулась, пытаясь вырваться из рук Яна.

Он мягко придержал ее, не дав ускользнуть от него, и, едва не коснувшись губами ее волос, с удивлением произнес:

– Разве вам не говорили, что леди не должна покидать партнера, пока не закончится танец?

– Он закончен! – с горечью в голосе прошептала Элизабет, и было ясно, что она имеет в виду не только танец. – И я вовсе не так неопытна, как вы думаете, – предупредила она, грозно нахмурившись ему в грудь. Из сборок его шейного платка ей подмигнул рубин.

– Я даю вам слово, – тихо сказал он, – что не стану вас ни к чему принуждать, если вы придете туда завтра.

Как ни странно, Элизабет поверила ему, однако это не меняло дела – она не могла согласиться на эту встречу.

– Я даю вам слово джентльмена, – повторил он.

– Если бы вы были джентльменом, то никогда не сделали бы подобного предложения, – сказала Элизабет, стараясь не обращать внимания на тупую боль в груди от разочарования.

– Какой бесспорный образец логического мышления, – мрачно проговорил он. – Хотя, с другой стороны, у нас есть только один выбор.

– У нас вообще нет никакого выбора. Даже то, что мы сейчас находимся вместе, выходит за рамки дозволенного.

– Я буду ждать вас завтра до двенадцати часов.

– Я не приду.

– Я буду ждать, – повторил он.

– И напрасно потратите время. Будьте любезны, отпустите меня. Все это было ошибкой!

– В таком случае пусть их будет две, – хрипло сказал он, и его рука вдруг напряглась и резко притянула ее. – Посмотрите на меня, Элизабет, – прошептал он, и его теплое дыхание коснулось волос у нее на виске.

В голове у Элизабет забили тревожные колокола, предупреждая об опасности. Если она поднимет голову, он поцелует ее.

– Я не хочу, чтобы вы поцеловали меня, – предупредила она, в душе не совсем уверенная в этом.

– В таком случае скажите мне хотя бы до свидания.

Элизабет подняла голову, и взгляд ее проследовал от его четко очерченного рта к глазам, смотревшим прямо на нее.

– До свидания, – сказала она и удивилась тому, что голос ее перестал дрожать.

Его глаза перемещались по ее лицу так, словно он хотел запомнить его, и наконец остановились на губах. Неожиданно его руки соскользнули с ее плеч, он отпустил ее и отступил назад.

– До свидания, Элизабет.

Элизабет отвернулась и сделала шаг вперед, но сожаление, прозвучавшее в его голосе, заставило ее оглянуться... а может быть, это было ее сердце, которое сжалось так, словно она покидала... что-то такое, о чем могла бы потом пожалеть. В повисшем молчании они долго смотрели друг на друга – разделенные всего двумя шагами и целой пропастью общественных предрассудков.

– Наверное, все уже заметили наше отсутствие, – беспомощно сказала Элизабет, сама толком не зная, то ли извиняется перед ним за то, что покидает его, то ли ждет, что он уговорит ее остаться.

– Возможно.

Выражение его лица было бесстрастно, голос звучал вежливо и холодно, и она почувствовала, что он снова отдалился от нее и стал недостижимым.

– Мне в самом деле пора возвращаться.

– Конечно.

– Вы же понимаете, правда... – Голос ее прервался, когда она взглянула на этого высокого красивого мужчину, отвергнутого светом только за то, что в его жилах не было «голубой крови», и ей вдруг стали ненавистны все эти глупые социальные ограничения, которые сковывали ее свободу. Сглотнув, она попыталась объяснить снова, в душе желая, чтобы он либо прогнал ее, либо раскрыл ей объятия как тогда, когда просил потанцевать с ним.

– Вы же сами понимаете, что я просто не могу быть с вами завтра....

– Элизабет, – оборвал он ее хриплым шепотом, и в глазах его вдруг затеплился огонь, когда он протянул к ней руку, почувствовав, что победа близка, тогда как Элизабет еще не успела осознать своего поражения. – Идите сюда.

Рука Элизабет протянулась к нему будто сама по себе, и он крепко обхватил ее пальцами; ее вдруг повлекло вперед, две руки, как стальные обручи, сжали ее, и она почувствовала на своих губах его ищущие губы. Нежные и настойчивые, они ласкали ее, приспособившись к ее рту, прижимаясь к нему все крепче. Внезапно он сжал ее еще сильнее и властно притянул к себе. Тихий стон нарушил тишину, но Элизабет не поняла, что этот звук исторгла она сама. Она встала на цыпочки, чтобы дотянуться до него, и положила руки на его широкие плечи, прижавшись к нему так, словно искала у него защиты от этого мира, который вдруг стал таким темным и чувственным и в котором ничто уже не имело значения, кроме их тел и его губ, прижавшихся к ее рту так, словно он умирал от желания.

Наконец он оторвался от ее губ, продолжая держать в своих объятиях; Элизабет прижалась щекой к его хрустящей белой рубашке, чувствуя, как он проводит губами по ее волосам.

– Это оказалось еще большей ошибкой, чем я предполагал, – сказал он и потом добавил как бы про себя: – Господи, помоги нам обоим.

Как ни странно, но именно это последнее замечание привело Элизабет в чувство, и она по-настоящему испугалась. Тот факт, что именно он считал, что они зашли слишком далеко и нуждались в некоей божественной помощи, подействовал на нее, как ушат холодной воды. Она высвободилась из его рук и стала расправлять складки платья. Достаточно успокоившись, чтобы посмотреть на него, она подняла голову и с выражением неподдельного ужаса проговорила:

– Этого не должно было произойти. Тем не менее если мы поврозь вернемся в дом и сумеем влиться в компанию других гостей, возможно, никто и не подумает, что мы были вместе. До свидания, мистер Торнтон.

– Спокойной ночи, мисс Кэмерон.

Элизабет слишком торопилась уйти, чтобы обратить внимание на его подчеркнутое «спокойной ночи» в ответ на ее «до свидания». Она также не заметила и того, что он то ли по ошибке, то ли намеренно назвал ее не леди, а мисс Кэмерон.

Она решила не идти через главный вход, а войти в дом через одну из боковых дверей, выходящих на балкон, и, взявшись за ручку, с облегчением вздохнула: дверь была не заперта. Элизабет проскользнула в комнату, похожую на небольшую гостиную. На другом ее конце также была дверь, которая выходила в пустынный коридор. После уютной ночной тишины дом казался наполненным настоящей какофонией смеха, голосов и музыки, больно ударявшей по ее нервам. На цыпочках она прошла через гостиную.

На этот раз удача, казалось, улыбнулась ей: в холле никого не было. Элизабет решила быстренько забежать в спальню и привести себя в порядок. Она успела пробежать по лестнице целый пролет, когда с нижней площадки лестницы послышался голос Пенелопы:

– Послушайте, кто-нибудь видел Элизабет? Вот-вот подадут ужин, и лорд Ховард хотел сопровождать ее.

На Элизабет вдруг снизошло вдохновение. Она быстро пригладила волосы, оправила платье и мысленно помолилась Богу, чтобы лицо не выдавало, что она только что имела тайное свидание под покровом ночи.

– По-моему, последний раз ее видели в саду, – услышала она недобрый голос Валери. – И мистер Торнтон куда-то запропастился...

Она умолкла на полуслове, ошарашенно глядя на неторопливо спускавшуюся Элизабет, взлетевшую по этой лестнице всего несколько мгновений назад.

– О Боже, – Элизабет с простодушным видом улыбнулась Пенелопе и Валери, – не знаю, почему эта жара так действует на меня. Думала, мне станет лучше в саду, но и там слишком душно, и я решила ненадолго прилечь.

Втроем девушки прошли через бальную залу, потом через игорную комнату, где несколько человек играли в бильярд. У Элизабет зачастил пульс, когда за ближайшим к двери столом она увидела Яна Торнтон с кием в руке. Он поднял глаза и увидел девушек, две из которых смотрели прямо на него. Он холодно кивнул всем троим и ударил кием по шару. Элизабет услышала, как разлетелись по столу шары, падая в лузы, после чего раздался восхищенный смех герцога Хаммондского.

– Как же он красив – какой-то удивительной, темной и пугающей красотой, – шепотом высказалась Джорджина. – И есть в нем что-то такое... ну... опасное, – добавила она, слегка задрожав от удовольствия.

– Да, действительно, – согласилась Валери, – но правда и то, что ты говорила о нем раньше – у него нет ни прошлого, ни воспитания, ни связей.

Элизабет слышала, о чем они говорят, но не придавала этому значения. Ее чудесное везение в последние несколько минут убедило ее в том, что Бог все-таки есть на свете и время от времени вспоминает о ней. Поэтому в эти минуты она мысленно возносила ему молитву, сопровождая ее обещанием, что больше никогда, никогда в жизни не поставит себя в такое компрометирующее положение. Одновременно с тем, как она сказала про себя «аминь», до нее дошло, что все это время она продолжала считать шары, закатившиеся в лузы после удара Яна, и насчитала их целых четыре. Четыре! Когда она играла с Робертом, наилучшим его результатом было три шара за один раз, а он считался серьезным игроком.

Чувство радостной легкости не покидало Элизабет до самого ужина, за которым она сидела рядом с лордом Ховардом. Каким-то странным образом это чувство начало ослабевать, когда она за столом приняла участие в общей беседе. Несмотря на оживленный разговор, ей приходилось напрягать всю свою волю, чтобы не дать взгляду блуждать по роскошно убранной зале, выискивая, за каким же из столиков, покрытых голубыми льняными скатертями, сидит Ян. К ней подошел слуга и предложил омара; она взглянула на него и кивнула. Элизабет пользовалась его присутствием, чтобы провести будто бы рассеянным взглядом по комнате. Ее глаза скользили по морю голов, украшенных драгоценностями и замысловатыми прическами и кивающих, как разноцветные поплавки. Поднимались и сталкивались бокалы, мелькали руки,

и наконец она увидела его – он сидел за главным столом между герцогом Хаммондским и Черайз – прекрасной сестрой Валери. Герцог беседовал с какой-то великолепной блондинкой, про которую говорили, что она его новая любовница, а Ян внимательно слушал артистичный рассказ Черайз. Ленивая улыбка блуждала по его загорелому лицу, и он, казалось, не замечал, что Черайз с видом собственницы положила руку ему на рукав. Он засмеялся какой-то ее фразе, и Элизабет отвела взгляд от этой пары, чувствуя тупую боль в груди. Они так хорошо смотрелись вместе – элегантные, темноволосые и потрясающе красивые. Без сомнения, у них много общего, с досадой отметила Элизабет и яростно принялась за омара.

Лорд Ховард наклонился к ней и пошутил:

– Он и так уже мертвый.

Элизабет непонимающе взглянула на него, и он кивнул на омара, которого она пилила ножом.

– Он и так уже мертв, не стоит убивать его дважды, – повторил он.

С тяжелым вздохом Элизабет отодвинула омара и постаралась взять себя в руки и получить хоть какое-то удовольствие от этого вечера. Как ее и предупреждал лорд Ховард, мужчины, которые к этому моменту были уже осведомлены об инциденте в карточной комнате, не говоря уж о тех, кто был непосредственным свидетелем сцены, заметно к ней охладели; и Элизабет пришлось употребить все свое женское очарование, чтобы вернуться на прежние позиции. Второй раз в жизни она пускала в ход свои чары – первый раз она попыталась сделать это в саду с Яном Торнтоном и была немало удивлена своим легким успехом. И на этот раз мужчины за ее столиком постепенно оттаяли и начали обращаться к ней, а потом и добиваться ее внимания. В течение этого долгого часа, потребовавшего от девушки немалой выдержки, у нее несколько раз появлялось ощущение, будто Ян наблюдает за ней, и под конец, устав от неопределенности, она посмотрела туда, где он должен был сидеть. Его прищуренный взгляд был направлен в ее сторону, но она не смогла разобрать, что выражал этот взгляд – недовольство ее отчаянным флиртом или просто некоторое замешательство.

– Могу я надеяться, что вы позволите мне сопровождать вас на завтрашней прогулке вместо моего кузена? – спросил ее лорд Ховард, когда бесконечный ужин наконец подошел к концу и гости начали подниматься со своих мест.

Для Элизабет наступил решающий момент – момент, когда она должна была решить, пойдет она завтра на встречу с Яном или нет. В действительности ни о каком выборе не могло быть и речи, и она прекрасно понимала это. С наигранной радостью она ослепительно улыбнулась и ответила:

– Конечно. Благодарю вас.

– Отъезд намечается на половину одиннадцатого. Насколько я понял, программа будет обычной – поход по магазинам, затем ленч в какой-нибудь местной гостинице и верховая прогулка по окрестностям с осмотром достопримечательностей.

Элизабет мысленно вздохнула – такой ужасно скучной показалась ей эта перспектива.

– По-моему, программа чудесная! – воскликнула она с таким жаром, что лорд Ховард недоуменно взглянул на нее.

– Вы хорошо себя чувствуете? – обеспокоенно спросил он, заметив ее пылающие щеки и слишком ярко блестевшие глаза.

– Как никогда, – ответила Элизабет, мечтая о покое и тишине своей спальни. – А сейчас, если позволите, я пойду отдохну – у меня что-то разболелась голова.

С этими словами она удалилась, оставив озадаченного лорда Ховарда. И только когда она стала подниматься по лестнице, до нее дошел смысл сказанных ею слов. Она встала как вкопанная, затем покачала головой и медленно продолжила путь. В конце концов не так уж и важно, что подумает о ней кузен ее жениха, решила Элизабет, чувствуя себя слишком несчастной, чтобы задуматься о том, как странны подобные мысли для новоиспеченной невесты.

– Пожалуйста, разбуди меня в восемь, Берта, – сказала она горничной, помогавшей ей раздеться. Берта не ответила и молча бросила ее платье и прочие предметы туалета на стол, не обращая внимания, что все попадало на пол. Это был верный признак того, что ее легкоранимая горничная чем-то расстроена.

– Что-то случилось? – спросила Элизабет, расчесывая волосы.

– Вся прислуга только и болтает, что о вашей выходке в игровой комнате, и эта ваша дуэнья потом обвинит во всем меня, – расстроенно ответила Берта. – Скажет, что стоило ей единственный раз оставить вас под моим присмотром, как вы тут же устроили Бог знает что!

– Я сама ей все объясню, – устало пообещала Элизабет.

– И что же вы ей объясните? Что там такое произошло? – закричала Берта, заламывая руки. Она уже представляла себе, что ей придется выслушать от этой невыносимой мисс Трокмортон-Джонс.

Элизабет неохотно поведала ей всю историю, и, пока она говорила, лицо Берты понемногу смягчалось. Она откинула с кровати розовое парчовое покрывало и помогла Элизабет лечь.

– Так что, сама теперь видишь, – зевая, закончила Элизабет, – не могла же я промолчать. Иначе они бы поверили, что он действительно передергивал, тем более что он им неровня.

Темное небо за окном прочертила молния, осветив всю комнату, затем прогремел гром, и оконные стекла слегка задрожали. Элизабет закрыла глаза и помолилась, чтобы плохая погода не сорвала поход в деревню, потому что перспектива провести целый день в одном доме с Яном Торнтоном, не имея возможности ни взглянуть на него, ни поговорить с ним, была слишком тяжким испытанием. «Я почти заболела им», – подумала она и провалилась в сон.

Ей снился яростный шторм, чьи-то сильные руки протянулись к ней, чтобы спасти, и потащили из воды, а затем снова бросили в волнующееся море...

Глава 6

Бледный солнечный свет затопил комнату, и Элизабет неохотно перекатилась на спину. Она принадлежала к тому типу людей, которые, сколько бы ни спали, при пробуждении долго не могут прийти в себя и с удивлением осматриваются вокруг, пытаясь понять, где же они находятся. Роберт всегда вскакивал с постели бодрым и полным сил, тогда как Элизабет с трудом приподнималась на подушках и оставалась в таком положении не менее получаса, бесцельно оглядывая комнату и заставляя себя окончательно проснуться. Но тот же Роберт к десяти часам вечера уже всюду зевал, а Элизабет не испытывала ни малейшей усталости и была готова играть в карты, бильярд или читать всю ночь напролет. По этой причине ей идеально подходил распорядок дня во время лондонского сезона, когда утренний сон затягивался до полудня, а светский вечер – до утра.

Однако предыдущая ночь явилась редким исключением.

Элизабет попыталась открыть глаза, и ей показалось, что голова ее налита свинцовой тяжестью. На прикроватном столике стоял поднос с привычным для нее завтраком: маленький чайничек с горячим шоколадом и тоненький ломтик поджаренного хлеба с маслом. Вздохнув, Элизабет заставила себя исполнить весь ритуал вставания. Упершись руками в кровать, она подтянулась на подушках; потом приказала рукам дотянуться до подноса и взять чайник с горячим, придающим сил шоколадом.

В это утро она мучилась, как никогда: мешала тупая боль в голове и смутное ощущение, что случилась какая-то неприятность.

Все еще пребывая в промежуточном состоянии между бодрствованием и сном, Элизабет сняла с чайника вышитую салфетку и наполнила шоколадом тонкую фарфоровую чашку. И только тут она вспомнила: сегодня этот темноволосый загорелый мужчина будет ждать ее в домике лесника. Он будет ждать ровно час, а потом уйдет – потому что Элизабет там не появится. Но она не может прийти туда. Просто не может!

Неверными руками она взяла чашку с блюдца и поднесла ко рту. Из-за ободка чашки она увидела ворвавшуюся в комнату встревоженную Берту. Увидев сидящую в постели Элизабет, она облегченно заулыбалась:

– О-о, ну слава Богу. Я уж боялась, что вы заболели.

– Почему? – спросила Элизабет и снова поднесла чашку к губам.

– Да потому что я не могла разбудить...

Сделав глоток, Элизабет с удивлением обнаружила, что шоколад совершенно ледяной.

– Сколько времени? – медленно спросила она, начиная подозревать неладное.

– Уже почти одиннадцать.

– Одиннадцать! Ведь я же сказала тебе разбудить меня в восемь! Как ты могла так меня подвести?

Девушка начала лихорадочно искать выход из создавшегося положения. Если быстро одеться, может быть, еще удастся догнать остальных. Или...

– Я пыталась вас разбудить, – воскликнула Берта, обиженная резким тоном Элизабет, – но вы не хотели просыпаться.

– Я всегда не хочу просыпаться, Берта, ты знаешь это!

– Но сегодня вы вели себя хуже, чем обычно. Вы говорили, что у вас болит голова.

– Я всегда говорю что-нибудь подобное. Когда я сплю, то не отвечаю за свои слова. Я могу сказать тебе что угодно, лишь бы выторговать еще несколько минут. Я всегда так себя веду, и тем не менее ты как-то умудряешься меня разбудить!

– Но вы говорили, – продолжала оправдываться Берта, нервно теребя свой фартук, – что, поскольку ночью лил дождь, прогулку в деревню наверняка отменят, поэтому нет никакого смысла вставать в такую рань.

– Ради Бога, Берта! – закричала Элизабет, откидывая простыни и вскакивая с кровати с такой энергией, какой еще ни разу не проявляла после столь короткого периода бодрствования.

– Как-то раз я сказала тебе, что умираю от дифтерии, только бы ты оставила меня в покое, и это ничуть на тебя не подействовало!

– В тот раз, – сказала Берта, позвонив, чтобы принесли горячую воду для мытья, – вы не были так бледны, и лоб у вас не был таким горячим. И в тот раз вы не свалились в кровать, словно вас ноги не держат, в половине первого ночи, когда бал был еще в самом разгаре!

Раскаиваясь в своей резкости, Элизабет села на кровать и извинилась.

– Ты не виновата, что я сплю, как медведь во время зимней спячки. К тому же, если они действительно не поехали в деревню, не важно, что я проспала.

Она попыталась было приспособиться к мысли, что ей придется провести весь день в одном доме с человеком, от взгляда которого, брошенного вскользь через комнату, полную людей, у нее начинало колотиться сердце, как вдруг услышала голос Берты:

– Да нет, они поехали в деревню. Дождя-то, собственно, и не было – так, один шум.

На мгновение закрыв глаза, Элизабет издала глубокий вздох. Уже одиннадцать, и это значит, что Ян начал свое бесполезное ожидание в домике лесника.

– Очень хорошо, тогда я тоже поеду в деревню и перехвачу их где-нибудь по дороге. Теперь уже нет смысла торопиться, – сухоvalo бросила она, увидев, как Берта со всех ног кинулась к двери, чтобы принять у вошедшей горничной ведра с горячей водой.

Была уже половина двенадцатого, когда Элизабет в нарядном платье персикового цвета спустилась вниз. Волосы были убраны под шляпку с загнутым над правым ухом пером, руки до запястий закрывали перчатки для верховой езды. Из игровой комнаты до нее донеслись мужские голоса, свидетельствовавшие о том, что не все гости предпочли прогулку в деревню. Элизабет уморила шаг, размышляя, не заглянуть ли ей в комнату, чтобы посмотреть, вернулся Ян Торнтон или его еще нет. Но она быстро пришла к убеждению, что он наверняка уже здесь, и, не желая видеть его, быстро пошла в противоположном направлении и вышла из дома через парадную дверь.

Ей пришлось немного задержаться в конюшне и подождать, пока конюхи оседлают лошадь. Вопреки здравому смыслу, сердце ее глухо отбивало убегающие минуты и терзалось от мысли, что Ян в это время одиноко сидит в домике лесника и ждет женщину, которая не придет.

– Вы, наверное, тоже хотели бы взять с собой грума, миледи? – спросил старший конюх. – А у нас ни одного и нет – все отправились вместе с этими, которые поехали на целый день в деревню. Правда, через час, а то и меньше, кто-нибудь вернется, так что, если хотите, можете подождать. А коли не хотите, так на дороге и так безопасно, ничего дурного с вами не случится. Ее светлость тоже всегда ездит в деревню одна.

Сейчас Элизабет больше всего на свете хотелось мчаться во весь опор по сельской дороге, и она вовсе не нуждалась в чьем-либо сопровождении.

– Я поеду одна. – Элизабет дружелюбно улыбнулась, вспомнив своего конюха в Хэвенхёрсте. – Мы проезжали через деревню, когда добирались сюда, – она милях в пяти отсюда по главной дороге, верно?

– Точно, миледи.

Огненная вспышка молнии пронзила бледное небо, и Элизабет вскинула на него обеспокоенный взгляд. Она все равно не останется здесь, как бы ни была неприятна перспектива быть застигнутой грозой под открытым небом.

– Не думаю, что дождь соберется до вечера, – сказал конюх, заметив ее колебания. – В это время года у нас тут все время бывают зарницы. Да вот хотя бы сегодня ночью – всю ночь сверкало, и хоть бы одна капля упала.

В большем ободрении Элизабет не нуждалась.

Первые тяжелые капли дождя упали на землю, когда она была примерно в миле от дома.

– Чудесно, – сказала Элизабет, натянув поводья и внимательно изучая небо. Затем вонзила пятки в бока лошади и послала ее вскачь в сторону деревни. Несколько минут спустя Элизабет заметила, что ветер, который до сих пор только тихо вздыхал, перебирая листву, начал со стоном гнуть ветки, и в воздухе стремительно холодало. Редкие капли дождя перешли в ливень. К тому времени, как Элизабет увидела ответвляющуюся от главной дороги тропинку, ведущую в лес, ее одежда уже наполовину промокла. Чтобы хоть как-то укрыться от дождя, она свернула с дороги на тропинку. По крайней мере деревья могут послужить ей зонтиком, пусть и довольно дырявым.

Наверху сверкали и вспарывали небо молнии, чередуясь с оглушающими раскатами грома, и Элизабет начала понимать, что вопреки предсказанию конюха назревает и вот-вот разразится настоящая летняя буря. Ее маленькая лошадка тоже почувствовала это и вздрагивала от вспышек и громовых раскатов. Однако несмотря на испуг, она покорно слушалась свою хозяйку.

– Ты просто сокровище, – благодарно сказала Элизабет, поглаживая ее атласную холку. Теперь все ее мысли занимал дом, который должен был находиться в конце тропинки. Девушка в нерешительности кусала губы, прикидывая, сколько сейчас может быть времени. В любом случае не меньше часа, так что Яна Торнтон там давно уже нет.

После еще нескольких секунд размышления Элизабет пришла к заключению, что напрасно воображает, будто Ян Торнтон придает такое уж большое значение ее особе. Пройшей ночью она могла видеть, с какой легкостью он переключил свое внимание на Черайз всего через час после того, как целовал ее в саду. Наверняка с его стороны это было всего лишь минутное развлечение. И нечего разыгрывать мелодраму, представляя, как он, несчастный, ходит из угла в угол, с тоской поглядывая на дверь. В конце концов он игрок и, возможно, опытный соблазнитель. Конечно же, он ушел в двенадцать и теперь ищет в доме более податливый предмет обожания, а в том, что его поиски будут успешными, она не сомневалась. Но если по какой-то невероятной случайности он все еще там, она увидит на улице его лошадь и тогда просто повернется и поедет назад в поместье.

Через несколько минут в конце тропинки она увидела дом. В глухой чаще леса он казался гостеприимной обителью. Элизабет напряженно всматривалась, пытаясь разглядеть между деревьями лошадь Яна. Сердце ее забилось тяжелыми толчками от тревоги и неизвестности, когда она увидела крыльцо маленького, крытого соломой домика, но вскоре поняла, что нет никаких причин для беспокойства. Здесь было совершенно пусто. «Вот оно – наглядное свидетельство глубины его внезапного чувства ко мне», – подумала Элизабет, не желая признаться даже самой себе, как ей больно от этой нелепой мысли.

Элизабет спешила и отвела лошадь на задний двор. Там обнаружился навес, и она привязала лошадь под ним.

– А ты когда-нибудь замечала, как непостоянны мужчины? – спросила у нее Элизабет. – И как глупы бывают женщины? – добавила она, чувствуя, что огорчена гораздо сильнее, чем следовало бы. Она понимала, что в ее чувствах нет никакой логики – ведь она даже не хотела идти сюда и не хотела, чтобы он ждал ее здесь, и вот теперь чуть не плачет оттого, что он не пришел!

Сердито дернув за ленты, она развязала бант и стащила с головы шляпку. Затем шагнула к двери, открыла ее и в ужасе застыла!

В противоположном конце комнаты спиной к ней стоял Ян Торнтон. Опустив свою темноволосую голову, он смотрел на весело потрескивающий в камине огонь. Руки в карманах, одна нога поставлена на каминную решетку. На нем была тонкая батистовая рубашка, под которой заиграли мышцы, когда он вытащил руку из кармана и запустил ее в волосы. Элизабет молча стояла и любовалась на прекрасные пропорции его широких плеч, тонкой талии и длинных стройных ног.

Что-то в задумчивой позе Яна, а также то, что он ждал ее уже больше двух часов, пошатнуло убеждение Элизабет в том, что для него было не так уж важно, придет она или нет. Эта мысль мелькнула еще прежде, чем она взглянула на стол. У нее перевернулось сердце, когда она увидела, скольких хлопот ему стоило устроить этот ленч: грубые доски стола были покрыты льняной кремовой скатертью, на которой стояло два прибора из синего с золотом китайского фарфора, очевидно, позаимствованного в доме Черайз. В центре стола стояли подсвечник с зажженной свечой; широкая тарелка с нарезанным сыром и холодным мясом и наполовину пустая бутылка вина завершали натюрморт.

За всю свою жизнь Элизабет ни разу не видела мужчину, который умел бы организовать ленч и сервировать стол. Женщины это делали. Женщины и прислуга. Но не такие красивые мужчины, от взгляда на которых сердце колотилось как бешеное. Ей казалось, что она стоит здесь не какие-то секунды, а уже несколько минут, когда спина его внезапно напряглась, словно он почувствовал ее присутствие. Ян обернулся, и на лице его появилась кривая усмешка:

– А вы не очень-то пунктуальны.

– Я не собиралась сюда приходить, – честно призналась Элизабет, стараясь восстановить душевное равновесие и не поддаваться притяжению его голоса и глаз. – Меня застал дождь по дороге в деревню.

– Вы промокли.

– Я знаю.

– Идите к огню.

Видя, что она продолжает стоять, опасливо глядя на него, он убрал ногу с каминной решетки и подошел к ней. Элизабет словно приросла к полу, все предупреждения Люсинды о свидании с мужчиной наедине разом пронесли у нее в голове.

– Чего вы хотите? – почти беззвучно спросила она, чувствуя себя чуть ли не карлицей рядом с его высокой фигурой.

– Снять с вас накидку.

– Нет, я предпочитаю, чтобы она оставалась на мне.

– Снимайте, – спокойно повторил он, – она насквозь мокрая.

– Держитесь от меня подальше! – выкрикнула она и, вцепившись в накидку, стала отступать к двери.

– Элизабет, – заговорил Торнтон ровным, успокаивающим голосом, – я дал вам слово, что если вы придете сюда, то будете в полной безопасности.

Она на мгновение закрыла глаза и кивнула.

– Я знаю. Но я также знаю, что не должна быть здесь. Мне необходимо уйти отсюда. Необходимо. Действительно, необходимо? – Открыв глаза, она вопросительно посмотрела ему в лицо – соблазненная просила совета у своего соблазнителя.

– Учитывая обстоятельства, не думаю, что вам стоит спрашивать об этом меня.

– Я останусь, – решила Элизабет после секундного размышления и увидела, как он сразу внутренне расслабился. Она расстегнула накидку и отдала ему вместе со шляпкой; Ян отнес их к камину и развесил на крючках на стене.

– Встаньте у огня, – приказал он, подходя к столу и наполняя вином бокалы.

Она послушно приблизилась к камину. У нее намокли не прикрытые шляпкой волосы надо лбом, и, вытащив гребни, придерживавшие их по бокам, Элизабет энергично тряхнула

головой. Не подозревая, как обольстительно при этом выглядит, она подняла руки и начала приподнимать волосы, перебирая их пальцами.

Через какое-то время она посмотрела на Яна и увидела, что он стоит совершенно неподвижно и смотрит на нее. Что-то в выражении его лица заставило ее уронить руки, и чары были разрушены. Но тепло, разлившееся по ее телу от его откровенного обнимающего взгляда, осталось, и снова осознание страшного риска, с которым было связано ее пребывание здесь, заставило девушку внутренне сжаться. Она совершенно не знала этого человека, они познакомились всего несколько часов назад, но он смотрит на нее так, как могут смотреть люди только очень... близкие. И имеющие на тебя право. Он вручил ей бокал и кивнул на старенький диван, занимавший почти всю комнату.

– Если вы уже достаточно согрелись, можете присесть. Диван чистый.

Должно быть, когда-то обивка дивана была зеленой с белым, но со временем стала совершенно серого цвета. Элизабет не сомневалась, что этот диван был сплавлен сюда из господского дома за ненадобностью.

Усевшись настолько далеко от Яна, насколько позволял диван, Элизабет скрестила ноги под юбкой. Он обещал, что она будет «в безопасности», что оставляло, как она теперь поняла, большой простор для интерпретации.

– Если я останусь, – с трудом выговорила она, – думаю, нам надо условиться о соблюдении всех правил.

– Каких, например?

– Ну, для начала вы должны перестать обращаться ко мне по имени.

– Принимая во внимание, что мы целовались в саду вчера вечером, я буду чувствовать себя глупо, называя вас «мисс Кэмерон».

Сейчас было самое время сообщить ему, что она леди Кэмерон, но упоминание о том забываемом (и абсолютно запретном) происшествии слишком сильно подействовало на нее, чтобы она побеспокоилась о такой малости.

– Что бы ни случилось вчера вечером, это не должно повлиять на наше поведение сегодня. Наоборот, сегодня... сегодня мы должны вести себя вдвойне осмотрительнее, чтобы... чтобы загладить то, что произошло вчера! – огорченно закончила она.

– Так вот как это делается? – спросил он, и глаза его начали весело поблескивать. – Простите, но я не представлял, что вы сверяете каждый свой шаг с условностями света.

Конечно, такому человеку – не связанному никакой ответственностью игроку – условности и правила светского этикета должны казаться ужасно утомительными, но Элизабет понимала, что сейчас для нее крайне важно убедить его принять ее точку зрения.

– О, но это действительно так, – подтвердила она, – у нас, Кэмеронов, вообще очень обостренное отношение ко всякого рода условностям и тонкостям светского этикета. Как вы уже поняли прошлой ночью, я, например, предпочитаю смерть бесчестию. Мы также верим в Бога, Отечество и короля и... и в право собственности. Последнее для нас имеет особый приоритет.

– Понятно, – сказал Ян, и губы его чуть-чуть задрожали, удерживая улыбку. – Только скажите мне, – вкрадчиво спросил он, – как такая церемонная особа могла вчера вечером скрестить шпаги с целой толпой мужчин ради того, чтобы защитить репутацию совершенно незнакомого ей человека?

– Ах, это... – сказала Элизабет. – Ну, это... ну, назовем это моим обостренным чувством справедливости. А кроме того, – добавила она, чувствуя, как гнев вновь просыпается в ней при воспоминании о вчерашней сцене в карточной комнате, – меня ужасно разозлило, что они не стали отговаривать Эверли от дуэли только потому, что вы не принадлежите к их социальному слою.

– Вы говорите о социальном равенстве? – на лице его играла ленивая дразнящая улыбка. – Как странно слышать подобное суждение от такой яркой поборницы условностей, как вы.

Элизабет поняла, что попалась.

– Просто я до смерти боюсь находиться здесь с вами, – дрожащим голосом призналась она.

– Я знаю. Но вы можете бояться кого угодно, только не меня.

От того, каким тоном были сказаны эти слова, у Элизабет задрожали колени и вновь участилось сердцебиение. Чтобы скрыть волнение, она отпила значительное количество вина из бокала и мысленно взмолилась, чтобы это успокоило ее разошедшиеся нервы. Видя, в каком она состоянии, он деликатно переменял тему.

– Какие еще мысли посетили вас относительно того, как несправедливо обошлись с Галилео Галилеем?

Она сокрушенно покачала головой:

– Я знаю, что мне не стоило затевать таких разговоров, тем более с мужчиной.

– А мне это показалось приятным разнообразием по сравнению с обычными банальностями.

– Правда? – Она посмотрела на него со смесью недоверия и надежды, не осознавая, как ловко Торнтон отвлек ее от мрачных сожалений и перевел разговор на более легкий предмет.

– Правда.

– Как жаль, что в свете никто так не думает.

Он сочувственно усмехнулся:

– И давно вам приходится скрывать тот факт, что в вашей голове появляются мысли, чуждые светскому обществу?

– Четыре недели, – засмеялась Элизабет. – Вы и представить себе не можете, как ужасно произносить какие-то штампы, когда хочется расспросить людей о том, что они знают и видели. Но это невозможно, особенно с мужчинами, – они все равно ничего не расскажут, даже если их спросишь.

– И что же они в таких случаях говорят?

– Они говорят, что ответ на этот вопрос недоступен женскому пониманию или что он может задеть мои нежные чувства.

– И какие же вопросы вы пробовали задавать?

Она опять засмеялась.

– Ну, я, например, спросила у сэра Элстона Грили – он только что вернулся из продолжительного путешествия, – довелось ли ему побывать в наших колониях. Он сказал, что был там. Тогда я попросила его рассказать мне, как выглядят местные жители и какой образ жизни они ведут. Тут он начал мяться, кашлять и сказал, что «дикари» – это не та тема, которую следует обсуждать с женщиной, и что, если он станет рассказывать мне о них, я непременно упаду в обморок.

– Внешний вид и обычаи местных жителей зависят от того, к какому племени они принадлежат. – Ян попытался ответить за мистера Грили. – Некоторые из них действительно дикие – конечно, по нашим понятиям, а некоторые племена очень мирные – по любым меркам...

Два часа пролетели незаметно. Элизабет расспрашивала его о местах, в которых он побывал, и увлеченно слушала его рассказы; ни разу за все время он не отказался удовлетворить ее интерес и не посмеялся над ее замечаниями. Он разговаривал с ней, как с равной, и, казалось, получал от этой беседы не меньшее удовольствие, чем она. Они поели и снова пересели на диван. Она знала, что прошли уже все сроки, когда ей нужно было уйти, но никак не могла собраться с духом и распрощаться с ним.

– Я часто думаю, – призналась она после того, как он рассказал ей о женщинах Индии, которые на людях должны скрывать свое лицо и волосы, – как это несправедливо, что я родилась женщиной и у меня никогда не будет таких приключений, я не смогу увидеть все эти места. Даже если бы я и отправилась в путешествие, то все равно смогла бы посетить только цивилизованные места.

– Да, между полами существует неравенство – женщины действительно лишены многого из того, что доступно мужчинам.

– Однако и те, и другие обязаны исполнять свой долг, – сказала Элизабет с забавной серьезностью, – и говорят, это должно приносить чувство глубокого удовлетворения.

– А в чем вы видите свой... э-э-э... долг? – поддержал он игру, улыбнувшись своей ленивой белозубой улыбкой.

– Ну, здесь все просто. Долг женщины состоит в том, чтобы быть женой, во всех отношениях достойной своего мужа. В то время как обязанности мужчины состоят в том, чтобы делать, что он пожелает и когда пожелает, и быть готовым защитить свою родину в случае, если возникнет такая необходимость. Вероятность такого случая чрезвычайно мала. Мужчины, – поведала она Яну, – заслуживают почести, жертвуя собой на поле битвы, а мы – принося себя в жертву на алтаре супружества.

Он громко расхохотался, и Элизабет улыбнулась ему, необычайно довольная, что может говорить с ним совершенно свободно.

– И если бы кто-нибудь всерьез задумался об этом, то пришел бы к выводу, что наша жертва куда значительнее и благороднее.

– Как это? – все еще смеясь, спросил Торнтон.

– Это же совершенно очевидно – битвы длятся всего несколько дней или недель, самое большее, месяцев. В то время как супружество длится всю жизнь! Что наводит еще на одну мысль, которая часто меня занимает, – весело продолжила Элизабет.

– И что же это? – поинтересовался он, не сводя с нее восхищенных глаз.

– Почему нас, несмотря на такое выдающееся мужество, называют слабым полом? – Их смеющиеся глаза задержались друг на друге, и Элизабет вдруг осознала, какими дикими ему должны казаться ее рассуждения. – Вообще-то я редко так странно разговариваю, – сникнув, сказала она. – Вы, наверное, думаете, что я ужасно плохо воспитана.

– Я думаю, что вы великолепны.

Искренняя сердечность, прозвучавшая в его проникновенном голосе, вызвала у нее резкий глубокий вздох. Элизабет открыла рот, собираясь сказать что-нибудь легкомысленное, чтобы восстановить легкую товарищескую атмосферу, витавшую в комнате всего минуту назад, но вместо этого смогла лишь издать еще один долгий прерывистый вздох.

– И думаю, вы знаете об этом, – тихо добавил Торнтон.

Все это нисколько не походило на глупые комплименты с претензией на остроумие, которые она привыкла слышать от своих поклонников, и его слова испугали ее не меньше, чем чувственный взгляд золотистых глаз. Прижавшись спиной к подлокотнику дивана, она пыталась внушить себе, что нельзя так бурно реагировать на обычную салонную лесть.

– Я думаю, – сказала она с легким смешком, застрявшим у нее в горле, – что вы находите великолепными всех женщин, которые оказываются с вами наедине.

– У вас есть основания так думать?

Элизабет пожала плечами:

– Ну, например, вчера вечером.

Он непонимающе нахмурил брови, словно она говорила на непонятном языке.

– Я имею в виду леди Черайз Дюмонт, – напомнила она, – нашу хозяйку – ту самую очаровательную брюнетку, с которой вы провели весь вчерашний ужин. Вы так жадно внимали каждому ее слову.

Его лоб разгладился, и на губах появилась ухмылка.

– Ревнуете?

Элизабет приподняла свой аккуратный маленький подбородок и покачала головой:

– Не больше, чем вы меня к лорду Ховарду.

Она почувствовала относительное удовлетворение, увидев, как испарилась его снисходительная улыбка.

– Тот тип, который не в состоянии разговаривать, не дотрагиваясь при этом до вашей руки? – спросил он опасно мягким голосом. – Это и есть лорд Ховард? Кстати сказать, любовь моя, большую часть ужина я раздумывал, что лучше – съездить ему по правому уху или по левому.

Элизабет разразилась неудержимым звонким смехом.

– Но ничего подобного вы не сделали, – выговорила она. – И кстати, после того, как вы отказались от дуэли с лордом Эверли, который назвал вас карточным шулером, я ни за что не поверю, что вы можете обидеть бедного лорда Ховарда только за то, что он дотронулся до моей руки.

– В самом деле? – все тем же бархатным голосом спросил Ян. – Должен сказать, что для меня это совершенно разные вещи.

Уже в который раз Элизабет поймала себя на том, что не понимает его. Ей вдруг снова стало страшно: всякий раз, как Ян Торнтон переставал разыгрывать из себя галантного кавалера, он превращался в опасного загадочного незнакомца. Она откинула волосы со лба и выглянула в окно.

– Уже, должно быть, четвертый час. Мне нужно идти. – Она поднялась и расправила юбки. – Благодарю вас за приятно проведенный день. Сама не знаю, почему я осталась. Мне не следовало бы этого говорить, но я не жалею, что не ушла...

Она забыла, что хотела сказать дальше, увидев, что он тоже встает. Отчетливо тревожное чувство снова сдавило ей горло.

– Неужели? – медленно спросил он.

– Неужели – что?

– Неужели вы не знаете, почему вы все еще здесь, со мной?

– Я даже не знаю, кто вы такой! – воскликнула Элизабет. – Я знаю, где вы побывали, но не знаю ни вашей семьи, ни ваших друзей. Я знаю, что вы по-крупному играете в карты, и не одобряю этого...

– Я также играю по-крупному, когда отправляю через океан свои грузы на кораблях, – это не оправдывает меня в ваших глазах?

– И еще я знаю, – отчаянно сказала она, глядя в его потемневшие от страсти глаза, – я совершенно точно знаю, что мне ужасно не по себе, когда вы так на меня смотрите!

– Элизабет, – нежно сказал Ян, и в его голосе прозвучала абсолютная убежденность, – вы здесь потому, что мы оба уже наполовину влюблены друг в друга.

– Чт-т-т-ooo? – ахнула она.

– А если вам необходимо знать, кто я такой, то ответить на это очень просто. – Торнтон погладил ее бледную щеку и положил руку ей на затылок. – Я тот человек, за которого вы выйдете замуж, – спокойно объяснил он.

– О Боже!

– Сейчас уже слишком поздно молиться.

– Вы... вы, должно быть, сошли с ума, – дрожащим голосом сказала Элизабет.

– Вы в точности угадали мои мысли, – прошептал он и прижался губами к ее лбу, придерживая за руки, чтобы предотвратить попытку сопротивления. – Вы не входили в мои планы, мисс Кэмерон.

– О, пожалуйста, – беспомощно взмолилась Элизабет, – не делайте этого со мной. Я ничего в этом не понимаю, не знаю, чего вы хотите.

– Я хочу вас. – Он взял ее за подбородок и приподнял его, заставив поглядеть ему прямо в глаза. – А вы хотите меня.

Элизабет задрожала всем телом, когда увидела, что он наклоняет к ней голову и его губы приближаются к ее губам. Отчаянно ища способ предотвратить казавшийся уже неизбежным поцелуй, она попыталась образумить его цитатой из нравоучительных лекций Люсинды.

– Самое большее, что может испытывать благородная английская девушка, это привязанность. Благородные английские девушки никогда не влюбляются.

Его теплые губы были уже совсем близко.

– Я шотландец, – хрипло пробормотал Ян. – С нами это случается, – и закрыл ей рот поцелуем.

– Шотландец! – воскликнула она, когда он оторвался от ее губ.

– Я сказал шотландец, а не убийца, – засмеялся он ее испуганному возгласу.

«Шотландец, да еще и картежник до мозга костей! Хэвенхёрст пойдет с молотка, слуг придется распустить, и весь мир отвернется от меня».

– Я не могу, не могу выйти за вас замуж.

– Нет, Элизабет, – прошептал он, прокладывая горячими губами тропинку к ее уху, – можете.

Он положил руку ей на шею и нежно поглаживал ее, продолжая покрывать поцелуями шею и плечи. Почувствовав ее напряжение, он умоляюще, так, словно она причиняла ему боль своим молчаливым сопротивлением, прошептал:

– Не бойтесь меня, я перестану, как только вы скажете.

Захваченная в плен его сильных рук, обманутая его нежными заверениями и ласками, Элизабет прикинула к нему, постепенно ускользая из мира реальности в темную бездну страсти, куда он сознательно увлекал их обоих.

Он снова стал продвигаться к ее рту, и она безвольно повернула голову, откровенно ища его губ, вызвав у него полусмех, полустон. Почувствовав сладкую податливость ее губ, он впился в них жарким, требовательным поцелуем.

Вдруг он взял ее на руки и опустил к себе на колени, потом прислонил к спинке дивана и, склонившись над ней, снова жадно прикинул к ее рту. Волна примитивной страсти прокатилась по ее телу, она закинула руки ему на плечи и, поддавшись яростному натиску, раскрыла губы, не осознавая, что, утоляя его голод, все больше распаляет его желание.

Когда вечность спустя он наконец оторвался от ее рта, Элизабет была почти без чувств. Медленно возвращаясь на землю из чувственного рая, она подняла тяжелые веки и взглянула на Яна. Слегка склонившись над ней, он вытянулся рядом на диване и тоже смотрел на нее; в глубине его золотистых глаз тлела опасная, но неодолимо влекущая страсть. Он нежно отвел прядь волос с ее щеки и попытался улыбнуться. Не подозревая, каких усилий стоит Торнтону сдерживать свое желание, Элизабет опустила взгляд на его великолепно очерченный рот, вызвав у него тяжелый прерывистый вздох.

– Не смотрите так, – предупредил он охрипшим от волнения голосом, – если только не хотите, чтобы я снова поцеловал вас.

Элизабет была еще слишком неопытна и не научилась скрывать своих чувств, поэтому, когда он заглянул в ее огромные зеленые глаза, в затуманившихся бездонных глубинах ясно отразилось, как сильно ей хочется, чтобы он это сделал. Против такого искушения Ян не мог устоять.

– Обнимите меня за шею, – нежно прошептал он.

Она выполнила его просьбу, и их дыхание снова смешалось, и губы слились в поцелуе. На этот раз инстинкт заменил ей опыт, и она крепче притянула его за шею и сама раскрыла

навстречу губы, стремясь вновь испытать то дикое, невыразимо сладкое ощущение, которое прожигало все ее существо от его поцелуев.

– Не делайте этого, Элизабет, – выдохнул Торнтон, резко отпрянув от нее.

Она только крепче обхватила его за шею и приникла к нему. И тут же его горячие губы снова прижались к ее рту, заставив Элизабет выгнуться дугой в его руках. Она слышала, как под ребрами у него колотится сердце; и когда он, уже не сдерживая своей страсти, стал целовать ее в каком-то диком, непонятном ей ритме, кровь зашумела у нее в ушах. Мужская рука властно скользнула ей на грудь, и она испуганно рванулась из его объятий.

– Нет, подождите, – прошептал он, оторвавшись от ее губ, – Господи, подождите. Не сейчас...

Она застыла, потрясенная болью, прозвучавшей в этих словах, и посмотрела ему в лицо. Он чувствовал на себе ее взгляд, но не мог оторвать глаз от выреза ее платья. Однако рука его замерла на ее груди, и растерявшаяся Элизабет наконец поняла, что он остался верен своему обещанию все прекратить, как только она об этом попросит. Не в силах ни остановить, ни поощрить его, Элизабет молча смотрела на его загорелую руку, темневшую на светлой ткани платья, потом нерешительно заглянула ему в глаза. Увидев полыхавшее в них пламя, она еле слышно застонала и расслабилась, уже не пытаясь вырваться из его рук. Большого поощрения ему и не требовалось. Ян снова стал гладить и легонько сжимать ей грудь, не отрывая взгляда от ее глаз, наблюдая, как страх сменяется в них сладкой истомой. До сих пор грудь значила для Элизабет не больше, чем ноги: ноги предназначались для ходьбы, а грудь – для того, чтобы заполнять лиф платья. Она и предположить не могла, что ее грудь может дарить такие чудесные ощущения и, зацелованная до бесчувствия, снова безвольно легла на диван, позволив его пальцам растянуть лиф ее платья. Он спустил с ее плеч рубашку и обнажил грудь. Она инстинктивно попыталась прикрыться, но Ян стремительно опустил голову и страстными поцелуями стал покрывать ее пальцы. Элизабет испуганно отдернула руку, и тогда он прижался лицом к ее груди, нежно поглаживая соски и играя с ними губами. Какое-то первобытное чувственное наслаждение пронзило все ее существо, и она застонала, вцепившись пальцами в его мягкие темные волосы; но в голове у нее застучала мысль, что надо немедленно сказать ему, чтобы он перестал.

Торнтон на секунду приподнял голову и, сжав рукой вторую грудь, обхватил губами розовый бутон соска. Тело Элизабет снова напряглось и выгнулось дугой от его будоражащих прикосновений, и она сильнее притянула к себе его голову. Внезапно он приподнялся и, не отрывая взгляда от ее призывно вздымающейся груди, хрипло сказал:

– Элизабет, мы должны остановиться.

Сумасшедший вихрь налетевших на нее чувств начал замедляться и внезапно стих. Страсть уступила место страху, а потом и мучительному стыду, как только она осознала, что лежит в объятиях мужчины, платье ее растянуто, и тело с готовностью представлено его обозрению. На секунду прикрыв глаза, Элизабет загнала вглубь подступившие слезы и, скинув с себя его руку, приняла вертикальное положение.

– Дайте мне встать, пожалуйста, – прошептала она, испытывая отвращение к самой себе. Она вздрогнула, когда Ян начал застегивать на ней платье, но поскольку для этого он вынужден был отпустить ее, Элизабет немедленно воспользовалась этим и вскочила на ноги.

Отвернувшись, трясущимися руками она застегнула платье и сорвала накидку с крючка над камином. Торнтон двигался так бесшумно, что, только почувствовав у себя на плечах его твердые руки, Элизабет поняла, что он уже встал с дивана.

– Не бойтесь того, что произошло между нами. Я смогу обеспечить вас...

Смятение и злость на себя, терзавшие ее душу, вырвались наружу потоком глухих рыданий, и в результате всю свою ярость она обрушила на него. Взметнув юбки, Элизабет резко повернулась к нему и оттолкнула протянутые к ней руки.

– Обеспечить! – зазвеневшим голосом воскликнула она. – Что вы можете мне обеспечить? Жалкую лачугу, в которой я должна буду жить, в то время как вы станете разыгрывать из себя английского джентльмена и спускать в карты все, что только можно...

– Если дела пойдут так, как я надеюсь, – заговорил Ян, с трудом сохраняя спокойный тон, – то через год, самое большее – два я стану одним из самых богатых людей Англии. Если же нет, я все равно буду неплохо обеспечен.

Элизабет схватила шляпку и в страхе отступила от него, отчасти боясь своей собственной слабости.

– Это сумасшествие. Полное сумасшествие.

Она отвернулась и направилась к двери.

– Я знаю, – тихо сказал он.

Она взялась за ручку и распахнула дверь, но, услышав позади себя его голос, задержалась на пороге.

– Завтра утром я уезжаю, и если вы передумаете, то до среды меня можно найти в городском особняке Хаммонда, что на Аппер-Брук-стрит. А после я отправлюсь в Индию и вернусь уже только зимой.

– Н-н-надеюсь, это будет безопасное плавание. – У Элизабет были слишком взвинчены нервы, чтобы удивиться тому, как больно ей стало от мысли, что Ян Торнтон исчезнет из ее жизни.

– Если вы вовремя измените свое решение, – поддразнил он ее, – я возьму вас с собой.

Элизабет пришла в ужас от убежденности, с которой он произнес эти слова. Они все еще звучали у нее в ушах, когда она продиралась сквозь мокрый кустарник в густом тумане. Как все переменилось за эти несколько часов: она больше не чувствовала себя той разумной, уверенной в себе женщиной, которой пришла сюда, – теперь это была до смерти напуганная, запутавшаяся в своих чувствах девочка, придавленная тяжким грузом обязательств и условностей, которые гласили, что ее безумное влечение к Яну Торнтону было чем-то постыдным и непростительным.

* * *

Вернувшись в поместье, Элизабет с ужасом поняла, что уже совсем поздно и все, кто ездил на прогулку, давно вернулись. Она немедленно приняла решение послать Роберту записку с просьбой забрать ее сегодня же вечером, не дожидаясь утра.

Берте было приказано собирать вещи, ужин Элизабет попросила подать в комнату. Весь остаток дня она старательно избегала подходить к окну, из которого открывался вид в сад. Раза два она все-таки выглянула и оба раза видела там Яна. В первый раз он стоял на террасе с сигарой в зубах, потом пошел через сад по тропинке, и было в его удаляющейся фигуре что-то такое неприкаянное, что у нее болезненно сжалось сердце. В следующий раз она увидела его в окружении незнакомых ей женщин, видимо, приехавших только сегодня. Женщин было пятеро, и все они, судя по поведению, находили его неотразимым. Элизабет сказала себе, что ей это безразлично, это просто не может ее волновать. У нее есть обязательства по отношению к Хэвенхёрсту и Роберту, и это должно быть для нее на первом месте. Что бы там ни думал Ян, она не может связать свое будущее с никчемным картежником, даже если он самый красивый мужчина, которого рождала Шотландия, и самый нежный...

Элизабет закрыла глаза, пытаясь отгородиться от этих мыслей. Какая невероятная глупость приходит ей в голову. Она ведет себя неразумно и очень рискованно, потому что Валери и другие, кажется, уже заподозрили, где и с кем она была сегодня днем. Обхватив себя руками за плечи, Элизабет вздрогнула, вспомнив, как искусно и тонко ее вывели на чистую воду, не успела она войти в дом.

– Господи, да ты вся промокла! – увидев ее, воскликнула Валери, изображая сочувствие. – На конюшне нам сказали, что ты уехала на весь день. Только не говори, что все это время мокла под дождем!

– Нет, я... я наткнулась на домик в лесу и переждала там, пока прекратится дождь. – В тот момент это объяснение казалось ей совершенно безопасным, поскольку она не видела, чтобы около коттеджа была привязана лошадь Яна. Однако если кто-нибудь проезжал мимо, то не заметить ее лошадь он не мог.

– И в котором часу это случилось?

– Где-то около часа.

– А не встречался ли тебе мистер Торнтон, пока ты гуляла? – со злорадной улыбкой громко спросила Валери, и все, кто был в гостиной, сразу замолчали, повернув головы в их сторону. – Лесник сказал, что видел, как к дому подъехал высокий темноволосый мужчина на гнедом жеребце и вошел внутрь. Он решил, что это один из гостей, и не стал обнаруживать своего присутствия.

– Я... я не видела его, – сказала Элизабет. – Там был... был сильный туман. Надеюсь, с ним не случилось никакого несчастья.

– Мы в этом не уверены. Его до сих пор нет. Черайз очень беспокоится, хотя... – сделала паузу Валери, пристально наблюдая за лицом Элизабет, – я уверила ее, что волноваться не стоит. Горничная из буфетной сказала, что приготовила ему с собой ленч на двоих.

Отступив в сторону, чтобы пропустить проходившую пару, Элизабет сообщила Валери о своем решении уехать сегодня вечером и, не дав ей возможности спросить о причине такого поспешного отъезда, сказала, что ей нужно сменить мокрую одежду, и ушла.

С одного взгляда на бледное лицо Элизабет Берта поняла, что случилось нечто ужасное, а когда Элизабет велела немедленно отправить Роберту записку, чтобы он сегодня же вечером забрал их домой, убедилась в этом окончательно. К тому времени, как была отправлена записка, Берте удалось вытянуть из Элизабет большую часть истории, после чего весь остаток дня и вечер Элизабет пришлось успокаивать свою горничную.

Глава 7

– Вам ни на йоту не станет лучше, если вы вытопчете тропинку на ковре, – сказала ей Берта. – Нам еще придется выйти на ковер, когда мисс Трокмортон-Джонс узнает о том, что произошло.

– Она ничего не узнает, – сказала Элизабет, но в голосе ее прозвучал скорее вызов, чем убежденность. Она снова упала в кресло, нервно теребя юбку своего ярко-зеленого дорожного костюма. Ее шляпка с перчатками лежали на кровати, рядом с которой стояли уложенные чемоданы. Элизабет и Берта ждали Роберта. Несмотря на напряженное ожидание, обе подпрыгнули от неожиданности, когда раздался стук в дверь. Однако за дверью оказался лакей с запиской для Элизабет.

Она развернула ее непослушными пальцами, молясь, чтобы там не было написано, что посыльный не смог разыскать Роберта в Лондоне.

«Приходите в оранжерею – мне необходимо с вами поговорить».

В полном недоумении Элизабет смотрела на корявые, поспешно нацарапанные слова, которые с трудом можно было разобрать. Лакей уже начал спускаться по лестнице, когда Элизабет окликнула его:

– Кто дал вам эту записку?

– Мисс Валери, миледи.

Вслед за испытанным облегчением, что это не от Яна, ей сжало сердце ужасное подозрение: вдруг Валери каким-то образом разузнала, чем она занималась сегодня днем.

– Валери хочет, чтобы я прямо сейчас встретилась с ней в оранжерее, – объяснила она Берте.

Кровь отхлынула от лица несчастной горничной.

– Она знает о том, что между вами было? Поэтому она хочет встретиться с вами? Конечно, это не мое дело, но мне не нравится эта девица. У нее нехороший взгляд.

Элизабет еще ни разу в жизни не сталкивалась с интригами и не подозревала, что кто-то из знакомых может ее обмануть, хотя и чувствовала, что на всем, происходящем здесь, есть отпечаток зла. Никак не отреагировав на замечание Берты относительно своей подруги, Элизабет взглянула на часы. Было около шести.

– Роберт может появиться здесь самое раннее через час. А пока я пойду узнаю, что понадобилось от меня Валери.

Она подошла к окну и раздвинула шторы. На террасе и в саду прогуливались гости. Больше всего на свете Элизабет боялась, что Ян увидит, как она пошла в оранжерею, и последует за ней. Вероятность такой встречи была чрезвычайно мала, но даже самую незначительную возможность этого было желательно исключить. Она вздохнула с облегчением, когда увидела на террасе его высокую фигуру. Хорошо освещенный большим фонарем, Торнтон стоял в окружении трех женщин и напропалую флиртовал. За спиной у него переминался с ноги на ногу лакей, терпеливо ожидая, когда он заметит его присутствие. Элизабет увидела, как Ян наконец обернулся, и лакей передал ему какой-то предмет, наверное, бокал шампанского, решила Элизабет.

Еще раз взглянув на него, Элизабет с сожалением отвернулась от окна. «Ян сейчас находится на задней террасе, – подумала она, – значит, я выйду через боковую дверь». Она вышла из дома и направилась к оранжерее, стараясь держаться подальше от света фонарей.

На пороге оранжереи Элизабет в нерешительности остановилась.

– Валери? – оглядываясь вокруг, тихо позвала она.

Сквозь стеклянную крышу сюда пробивался лишь тусклый лунный свет. Не дождавшись ответа, Элизабет вошла в помещение и стала осматриваться. Почти все пространство оранже-

реи заполняли горшки с цветами – правильными рядами они стояли на столах и скамеечках. Наиболее чувствительные растения стояли на специальных подставках под столом, чтобы их не сожгли прямые солнечные лучи, бившие в стекло в дневное время. Пытаясь успокоиться, Элизабет пошла вдоль рядов, рассматривая цветы. Она отметила, что эта оранжерея больше, чем у нее в Хэвенхёрсте, и часть ее используется в качестве солярия. Здесь росли большие деревья в кадках и стояли скамьи с наброшенными на них разноцветными покрывалами.

Элизабет продолжала двигаться по проходу и не заметила, как на пороге оранжереи возникла чья-то тень и бесшумно двинулась в ее сторону. Сцепив руки за спиной, она нагнулась понюхать гардению.

– Элизабет? – услышала она за спиной удивленный голос Яна.

Девушка круто повернулась, сердце ее застучало как сумасшедшее, руки потянулись к горлу, и колени предательски затряслись.

– В чем дело? – спросил он.

– Вы... вы испугали меня. Я не ожидала встретить вас здесь, – добавила она.

– Да что вы? – в его голосе звучала издевка. – А кого же вы ожидали увидеть после той записки – принца Уэльского?

Записки! Первой мыслью, мелькнувшей у нее в голове, когда она поняла, что записка была от него, а не от Валери, была мысль, что для человека, столь четко и грамотно излагающего свои мысли, пишет он почти как полный невежда. Элизабет обратила внимание, что он, кажется, чем-то рассержен. Ян недолго томил ее в неизвестности относительно причины своего недовольства.

– Может быть, вы объясните мне, как это за целый день, что мы провели вместе, вы так и не вспомнили и не сообщили мне, что вы не просто мисс, а леди Элизабет?

У нее мелькнула сумасшедшая мысль, как бы он отнесся к тому, что она не просто старшая дочь какого-нибудь мелкого дворянина или рыцаря, а графиня Хэвенхёрстская.

– Начинайте, любовь моя. Я вас слушаю.

Элизабет молча отступила на шаг назад.

– Исходя из того, что вы не хотите разговаривать, – зарычал Торнтон, беря ее за плечи, – я, кажется, понимаю, чего вы от меня хотели.

– Нет! – быстро вскрикнула она, отступая еще дальше. – Давайте лучше поговорим.

Он шагнул вперед, она отступила еще.

– В самом деле, есть столько интересных вещей, о которых можно поговорить.

– Да? – спросил он, надвигаясь на нее.

– Конечно! – воскликнула она, продолжая отступать. Ухватившись за первое, что пришло ей в голову, Элизабет указала на столик с гиацинтами: – Смотрите, какие красивые гиацинты!

– Красивые, – не глядя, согласился он.

Увидев, что он протянул руку, чтобы поймать ее, Элизабет отскочила так быстро, что его пальцы только скользнули по тонкой материи платья. Он начал наступать на нее шаг за шагом – вокруг столика с анютиными глазками, вокруг столика с лилиями, а она, отступая, тараторила как сумасшедшая:

– Гиацинты относятся к роду *Hyacinthus*. Цветы, которые мы видим на этом столике, ошибочно называют датскими гиацинтами, в то время как датские гиацинты относятся к роду *Hyacinthus orientalis*...

– Элизабет, – неожиданно ласковым голосом оборвал он поток ее слов, – меня не интересуют цветы. – Ян снова потянулся к ней, и, не найдя другого способа избежать его объятий, она схватила горшок с гиацинтами и вложила в его протянутые руки.

– Существует легенда относительно происхождения гиацинтов, возможно, она заинтересует вас больше, – отчаянно продолжила она, и на лице его проступило совершенно неопишемое выражение веселого недоумения и восхищения. – Легенда гласит, что гиацинт был

назван так по имени прекрасного спартанского юноши Гиацинта, которому покровительствовали Аполлон и Зефир – бог западного ветра. Однажды, обучая Гиацинта метанию диска, Зефир нечаянно убил его. Говорят, что там, где на землю упала капля крови Гиацинта, вырос цветок, на каждом лепестке которого была по-гречески написана фраза, выражающая скорбь. – Голос Элизабет задрожал, когда она увидела, что Ян ставит горшок на место. – В действительности в легенде имелся в виду ирис или живокость, а не современный гиацинт, однако по таинственному стечению обстоятельств именно он получил это имя.

– Я очарован. – Его загадочные, непостижимые глаза встретились с ее взглядом.

Она поняла, что эти слова относятся к ней, а не к ее рассказу, и, хотя мысленно приказала себе держаться от него на расстоянии, ноги отказывались ей повиноваться.

– Совершенно очарован, – тихо проговорил Ян, и в каком-то замедленном темпе она наблюдала, как он протягивает к ней руки, обнимает за плечи и привлекает к себе.

– Прошлой ночью вы были готовы биться с целой армией мужчин за то, что они заклеили меня карточным шулером, а сегодня почему-то испуганы. Любимая, вы боитесь меня? Или чего-то еще?

Его глубокий низкий баритон и особенно ласка, прозвучавшая в его голосе, произвели на нее такое же возбуждающее действие, как и прикосновения его губ.

– Я боюсь тех чувств, которые вы во мне пробуждаете, – слабым голосом призналась Элизабет. – Я понимаю, что это всего лишь... э-э... маленькое приключение...

– Обманщица, – сказал Торнтон и коснулся ее губ коротким дразнящим поцелуем. У нее снова пошла кругом голова, но как только он поднял голову, она разразилась быстрой сбивчивой речью.

– Благодарю вас, – не понимая, что говорит, забормотала она, – гг-гиацинты не единственные цветы, которые имеют свою историю. Возьмем, к примеру, лилии, которые также относятся к роду...

Медленная обольстительная ухмылка на его лице буквально загипнотизировала ее, и, к своему ужасу, Элизабет осознала, что не может оторвать взгляда от его губ. Она не смогла унять дрожь нетерпения, когда он опустил голову, чтобы поцеловать ее. Разум кричал ей, что она сумасшедшая, но сердце оправдывало ее, говоря, что это прощание, после которого они расстанутся навсегда. Мысль о предстоящей разлуке заставила ее забыть о стыде, и она приподнялась и сама поцеловала его. То, с какой страстностью Элизабет прижалась к нему, одной рукой обняла его за шею, а другую положила ему на грудь, могло у любого мужчины создать впечатление, что либо она до беспамятства влюблена в него, либо весьма искушена в любовных делах. Элизабет – совсем юная, неопытная и наивная – действовала по наитию, не подозревая о том, что всем своим поведением убеждает его в первом предположении.

Однако Элизабет не настолько утратила самообладание, как можно было судить по ее действиям, чтобы забыть о приезде Роберта. К несчастью, она и представить себе не могла, что Роберт может пойти сюда раньше, чем получит ее записку.

– Пожалуйста, послушайте меня, – отчаянно прошептала Элизабет. – Сегодня приедет мой брат и заберет меня домой.

– Я поговорю с ним. Возможно, у твоего отца будут возражения, даже если он поймет, что я в состоянии обеспечить твое будущее...

– Мое будущее! – Она пришла в ужас, представив, какое будущее может ждать ее с этим картежником. Он пустит ее по миру, как и отец. Элизабет подумала о пустых комнатах Хэвенхёрста, о слугах, которые полагались на нее, и о своих предках, которые рассчитывали на нее не меньше. Сейчас она должна сказать ему что-нибудь – что угодно, только бы заставить его замолчать, прежде чем она окончательно утратит контроль над собой и уступит этой безумной предательской слабости, которую он насылал на нее своим взглядом. Она откинула голову и запинаясь произнесла, стараясь придать своему голосу как можно больше холодности и удив-

ления: – И что же вы можете мне предложить, сэр? Можете вы предложить рубин величиной с ладонь, как обещал мне виконт Мондвэйл? Или, как лорд Сэйбери, соболя, чтобы моим плечам не было холодно, и ковры из норки, чтобы моим ногам было мягко ступать?

– Так вот что вам нужно.

– Конечно, – с неестественной веселостью подтвердила она, и из груди ее вырвался полусмех-полувсхлип. – А разве не этого хотят все женщины и обещают все мужчины?

Его лицо превратилось в неподвижную маску, но глаза пронзали насквозь, будто ища ответа, словно он не мог поверить, что драгоценности могут значить для нее больше, чем чувства.

– О, пожалуйста, отпустите меня, – вдруг всхлипнула Элизабет, упершись руками ему в грудь.

Они были настолько увлечены разговором, что не заметили мужчину, быстро направлявшегося к ним по проходу.

– Ты, несчастный подонок! – прогремел голос Роберта. – Ты слышишь, что она сказала! Убери свои грязные руки от моей сестры!

Руки Яна снова обвили вокруг нее, словно желая уберечь, но Элизабет вырвалась и в слезах подбежала к Роберту.

– Роберт, послушай. Это совсем не то, что ты думаешь!

Роберт взял ее за плечи и посмотрел в лицо.

– Это мистер Ян Торнтон, – начала объяснять она, – и...

– И как бы это ни выглядело со стороны, – поразительно спокойным голосом заговорил Ян, – у меня самые честные намерения в отношении мисс Кэмерон.

– Ах ты, сукин сын! – взорвался Роберт, пылая яростью и презрением. – Чтобы я отдал свою сестру – графиню Кэмерон – за такого, как ты! Можешь не представляться, я и так все о тебе знаю. А что до твоих намерений, или, я бы сказал, ухищрений, то я все равно не позволил бы ей выйти замуж за такого мерзавца, даже если бы она не была помолвлена.

При этих словах взгляд Яна метнулся к Элизабет. Ее вспыхнувшее лицо подтвердило, что это правда, и она чуть не вскрикнула – таким циничным и жестким стал его взгляд.

– Вы скомпрометировали мою сестру, свинья, внебрачное отродье, и вы ответите за это! Ян перевел взгляд на Роберта, и его лицо снова стало бесстрастным.

– Я требую удовлетворения, дуэли! – взбешенный его спокойствием, выкрикнул Роберт.

– Конечно, – чуть ли не любезно ответил Ян и, кивнув на прощание, повернулся, чтобы уйти.

– Нет! – страшно закричала Элизабет, уцепившись за руку Роберта. Уже второй раз за последние двадцать четыре часа она пыталась предотвратить пролитие драгоценной крови Яна Торнтон. – Я не допущу этого, Роберт, ты слышишь? В этом не только его...

– Тебя это не касается, Элизабет! – отрезал Роберт, слишком раздосадованный, чтобы прислушаться к ее словам. Он скинул с себя ее руку. – Берта уже сидит в моем экипаже. Обойди вокруг дома с дальней стороны и жди меня там. А нам, – произнес он с едким сарказмом, – еще есть что обсудить.

– Ты не можешь... – снова начала Элизабет, но убийственно ледяной голос Яна Торнтон заставил ее замолчать.

– Убирайтесь отсюда! – процедил он сквозь зубы. Громовой голос Роберта не произвел на нее никакого впечатления, но негромкий презрительный приказ Яна вызвал у нее неудержимую дрожь. С тяжелым сердцем она посмотрела в его неумолимое лицо, затем перевела взгляд на Роберта. Элизабет не была уверена, способно ли ее присутствие предотвратить беду или, наоборот, только ухудшает дело, но она все-таки попыталась еще раз воззвать к Роберту:

– Пожалуйста, пообещай мне, что не станешь ничего предпринимать до завтра. Прежде чем ты примешь какое-либо решение, нам необходимо поговорить.

Элизабет видела, каких колоссальных усилий стоит ему сдержаться и ответить согласием на ее просьбу.

– Отлично, – отрывисто бросил Роберт. – Я последую за тобой через минуту. А теперь иди, пока вся эта толпа, которая наблюдает за нами через стекло, не ввалилась сюда, чтобы слышать нас так же хорошо, как и видит.

Элизабет почувствовала себя по-настоящему больной, когда вышла из оранжереи и увидела, какое множество людей здесь собралось. Лица тех, что постарше, выражали удивление, а на лицах более молодых читалось ледяное презрение.

Немного погодя появился Роберт и влез в экипаж. Теперь он был настроен более покладисто.

– Вопрос решен, – коротко объявил он и, сколько она ни молила, ничего больше не сказал.

Элизабет бессильно откинулась на подушки сиденья и замолчала. Теперь было слышно только, как Берта шмыгает носом и горестно причитает, воображая, какие обвинения обрушит на ее голову Люсинда Трокмортон-Джонс.

– Ты не мог получить мою записку раньше двух часов назад, – вдруг прошептала Элизабет. – Как ты сумел так быстро добраться?

– Я не получал никакой записки, – сухо обронил Роберт. – Просто сегодня Люсинда почувствовала себя несколько лучше и вышла из своего заточения. Когда я сказал ей, куда ты отправилась на уик-энд, она поведала мне некоторые неприятно поразившие меня вещи относительно порядков, которые завела у себя на загородных приемах твоя подружка Черайз. Я выехал из дома три часа назад, чтобы забрать тебя отсюда как можно скорее, но, к сожалению, опоздал.

– Все не так плохо, как ты думаешь, – неуверенно начала Элизабет.

– Мы обсудим это завтра! – резко оборвал ее Роберт, и у нее затеплилась надежда, что по крайней мере до завтра он ничего не предпримет. – Элизабет, как ты могла быть такой дурой? Для того, чтобы понять, какой это отъявленный негодяй, не требуется особого опыта! Он не годится для... – Роберт умолк и сделал глубокий вздох, пытаясь сдержать обуревавшую его ярость. Переждав с минуту, он заговорил несколько спокойнее: – Как бы там ни было, но урон твоей репутации уже нанесен. И в первую очередь это моя вина – ты еще слишком молода и неопытна, чтобы отпускать тебя куда бы то ни было без присмотра Люсинды. Нам остается только молиться, чтобы твой нареченный проявил такое же понимание.

Элизабет вдруг сообразила, что уже второй раз за вечер Роберт упоминает о ее свадьбе, как о деле решенном.

– Поскольку ты еще не дал виконту Мондвэйлу своего согласия и о нашей помолвке не было объявлено публично, я не понимаю, как мои действия могут повлиять на него, – сказала она не столько с уверенностью, сколько с надеждой. – Если вокруг этого и возникнет некоторый шум, виконт может просто отложить на некоторое время объявление о помолвке, но я не думаю, Роберт, чтобы он придал этому эпизоду такое значение.

– Сегодня мы подписали брачный контракт. – Роберт оскалил зубы в мрачной усмешке. – У нас с Мондвэйлом не возникло никаких разногласий по поводу твоего обеспечения – оно будет очень щедрым, если хочешь знать. Счастливый и гордый жених прямо от меня помчался давать объявление в газету, и я могу его понять. Так что завтра оно появится в «Лондонской газете».

При этом волнующем известии у Берты вырвалось рыдание, и она снова начала шмыгать носом и громко сморкаться. Элизабет зажмурилась, смаргивая набегающие слезы. В эту минуту ее терзали куда более серьезные проблемы, чем ее молодого красивого жениха.

В эту ночь Элизабет долго лежала без сна, мучаясь воспоминаниями об уик-энде и надея от мысли, что ей не удастся отговорить Роберта от дуэли, место и время которой, как она сильно подозревала, были уже определены. Глядя в потолок, она попеременно опасалась то за

Роберта, то за Яна. По словам лорда Ховарда, выходило, что Ян – отчаянный дуэлянт, несмотря на то что он отказался стреляться с лордом Эверли. Возможно, слухи о меткости Яна были всего лишь слухами. Роберт тоже был неплохим стрелком, и Элизабет покрылась холодным потом, представив, как Ян – такой гордый и одинокий – лежит с пулей в груди, выпущенной из пистолета Роберта. Нет! Она твердила себе, что ведет себя, как истеричка. Вероятность того, что один из них будет убит, была слишком мала.

Дуэли запрещены, и в данном случае кодекс чести требует, чтобы Ян предложил (что он, несомненно, и сделал, оставшись наедине с Робертом в оранжерее), а Роберт принял его предложение – выстрелить в воздух. Тем самым Ян как бы признает свою вину, а Роберт получит удовлетворение, не прибегая к кровопролитию. Вот как обычно происходят дуэли в наше время, убеждала себя Элизабет.

Обычно, напомнила она себе, но у Роберта такой взрывной характер, и он был так взбешен сегодня вечером, что, когда его гнев сменился холодным убийственным молчанием, это напугало Элизабет еще больше.

Незадолго до рассвета она забылась чутким, призрачным сном, но через несколько минут проснулась, услышав в холле чьи-то шаги. Наверное, слуги, подумала она, выглянув в окно. На чернильном ночном небе появились бледные серые лучи, предвещающие рассвет. Она уже была готова снова погрузиться в сон, как вдруг скрипнула, открываясь, парадная дверь и с шумом захлопнулась.

Рассвет – время дуэлей. «Ведь он обещал сначала поговорить со мной», – чуть не закричала Элизабет. В первый раз в жизни у нее не возникло проблем со вставанием. Страх поднял ее из постели, заставил натянуть домашнее платье и опрометью сбежать по ступенькам в холл. Она распахнула парадную дверь как раз в ту секунду, когда экипаж Роберта заворачивал за угол.

– О Боже! – вслух простонала Элизабет и, чувствуя себя слишком несчастной, чтобы сидеть в одиночестве и гадать, что теперь будет, пошла будить единственного человека, которого здравый смысл не покидал ни при каких обстоятельствах. Люсинда дождалась их вчера ночью и уже знала большую часть истории, за исключением интерлюдии в домике лесника.

– Люсинда, – прошептала она, и седовласая женщина мгновенно открыла ясные, не замутненные сном глаза светло-орехового цвета. – Роберт только что ушел из дома. Я уверена, что он пошел стреляться с мистером Торнтоном.

Мисс Люсинда Трокмортон-Джонс, бывшая до Элизабет безупречной дуэньей дочерей трех герцогов, одиннадцати графов и шести виконтов, села в постели и прищуренным взглядом уставилась на юную леди, подмочившую ее блестящую репутацию опекунии.

– Ну, поскольку еще даже не рассвело, я думаю, этот вывод напрашивается сам собой, – сказала она.

– Господи, что же мне делать?

– Для начала я предлагаю перестать заламывать руки на манер простолюдинки, а потом пойти на кухню и приготовить чай.

– Я не хочу чая.

– А мне не мешает подкрепиться, раз уж нам предстоит дожидаться твоего брата – ведь ты за этим пришла, если я правильно понимаю?

– О, Люси, – произнесла Элизабет, глядя на старую деву с любовью и благодарностью, – что бы я без тебя делала?

– Ты бы постоянно попадала в какие-нибудь неприятности, что мы сейчас и наблюдаем. – Несчастное лицо Элизабет немного смягчило ее, и она вылезла из постели. – По традиции Торнтон должен просто явиться на место дуэли, что само по себе служит достаточным удовлетворением для твоего брата, после чего Роберт должен выстрелить в воздух. Ничего другого просто не может произойти.

Это был первый случай на памяти Элизабет, когда Люсинда ошиблась.

Одновременно с тем, как часы пробили восемь утра, вернулся Роберт с лордом Ховардом. Проходя через гостиную, Роберт заметил на кушетке Элизабет и Люсинду с шитьем в руках, остановился и подошел к ним.

– Что вы здесь делаете в такое время? – глухо спросил он Элизабет.

– Ждем тебя, – ответила Элизабет, поднимаясь. Присутствие лорда Ховарда сначала привело ее в некоторое замешательство, но потом она вспомнила, что на дуэли должны присутствовать секунданты. – Так ты стрелялся с ним, Роберт?

– Да!

Голос Элизабет понизился до сдавленного шепота.

– Он ранен?

Роберт подошел к небольшому столику и налил себе виски.

– Роберт! – воскликнула она, хватая его за руки. – Что случилось?

– Я попал ему в руку, – в сердцах крикнул Роберт. – Я целился в его черное сердце, но промахнулся! Вот что случилось. – Стряхнув с себя ее руки, он осушил бокал и наполнил его опять.

Чувствуя, что он чего-то недоговаривает, Элизабет вопросительно заглянула ему в лицо:

– Это все?

– Нет, это не все! – взорвался Роберт. – После того как я ранил его, этот мерзавец поднял пистолет и так долго не стрелял, что я весь вспотел. Наконец он соизволил нажать на курок и отстрелил кончик шнура на моем распроклятом ботинке!

– Чч-что? – пробормотала Элизабет, не понимая, что так разозлило Роберта. – Но ведь ты же не можешь злиться из-за того, что он промахнулся?

– Черт возьми, ты что, ничего не понимаешь? Торнтон не промахнулся! Он хотел оскорбить меня. Он стоял там, истекая кровью, и целился мне в сердце, а в последнюю секунду изменил свое намерение и отстрелил шнурок на моем ботинке. Он хотел показать мне, что мог бы убить меня, если бы захотел, и все это видели! Это смертельное оскорбление! Черт бы побрал его низкую душу!

– Мало того, что ты отказался стрелять в воздух, – заговорил вдруг лорд Ховард, взбешенный не меньше Роберта, – так ты еще и выстрелил раньше, чем был дан сигнал. Ты поставил в неудобное положение и себя, и меня. И кроме того, если слух об этой дуэли распространится, нас могут арестовать. Торнтон дал тебе достаточное удовлетворение, явившись сегодня утром и отказавшись поднять пистолет. Он признал свою вину. Чего ты еще от него хотел? – И словно вид Роберта был больше невыносим для него, лорд Ховард с негодованием отвернулся и стремительно пошел к двери. Через минуту Элизабет опомнилась и побежала за ним в холл, отчаянно пытаясь придумать какое-нибудь оправдание поведению Роберта.

– Вы, должно быть, промерзли и устали, – начала она, пытаясь потянуть время, – может быть, вы останетесь хотя бы на чай?

Лорд Ховард, не останавливаясь, покачал головой:

– Единственное, чего я хочу, это вернуться в свой экипаж.

– Тогда я провожу вас. – Элизабет дошла вместе с ним до дверей, и в какое-то мгновение ей показалось, что он собирается уйти, даже не сказав ей «до свидания». Остановившись у открытой двери, он помедлил секунду и повернулся к ней.

– До свидания, леди Элизабет, – произнес он с каким-то сожалением в голосе и вышел.

Элизабет едва обратила внимание на его тон и даже на самый его отъезд. Ей вдруг пришло в голову, что где-то в эту самую минуту хирург пытается достать пулю из плеча Яна. Облокотившись на дверь, она сглотнула, пытаясь сдержать тошноту, подступившую к горлу от мысли, какую боль она ему причинила. Прошлой ночью она была слишком взволнована предстоящей дуэлью, чтобы задуматься, что должен был почувствовать Ян, когда Роберт сказал о помолвке.

Сейчас это наконец стало доходить до нее, и ей сделалось физически нехорошо. Ян говорил, что хочет жениться на ней, он целовал ее и держал в своих объятиях с такой нежной страстью и говорил, что любит ее. И в ответ на все это Роберт набросился на него, презрительно заявив, что он не стоит ее и что она уже помолвлена с другим. А сегодня утром стрелял в него за то, что он посмел сделать ей предложение.

Прислонившись головой к двери, Элизабет издала стон, в котором выразилось все ее страдание и раскаяние. Возможно, у Яна не было титула и никакого права называть себя джентльменом, но интуитивно Элизабет чувствовала, что у него тоже есть своя гордость. Эта гордость была отчеканена в его бронзовых чертах, в том, как он вел себя, в каждом его движении – а они с Робертом растерзали ее в клочья. Вчера ночью в оранжерее они выставили его дураком, а сегодня принудили к дуэли.

Если бы в эту минуту Элизабет знала, где найти Яна, она бы не побоялась его гнева и пошла к нему. Она рассказала бы ему все насчет Хэвенхёрста и своих обязательств; объяснила бы, что причина ее отказа не в нем самом или в каких-то его недостатках, а в том, что обстоятельства не позволяют ей даже помыслить о браке с ним.

Отделившись наконец от двери, Элизабет медленно прошла через холл в гостиную, где сидел Роберт, обхватив голову руками.

– Но это еще не конец, – процедил он сквозь зубы. – Когда-нибудь я убью его за это!

– Нет, ты не сделаешь этого! – в ужасе остановила его Элизабет. – Бобби, послушай, ты ничего не понял насчет меня и Яна Торнтона. Он не сделал мне ничего плохого, правда. Понимаешь, – сдавленным голосом продолжила она, – он думал... ну... что любит меня. Он хотел жениться на мне...

Громкий издевательский смех Роберта разнесся по комнатам.

– Это он тебе так сказал? – фыркнул он, покраснев от ярости. Тот факт, что сестра не проявляет семейной солидарности, приводил его в бешенство. – Ну-ка, ну-ка, дай посмотреть на тебя, маленькая идиотка! Выражаясь ясно и его же собственными словами, все, чего он хотел от тебя, – это поваляться немного на простынях!

Элизабет почувствовала, как кровь отлила у нее от лица. Она медленно покачала головой:

– Нет, ты ошибаешься. Помнишь, когда ты нашел нас тогда, он сказал тебе, что у него честные намерения?

– Он чертовски быстро передумал, когда я сказал ему, что у тебя нет ни пенни. – Роберт откинулся на спинку дивана и смотрел на нее со смесью жалости и презрения.

У Элизабет подогнулись колени, и она упала на диван рядом с братом, раздавленная осознанием того, какой груз проблем она обрушила на свою семью. Сколько бед она навлекла на себя и брата своей глупостью и доверчивостью!

– Прости меня, – прошептала она, – прости. Ты рисковал из-за меня жизнью, а я даже не поблагодарила тебя за то, что ты столько сделал ради меня. – Не умея выразить свою признательность в словах, Элизабет просто обняла его за плечи. – В конце концов все обернется в нашу пользу – сколько раз уже так бывало, – пообещала она ему, не испытывая ни малейшей уверенности в своих словах.

– Только не на этот раз, – в его глазах застыло отчаяние. – Мы погибли, Элизабет.

– Я не верю, что все так плохо, как ты говоришь. Может быть, ничего из этого и не выплывет наружу, – продолжила она, понимая всю тщетность такой надежды. – И потом, лорд Мондвэйл любит меня и наверняка поверит нашим объяснениям.

– Между прочим, – подала наконец голос Люсинда, – учтите: Элизабет должна выезжать в свет, как и прежде, словно ничего не случилось. Если она станет прятаться в доме, это даст еще больше пищи для сплетен, – с обычной для нее сухой практичностью заметила Люсинда.

– Все это не имеет значения, говорят вам! – закричал Роберт. – Мы погибли!

Он оказался прав. В тот же день, когда Элизабет храбро пошла на бал со своим женихом, который до сих пор пребывал в счастливом неведении относительно ее поведения в минувший уик-энд, сенсационная новость о скандале распространилась по зале со скоростью пожара. Рассказ об эпизоде в оранжерее сопровождался клеветническим утверждением, что она сама послала Торнтону записку с предложением встретиться. Но с особенным удовольствием судачили о том, что Элизабет провела с Яном Торнтоном весь день в уединенном лесном доме.

– Этот негодяй сам же и распространяет эти басни, – взбесился Роберт, когда на следующий день сплетни достигли его ушей. – Он хочет обелить себя, рассказывая, будто ты сама прислала ему записку с приглашением встретиться в оранжерее, и утверждая, что весь уик-энд ты просто преследовала его. Единственное, чем я могу тебя утешить, это то, что ты не первая, кто потерял из-за него голову. Только в этом году его имя, помимо Черайз Дюмонт, связывалось с именами стольких светских дам... Однако всем им хватило ума не выдать себя так явно, как ты. Ты – единственная, кто позволил себе подобную неосторожность, и твои молодость и неопытность служат малым тому извинением.

Элизабет уже не чувствовала в себе сил спорить и возражать. Теперь, когда она не была во власти магнетического притяжения Яна Торнтона, до нее наконец стало доходить, что все его действия полностью подпадали под определение бездушного, беспринципного соблазнителя. Всего через несколько часов знакомства он заявил, что уже наполовину влюблен в нее и хочет жениться – типичная приманка для доверчивых душ. Она прочитала достаточно романов, в которых охотники за приданым и распутные соблазнители тоже уверяли свои жертвы, что любят их до безумия, в то время как действительной их целью было приданое или очередная победа. А она, как последняя дура, вбила себе в голову, что он несчастная жертва предубеждения и социального неравенства.

Слишком поздно она поняла, что так называемые «предрассудки», из-за которых общество отвергло его, как раз и существовали для того, чтобы уберечь таких, как она, от неосторожных поступков.

Но Элизабет недолго предавалась жалости к себе. Друзья виконта Мондвэйла, узнав из газет о помолвке, сочли своим долгом раскрыть счастливому жениху глаза на истинный облик женщины, которой он предложил свою руку.

На следующее утро виконт явился в особняк на Риппл-стрит и отказался от своего предложения. Роберта в этот момент не было дома, поэтому Элизабет пришлось выслушать все лично. Когда она вошла в гостиную, ей хватило одного взгляда на его застывшую негнущуюся фигуру и плотно сжатый, неулыбающийся рот, чтобы понять, зачем он пришел, и пол начал уходить у нее из-под ног.

– Надеюсь, мы сумеем обойтись без неприятного для нас обоих объяснения, – сухо, без вступления начал Мондвэйл.

Не в состоянии говорить из-за душивших ее слез стыда и горя, Элизабет только молча кивнула головой. Он развернулся и пошел к двери, но, поравнявшись с ней, вдруг бросился к девушке и схватил ее за плечи.

– Почему, Элизабет? – Его красивое лицо выражало одновременно злость и разочарование. – Скажите мне – почему? Будьте честны хотя бы в этом.

– Почему? – повторила она, подавляя в себе нелепое желание кинуться ему на грудь и умолять о прощении.

– Я еще мог бы поверить в то, что вы случайно наткнулись на него в каком-то лесном домике, спасаясь от дождя, как меня уверяет в этом кузен лорд Ховард. Но почему вы послали ему записку с просьбой встретиться с вами в оранжерее?

– Я не делала этого! – закричала Элизабет, и только упрямая гордость удержала ее от того, чтобы упасть с рыданиями к его ногам.

– Вы лжете, – он с сожалением уронил руки. – Валери видела эту записку, когда он выбросил ее, отправляясь на встречу с вами.

– Она ошибается! – Элизабет собралась объяснить ему все, но он уже вышел из комнаты.

В тот момент ей казалось, что большего унижения уже не может быть, однако вскоре она поняла, что ошибалась. Расторжение помолвки было расценено как доказательство ее вины, и с этого дня на Риппл-стрит перестали присылать приглашения и приходить с визитами. По настоянию Люсинды Элизабет наконец собралась с духом и пошла на бал, куда была приглашена лордом и леди Хинтон еще до скандала. Она пробыла там пятнадцать минут и ушла, поскольку все, за исключением хозяев, у которых не было другого выхода, откровенно игнорировали ее присутствие.

В глазах света Элизабет была бесстыдной, распутной женщиной, слишком опытной и испорченной, чтобы допустить к ней юных девушек с незамазанной репутацией и доверчивых юношей, – такой женщине не место в благовоспитанном обществе. Она нарушила действующий моральный кодекс, связавшись с человеком, который вообще не имел репутации и положения в обществе. Она не только нарушила устои, она швырнула их им в лицо.

Через неделю после дуэли исчез Роберт – не предупредив и даже не оставив записки. Элизабет опасалась за его жизнь, отказываясь поверить, что он бросил ее из-за того, что она натворила. Однако на тот момент это было единственным возможным объяснением, и мысль, что она явилась причиной несчастья брата, доводила ее до отчаяния. Но вскоре открылась истинная причина исчезновения Роберта. Пока Элизабет сидела дома, молясь о возвращении брата, весть о его исчезновении распространилась по городу. И вскоре у их дверей начали собираться кредиторы с требованием уплаты долгов – и не только по счетам, накопившимся за время ее дебюта, но и карточных долгов Роберта, и даже долгов их отца. Страх, что Роберт стал жертвой какой-то грязной игры, уступил теперь место гораздо более вероятному предположению, что он бежал от долгов.

Через три недели после уик-энда у Черайз Дюмонт, ярким солнечным днем Элизабет и Люсинда закрыли дверь своего городского дома в последний раз и сели в экипаж. Их путь лежал через парк, и те же люди, которые прежде восхищались ею и искали ее общества, теперь холодно поворачивались к ней спиной. Сквозь пелену жгучих слез Элизабет увидела во встречном экипаже красивого молодого человека с хорошенькой спутницей. Элизабет узнала в этой паре виконта Мондвэйла и Валери, и взгляд, брошенный ею на Элизабет, по-видимому, должен был выражать жалость. Но Элизабет прочитала в нем плохо скрытый триумф.

Элизабет вернулась в Хэвенхёрст и распродала все, что было ценного, чтобы расплатиться с карточными долгами отца и Роберта и оплатить счета, по которым они задолжали во время ее дебюта в Лондоне. После чего занялась устройством собственной жизни. Со всей решительностью и мужеством она посвятила всю себя сохранению Хэвенхёрста и жизнеобеспечению своих восемнадцати слуг, оставшихся с ней единственно за крышу над головой, скромное пропитание и новую ливрею раз в год.

Постепенно к ней вернулась способность улыбаться, и воспоминания о пережитом унижении были уже не такими острыми. Она научилась не оглядываться назад, перебирая свои ошибки, так как вспоминать о них и особенно о последствиях, которые они повлекли за собой, было слишком мучительно. В конце концов ей только семнадцать лет, и она сама себе хозяйка. И у нее был дом, в котором она выросла и в котором заключался смысл ее жизни. В доме возобновился старый уклад жизни – Элизабет снова играла в шахматы с Бентнером, занималась с Эроном и изливала нерастраченную любовь на свою довольно странную семью и Хэвенхёрст, не боясь, что ей не ответят взаимностью. Почти все ее время было занято делами, и девушка была рада, что ей некогда подумать о Яне Торнтоне и событиях, которые привели ее к добровольной ссылке. Теперь же стараниями дяди ей придется не только вспомнить о нем, но и встретиться с ним. Без финансовой поддержки дяди, хотя и скромной, она не смогла бы вот

уже два года сохранять за собой Хэвенхёрст. Чтобы содержать Хэвенхёрст в порядке и привлечь арендаторов, необходимо было провести ирригационные работы. И пока она не может отказаться от поддержки дяди.

Элизабет со вздохом открыла глаза, оглядела пустую комнату и встала на ноги. «Я стала кивалась и не с такими трудностями, – сказала она себе. – Любую проблему можно решить – нужно только как следует подумать. К тому же Алекс теперь на моей стороне. Вместе мы сумеем придумать, как обойти дядю Джулиуса».

«Будем считать это вызовом с его стороны», – воинственно подумала она, отправляясь на поиски Алекса. В девятнадцать лет она еще не утратила вкуса к жизни, а жизнь в Хэвенхёрсте была довольно рутинной. В конце концов две-три волнующие поездки внесут некоторое разнообразие в ее жизнь. К тому времени, как Элизабет разыскала Алекса в саду, она уже почти радовалась предстоящим событиям.

Глава 8

Александру ни на секунду не обмануло безмятежное выражение лица Элизабет и искусственная улыбка – с первого взгляда она поняла, что хороших новостей ждать не приходится. Бентнер, развлекавший Алекс показом достижений Элизабет в области цветоводства, пришел к тому же выводу. Они обменялись с Алекс тревожными взглядами.

– Что случилось? – Алекс в волнении поднялась со скамейки.

– Даже не знаю, как тебе сказать, – удрученно вздохнула Элизабет, усаживая Алекс обратно и садясь рядом с ней. Бентнер старался держаться поблизости, притворяясь, что обрывает засохшие розы с кустов, готовый в любую минуту дать совет или прийти на помощь. Чем больше Элизабет думала над тем, как преподнести новость Алекс, тем более эксцентричным – и даже комичным – казалось ей предложение дяди.

– Видишь ли, – объяснила она, – мой дядя расстарался и нашел мне женихов.

– Что ты говоришь? – спросила Алекс, пытаясь разгадать, отчего у подруги такое растерянное и удивленное выражение лица.

– Да. Надо сказать, его желание сбыть меня с рук настолько велико, что он решился на меры, которые иначе как экстравагантными я назвать не могу.

– Что ты имеешь в виду?

Элизабет с трудом сдержала неожиданный приступ истерического смеха:

– Он разослал письма моим бывшим поклонникам, спрашивая, интересуется ли их по-прежнему моя особа...

– О Боже, – выдохнула Алекс.

– И если да, то он готов отправить меня к ним на несколько денечков под опекой Люсинды, с тем чтобы они могли решить, подхожу ли я им.

– О Боже, – уже громче повторила Алекс.

– Он разослал пятнадцать писем. Двенадцать человек ответили отказом, – продолжила Элизабет, и Алекс сочувственно покачала головой, – но трое выразили согласие с его планом, и теперь я должна отправиться к ним с визитами. А поскольку Люсинда сейчас в Девоне, то к первым двум кандидатам я поеду с Бертой, которую буду выдавать за свою тетю. Правда, в Шотландию, к третьему искателю моей руки, – Элизабет фыркнула, употребив это слово по отношению к Яну Торнтону, – я поеду все-таки с Люсиндой. Надеюсь, что к этому времени она вернется.

– Да, но к первым двум – с Бертой! Да она же боится собственной тени!

Испуганная новым приступом накатившего на нее веселья, Элизабет постаралась взять себя в руки.

– Да Бог с ней, с Бертой. Это самая незначительная из моих проблем. Но я не против того, чтобы ты продолжала взывать к Господу, Алекс, потому что спасти нас может только чудо.

– И кто же эти кандидаты? – спросила Алекс. Увидев, какой странной улыбкой озарилось лицо Элизабет, она еще больше встревожилась.

– Двух я вообще не помню. Забавно, не правда ли? – продолжила Элизабет с веселым удивлением. – Двое взрослых мужчин познакомились с девушкой, которая произвела на них настолько сильное впечатление, что они поспешили к ее брату просить ее руки, а она, эта девушка, совершенно не помнит их, за исключением одного имени, да и то смутно.

– Ну, это как раз неудивительно, – возразила Алекс. – Ты очень красива, и такое случается часто. Когда в свете появляется юная дебютантка, мужчины быстренько оценивают ее, причем часто довольно поверхностно, и решают для себя, хотят ли они эту девушку себе в жены. И если хотят, то делают ей предложение. Я не думаю, что это разумно с их стороны, так же, как считаю неправильным выдавать девушку за человека, которого она совсем не знает, и рассчитывать

при этом, что она будет чувствовать к нему какую-то привязанность после свадьбы. Однако в свете это называется цивилизованным способом устраивать браки.

– В действительности это как раз самый варварский способ, – с жаром сказала Элизабет, пытаясь отвлечься от своих личных несчастий, переключившись на обсуждение более общих проблем.

– Так кто же они, Элизабет? Возможно, я знаю кого-нибудь из них и помогу тебе вспомнить.

Элизабет вздохнула.

– Первый – сэр Фрэнсис Белховен...

– Ты шутишь! – в ужасе оборвала ее Алекс, бросив испуганный взгляд на Бентнера. Элизабет чуть приподняла тонкие брови в ожидании дальнейшей информации. – Боже, это ужасный, развратный старик, – возмутилась Алекс. – У меня просто не хватает благопристойных выражений, чтобы описать его. Он тучен и лыс, а его распушенность и глупость просто вошли в поговорку. К тому же он фантастически жадный, просто невероятный скряга!

– Ну, по крайней мере в этом мы сходимся, – попыталась пошутить Элизабет, не отрывая взгляда от Бентнера, который так увлекся, что обрывал совершенно здоровый куст.

– Бентнер, – мягко сказала она, тронутая тем, как близко к сердцу принимает он ее несчастья, – засохшие бутоны можно отличить по цвету.

– А кто второй? – снова вернула ее к предмету обсуждения Алекс, тревога которой все возрастала.

– Лорд Джон Марчмэн. – Видя, что Алекс это имя не знакомо, она добавила: – Граф Кэнфордский.

Подсказка сработала, и Алекс медленно кивнула головой.

– Я не знакома с ним, но кое-что слышала.

– Ну, тогда не томи меня в неизвестности, – сказала Элизабет, которой все происходящее с каждой минутой казалось все более абсурдным и нереальным. – Что тебе известно о нем?

– Да так, ничего конкретного я сейчас не вспомню... хотя, подожди – точно! Говорят, что он, – она бросила расстроенный взгляд на подругу, – помешан на спорте и редко появляется в Лондоне. Говорят, у него все стены в доме увешаны чучелами животных и рыб, которых ему удалось поймать. Теперь я вспоминаю чью-то шутку: он якобы потому до сих пор не женился, что еще ни разу не оторвался от охоты на достаточно долгий срок, чтобы подыскать себе жену. Этот и подавно тебе не подходит, – безнадежно закончила Алекс, уставившись пустым взглядом на носок своей крохотной красной туфельки.

– Да какая разница, подходит он мне или нет, если я все равно не собираюсь выходить за него замуж, – конечно, если только мне удастся этого избежать. Если бы мне удалось продержаться еще хотя бы два года, когда ко мне перейдет траст моей бабушки... С этими деньгами я смогла бы содержать Хэвенхёрст и одна. Но до тех пор мне не свести концы с концами без помощи дяди, а он грозит прекратить ее чуть ли не каждую неделю. Если я хотя бы не сделаю вид, что готова последовать его безумному плану, не сомневаюсь, что он так и сделает.

– Элизабет, – осторожно предложила Алекс, – если бы ты позволила, я могла бы помочь тебе. Мой муж...

– Не надо, пожалуйста, – остановила ее Элизабет. – Ты же знаешь, что я не могу взять у тебя деньги. Помимо всего прочего, я просто никогда не смогу вернуть их. С помощью траста я сумею содержать Хэвенхёрст – но и только. Сейчас для меня самая главная проблема – найти способ выбраться из паутины, которую сплел для меня дядя.

– Чего я никак не могу понять, так это, как твой дядя может считать подходящей партией людей, которые совершенно тебе не подходят! То есть абсолютно!

– Это мы с тобой знаем, что они мне не подходят, – криво усмехаясь, сказала Элизабет и вырвала травинку, проросшую сквозь доски скамьи, – а эти джентльмены, так называемые

кандидаты в мужья, не понимают этого – вот в чем проблема. – При этих словах в голове у нее зародилась мысль, которая начала быстро оформляться; она застыла, и только пальцы продолжали теревить травинку. Алекс сделала глубокий вдох, собираясь заговорить, и вдруг тоже замерла как статуя; в наступившей тишине они молча смотрели друг на друга, пораженные одной и той же мыслью.

– Алекс, – выпалила наконец Элизабет, – единственное, что мне нужно сделать, это...

– Элизабет, – прошептала Алекс, – это не так уж плохо, как может показаться. Единственное, что тебе нужно сделать, это...

Две давние подруги сидели в розовом саду, радостно глядя друг на друга, а время вокруг них быстро покатилося вспять, и они уже снова были девочками, которые лежали без сна в темноте и делились своими мечтами и проблемами, изобретая способы их решения, каждый раз предваряя их фразой: «Если бы только...»

– Если бы только, – сказала Элизабет, и улыбка осветила ее лицо, вызвав ответную улыбку у Алекс, – если бы только мне удалось убедить их, что мы не подходим друг другу...

– Что будет совсем нетрудно, – с энтузиазмом воскликнула Алекс, – потому что вы и в самом деле не подходите!

Обрадованная тем, что у нее теперь есть план и она может повлиять на ситуацию, которая несколько минут назад казалась безысходной, Элизабет вскочила на ноги и облегченно рассмеялась.

– Бедный сэр Фрэнсис, его ждет пренеприятнейший сюрприз, когда он обнаружит, какая я... – она помедлила, обдумывая, что вернее всего его оттолкнет, – какая страшная ханжа может стать его женой!

– И когда он узнает, какая ты сумасшедшая транжирка, – подхватила Алекс.

– Точно! – согласилась Элизабет, закружившись от восторга. Солнечные блики заплесали на ее золотых волосах и вспыхнули в зеленых глазах, когда она взглянула на своих друзей. – Уж я постараюсь убедить его в этом. Так, а как мы поступим с графом Кэнфордским?

– Какая жалость, – сказала Алекс, изображая глубочайшую печаль, – ты не сможешь показать ему, что такое настоящая рыбалка!

– Рыбалка?! – Элизабет передернула плечами. – Боже, да я при одной мысли об этих скользких тварях падаю в обморок!

– Если не считать той рыбины, которую вы поймали вчера, – улыбнулся Бентнер, который сам же и научил ее обращаться с удочкой.

Элизабет улыбнулась и попросила его разыскать Берту.

– Может быть, ты скажешь Берте, что ей предстоит побыть какое-то время моей тетей? Мне бы хотелось, чтобы к тому времени, как мы вернемся в дом, она уже прекратила истерику и была в состоянии спокойно разговаривать.

Бентнер с готовностью отправился выполнять поручение. При ярком солнечном свете потертые места его костюма особенно сильно бросались в глаза, и Элизабет в который раз пожалела, что не в состоянии обновить гардероб своих слуг.

– Ну, осталось только придумать, как охладить пыл третьего кандидата, – весело сказала Алекс. – Кто он и что мы о нем знаем? Я с ним знакома?

Именно этой минуты Элизабет и боялась.

– Ты никогда не слышала о нем до своего возвращения из свадебного путешествия.

– Да? – почувствовав недоброе, притихла Алекс.

Элизабет набрала в грудь побольше воздуха, нервно потерла руки о синие юбки своего платья и медленно заговорила:

– Наверное, я все-таки должна рассказать тебе, что случилось полтора года назад, – о Яне Торнтоне.

– Нет никакой необходимости, если тебе неприятен этот разговор. Сейчас нам нужно подумать о третьем кандидате...

– Дело в том, что Ян Торнтон как раз и есть третий кандидат.

– Боже милосердный! – в ужасе ахнула Алекс. – Но почему? То есть я хочу сказать...

– Я не знаю почему, – смутившись, сердито ответила Элизабет. – Но факт остается фактом – он принял предложение дяди. Не знаю, либо это какое-то страшное недоразумение, либо он решил таким образом поразвлечься. И в том, и в другом я не вижу смысла....

– Поразвлечься! Да он и так уже погубил тебя. Если он еще и находит в этом что-то забавное, он, должно быть, просто чудовище.

– Когда я видела его в последний раз, он не видел в этом ничего забавного, поверь мне. – Снова опустившись на скамью, она пересказала Алекс всю историю, стараясь придерживаться только голых фактов и не поддаваться эмоциям.

Глава 9

– Приехали, Берта, – сказала Элизабет, – когда дорожная карета встала у ворот громадного особняка сэра Фрэнсиса Белховена. Весь последний час Берта сидела зажмурившись, но по частому и прерывистому вздыманию ее груди Элизабет догадывалась, что она не спит. Берта до смерти боялась играть роль тетушки Элизабет. Последние несколько дней Элизабет только и делала, что успокаивала и уговаривала ее, но Берта ни за что не хотела ехать. И сейчас, когда отступать было уже поздно, она все еще молилась о чудесном избавлении.

– Тетя Берта! – громко обратилась к ней Элизабет, увидев, как распахнулась парадная дверь огромного, без определенного архитектурного стиля, дома. Дворецкий отступил в сторону, и вперед вышел лакей. – Тетя Берта!

Плотно сжатые веки горничной наконец открылись, и Элизабет с мольбой заглянула в расширившиеся от испуга карие глаза.

– Пожалуйста, не подводи меня, Берта. Я очень рассчитываю на тебя. Ты должна вести себя как моя тетя, а не как робкий мышонок. Они уже почти подошли.

Берта кивнула, судорожно сглотнув, и выпрямилась на сиденье. Стараясь успокоиться, она стала расправлять свои черные бомбазиновые юбки.

– Ну, как я выгляжу? – быстро шепнула Элизабет.

– Ужасно, – ответила Берта, взглянув на строгое черное льняное платье с глухим воротом. Элизабет очень тщательно подбирала туалеты для этого визита, уделив особое внимание платью, в котором впервые предстанет перед будущим мужем. Вдобавок к монашескому платью она отчесала от лица волосы и заколола их на затылке в пучок а-ля Люсинда, прикрыв их короткой вуалеткой. На шее у нее висело единственное «украшение», которое она была намерена носить все время своего пребывания здесь, большой уродливый железный крест, позаимствованный из фамильной часовни.

– Кошмарно, миледи, – искренне ужаснувшись, сказала Берта. Со времени исчезновения Роберта она стала называть Элизабет «миледи», отказываясь обращаться к ней с прежней фамильярностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.